

ВОПРОСЫ

криминологии, криминалистики и судебной экспертизы

сборник научных трудов

ВОПРОСЫ

криминологии, криминалистики и судебной экспертизы

сборник научных трудов

ВОПРОСЫ

криминологии, криминалистики и судебной экспертизы

Сборник научных трудов

Выпуск 1 (43), 2018

Издается с 1970 г.

Выходит один раз в полугодие.

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета

Швед А. И. – Председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, генерал-майор юстиции, кандидат юридических наук, доцент

Воронин М. В. – заместитель председателя редакционного совета

Мороз И. А. – секретарь редакционного совета, кандидат юридических наук;

Авсянников В. И.; **Врублевский П. В.**; **Гулидин Д. А.**; **Евмененко С. А.**; **Клинчук А. В.**;

Козловский А. С.; **Тетюев А. М.**, кандидат медицинских наук, доцент; **Овсюк Ю. А.**;

Остянко Ю. И., кандидат медицинских наук; **Сасункевич Н. И.**; **Сорокин А. А.**

Редакционная коллегия:

Рубис А. С. – председатель редакционной коллегии, главный редактор, доктор юридических наук, профессор

Пономаренко Ю. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, заместитель главного редактора, кандидат юридических наук

Басецкий И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь;

Зорин Г. А., доктор юридических наук, профессор; **Мухин Г. Н.**, доктор юридических наук, профессор; **Хомич В. М.**, доктор юридических наук, профессор; **Шабанов В. Б.**, доктор юридических наук, профессор; **Ревинский В. В.**, доктор технических наук, доцент, лауреат Государственной премии СССР; **Татур М. М.**, доктор технических наук, профессор; **Бачинский В. Т.**, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач Украины; **Яблонский М. Ф.**, доктор медицинских наук, профессор; **Коляда А. А.**, доктор физико-математических наук; **Хаткевич Е. П.**, кандидат юридических наук, доцент; **Лапина И. А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Тихомирова Е. А.**, кандидат филологических наук, доцент; **Цыбовский И. С.**, кандидат биологических наук; **Котова С. А.**, кандидат химических наук; **Кривицкий А. М.**, кандидат технических наук; **Ефременко Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент; **Шумак Г. А.**, кандидат юридических наук.

Ответственный за выпуск **Силивончик И. А.**

Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 2 февраля 2011 г. № 26 на основании пункта 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь сборник научных трудов «Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим специальностям: 12.00.08 (уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право); 12.00.09 (уголовный процесс); 12.00.12 (криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность); по медицинским наукам: 14.03.05 (судебная медицина).

Сборник включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), лицензионный договор от 11 апреля 2017 г. № 179–04/2017.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО	5	CRIMINAL LAW
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	21	CRIMINAL PROCESS
КРИМИНОЛОГИЯ	37	CRIMINOLOGY
КРИМИНАЛИСТИКА	63	CRIMINALISTICS
СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА	107	FORENSIC EXAMINATION
СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА	181	FORENSIC MEDICINE
СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА. АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	189	FORENSIC EXAMINATION. AUTOMATION OF EXPERT ACTIVITY
ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА	201	EXPERT PRACTICE

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.2

С. В. Ананич

кандидат юридических наук, доцент
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: sveta.js@mail.ru

Квалификация преступлений и основания уголовной ответственности

Применение норм уголовного законодательства – сложный и многогранный процесс. Одним из основных этапов применения уголовно-правовых норм является квалификация преступлений. Этот процесс включает множество субъектов, представляющих систему органов уголовного преследования. Значимость этого процесса в последующем определяет законность и обоснованность приговора суда, в соответствии с которым лицо, совершившее преступление, будет подвергнуто мерам уголовной ответственности. В связи с этим исключительно важным является осуществление квалификации преступлений на основе единых методологических принципов и правил.

Ключевые слова: квалификация преступлений, основание уголовной ответственности, приготовление к преступлению, покушение на преступление, соучастие в преступлении, добровольный отказ от преступления, совокупность преступлений.

В соответствии со ст. 10 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) основанием уголовной ответственности является совершение виновно запрещенного данным кодексом деяния в виде оконченного преступления, приготовления к совершению преступления, покушения на совершение преступления, соучастия в совершении преступления.

В статьях Особенной части УК все преступления сформулированы как оконченные деяния и применительно к действиям лица, непосредственно выполняющего объективного сторону состава преступления, т. е. исполнителя. Поэтому для правильной квалификации преступлений, объективная сторона которых отличается от формулировки статьи Особенной части, требуется ссылка на ст. ст. 13, 14, 16 Общей части УК. Указанные нормы позволяют отразить в квалификации неоконченное преступное деяние, а также действия, образующие соучастие, не связанное с непосредственным выполнением объективной стороны преступления.

Правильная квалификация преступления важна не только как точная уголовно-правовая оценка с указанием соответствующих статей УК, но это еще и условие справедливого назначения наказания. Наказание назначается с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, степени осуществления преступного намерения при неоконченной преступной деятельности, а также характера и степени участия лица в преступлении, совершенном в соучастии, иных обстоятельств дела.

В связи с этим представляется необходимым точное установление и последующая правовая оценка совершенного деяния с точки зрения наличия признаков состава преступления: оконченного, неоконченного, а также, совершенного в соучастии.

Квалификация неоконченного преступления требует решения в ее процессе следующих задач: отграничения приготовления от покушения, и покушения от оконченного преступления. Точное определение стадии совершения преступления также позволяет установить временные пределы, в которых может быть осуществлен добровольный отказ или деятельное раскаяние. Приготовление к преступлению, не представляющему большой общественной опасности, уголовную ответственность не влечет (ч. 2 ст. 13 УК). Данное законодательное положение можно признать определенной законодателем ситуацией признания деяния малозначительным.

Уголовно-правовая квалификация неоконченной преступной деятельности должна осуществляться исходя из конструкции этого деяния в статье Особенной части УК. Законодатель по своему усмотрению оценивает характер и степень общественной опасности конкретного преступного деяния и определяет конкретные действия (бездействия) и общественно опасные последствия, требуемые для признания состава преступления определенного вида оконченным.

Помимо традиционного деления составов на материальные и формальные по законодательной конструкции объективной стороны, следует обратить внимание на усеченные составы. Это составы, в которых момент окончания переносится на более раннюю стадию развития преступной деятельности, когда объекту посяательства еще не причинен вред, а лишь создана реальная опасность такого вреда.

О сложностях правовой оценки преступлений, имеющих усеченный состав, с точки зрения стадий совершения преступлений неоднократно отмечалось в литературе. По мнению некоторых авторов, такие преступления рассматриваются не по стадиям предварительной преступной деятельности, а только лишь как оконченные преступления. Однако в актах толкования уголовного закона можно увидеть отдельные исключительные ситуации покушений на преступления с усеченными составами. Например, покушение на создание банды [1, с. 40–42; 2, с. 56–57].

Наилучшим образом иллюстрирует специфику усеченного состава разбой, определяемый законодателем как применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия с целью непосредственного завладения имуществом (ч. 1 ст. 207 УК).

В связи с этим в процессе квалификации разбоя или в процессе анализа его состава может закономерно возникнуть вопрос о возможности покушения на это преступление. По своей сути объективная сторона разбоя представляет собой покушение на хищение имущества в сравнении с большинством хищений иных форм, сконструированных законодателем с материальными составами. Можно представить покушение на это преступление при наличии фактической ошибки. Например, в случае выстрела из огнестрельного оружия в манекен, принятый за человека, при совершении хищения. В таком случае по не зависящим от преступника обстоятельствам, в совершенном деянии отсутствует такой признак состава разбоя, как дополнительный непосредственный объект – жизнь и здоровье человека.

Полагаем, что с учетом правил квалификации преступлений при фактических ошибках законодательное определение покушения, данное в ч. 1 ст. 14 УК, не в полной мере учитывает все возможные варианты покушений на преступления. Формулировка, в соответствии с которой покушением признается умышленное действие или бездействие лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам, приемлема для случаев неполной реализации умысла преступника в случае совершения общественно опасного деяния с материальной или формальной конструкцией объективной стороны. А вот в случае с усеченным составом разбоя мнение субъекта о завершенности преступления и его законодательной конструкции уже расходятся. Еще более сложная ситуация с пониманием преступления при фактической ошибке.

В связи с изложенными обстоятельствами считаем логически обоснованным дополнение законодательного определения покушения на преступления. Так, например, можно устранить описанные выше противоречия, если заменить слова «...если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.» словами «...если по не зависящим от этого лица обстоятельствам преступление не было доведено до конца либо вследствие заблуждения лица отсутствует предусмотренный статьей Особенной части настоящего Кодекса признак преступления.».

Далее считаем необходимым рассмотреть тот же состав разбоя с квалифицирующими признаками с точки зрения его правовой оценки как оконченного либо неоконченного деяния. Итак, выше было указано, что разбой как преступление с усеченным составом считается оконченным с момента применения насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угрозы таким насилием с целью непосредственного завладения имуществом.

Такие квалифицирующие признаки разбоя, как повторность, совершение преступления группой лиц или организованной группой, с целью завладения имуществом в крупном или особо крупном размере, не меняют сути преступления с точки зрения описания объективной стороны, т. е. не противоречат усеченной конструкции состава рассматриваемого преступления. Можно вполне представить попытку завладения имуществом способами, указанными в ст. 207 с любым из указанных квалифицирующих признаков. Разбой, совершенный с проникновением в жилище, в этом смысле вызывает вопросы. Если сам разбой в конструкции объективной стороны – это попытка завладения имуществом, и фактически имущество преступнику получить не удалось, то требуется ли для данного состава осуществление проникновения в жилище как юридически оконченного деяния?

Полагаем необходимым для ответа на этот вопрос рассмотреть законодательную модель состава разбоя, совершенного с проникновением в жилище. Данный состав преступления можно рассматривать как разновидность составного единичного преступления. Указанный состав включает два состава преступлений, которые можно рассматривать как самостоятельные – это разбой и проникновение в жилище. Полагаем, что использованное законодателем словосочетание «проникновение в жилище» предполагает данное деяние в виде вторжения в жилище, что не может быть усеченным составом.

Таким образом, если в процессе совершения разбоя преступником была предпринята попытка вторжения в жилище, состав разбоя с проникновением в жилище следует считать покушением на преступление. Таким образом, снова речь идет о покушении на состав, который в законе сформулирован как усеченный.

Еще один вопрос квалификации разбоя может появиться, если в составе этого преступления содержится несколько квалифицирующих признаков в сочетании с попыткой проникновения в жилище. Например, разбой был совершен группой лиц, с целью завладения имуществом в крупном размере, был сопряжен с неудачной попыткой проникновения в жилище. В этом случае с двумя первыми признаками состав разбоя признается юридически оконченным. Разбой с проникновением в жилище является покушением на преступление. Можно ли признать правильным и применить поглощение составом оконченного преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 207 УК с признаками совершения группой лиц и с целью завладения имуществом в крупном размере состава покушения на разбой с проникновением в жилище?

Считаем более правильным и точным квалифицировать преступление по каждому признаку с учетом стадии. В таком случае одно преступление, не образуя множественности, будет квалифицироваться по ч. 2 ст. 207 и ч. 1 ч. 14 ч. 2 ст. 207 УК. Подобная правовая оценка упоминается законодателем в ст. 71 УК в качестве повторности преступлений, не образующих совокупности. В рассмотренном случае имеет место объективно иная ситуация, которая обусловлена объединением нескольких различных по объективному проявлению деяний в рамках составного единичного преступления. Считаем необходимым такую ситуа-

цию урегулировать в законе посредством определения правил квалификации преступлений в случае, когда в одном деянии содержатся признаки как оконченного, так и неоконченного преступления. Другим способом устранения обозначенных вопросов квалификации может быть законодательный отказ от конструирования составных преступлений и квалификация по совокупности преступлений.

При правовой оценке неоконченной преступной деятельности приходится сопоставлять два обстоятельства – конструкцию состава преступления в законе и степень реализации умысла лица, совершающего преступление. Оба эти обстоятельства при различных ситуациях влияют на определение стадии совершения преступления. И если влияние законодательной конструкции объективной стороны состава преступления на момент его окончания определено достаточно четко (ч. ч. 2, 3 ст. 11 УК), то второе обстоятельство обуславливает квалификацию не так однозначно.

Например, при квалификации хищений расхождение между фактически совершенным деянием и умыслом лица, совершившего хищение, может получить правовую оценку в двух вариантах. При направленности умысла на хищение в крупном или особо крупном размере и фактически совершенном хищении без этих признаков, содеянное квалифицируется как покушение на хищение в крупном или особо крупном размере. При расхождении умысла преступника и фактически похищенного в пределах основного (простого) состава хищения, такое расхождение не влияет на квалификацию. Совершенное хищение квалифицируется как оконченное преступление с основным составом.

Теперь рассмотрим правовую оценку убийства, в котором умысел лица был направлен на совершение такого преступления при отягчающих обстоятельствах, однако по не зависящим от него причинам такое обстоятельство отсутствует.

Наиболее распространенный пример – совершение попытки убийства двух лиц, если при этом один потерпевший скончался, а второму причинены телесные повреждения. В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)», если при наличии прямого умысла на лишение жизни двух или более лиц совершены убийство одного человека и покушение на жизнь другого (других), то содеянное не может рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух или более лиц и подлежит квалификации по ч. 1 ст. 139 УК или соответствующим пунктам ч. 2 ст. 139 УК (за исключением п. 1), ч. 1 ст. 14 и п. 1 ч. 2 ст. 139 УК [3]. Рассматривая такую ситуацию, А. В. Корнеева считает необоснованной квалификацию единичного преступления по двум уголовно-правовым нормам [4, с. 100–101].

Если сопоставить рассмотренные выше правила квалификации хищений и убийств и быть последовательным, то следует признать обоснованным несколько иной подход к квалификации хищений при нереализованном умысле на совершение хищения в крупном или особо крупном размере. В таком деянии содержатся признаки основного состава преступления в виде оконченного деяния и покушения на преступление с квалифицированным составом. И содеянное может быть квалифицировано (например, если совершается кража) по ч. 1 ст. 205 и ч. 1 ст. 14 ч. 3 ст. 205 УК. Теоретически разработанные общие правила квалификации преступлений, связанные с конкуренцией норм, указывают на то, что при конкуренции квалифицированного и основного составов, содеянное подлежит оценке по признакам квалифицированного состава. Можно ли это правило применить, если конкурирующие составы различаются по стадиям? Приведенный выше анализ правовой оценки хищений и убийств показывает неоднозначность решения этого вопроса.

Еще сложнее ситуация в случае конкуренции нескольких квалифицирующих признаков одной части статьи Особенной части УК, если содеянное по каждому признаку различается стадией осуществления преступного намерения. Ранее нами была рассмотрена ситуация правовой оценки разбоя. Также можно предположить убийство женщины, в отношении которой преступником ошибочно предполагалось наличие беременности, совершенное с особой жестокостью.

В таком случае имеется оконченное убийство с признаками состава, предусмотренного п. 6 ч. 2 ст. 139 УК, а также покушение на убийство, предусмотренное п. 3 ч. 2 ст. 139 УК. Полагаем обоснованным и необходимым учитывать при квалификации такого преступления все обстоятельства: наличие признаков квалифицированного (либо основного) состава соответствующего преступления, а также стадию реализации преступного намерения по каждому признаку состава.

Правильная правовая оценка совершенного деяния с точки зрения стадии осуществления преступного намерения позволяет также определить юридическую природу позитивного поведения субъекта, направленного на прекращение (нейтрализацию) своего деяния в виде добровольного отказа или деятельного раскаяния. Полагаем необходимым с этой позиции обратить внимание на отдельные законодательные положения, которые, на наш взгляд, не вполне верно оперируют вопросами правовой оценки содеянного с учетом стадии совершения преступления и позитивного поведения лица, направленного на нейтрализацию вреда общественным отношениям.

Обратимся к примечанию к ст. 289 УК «Акт терроризм», в соответствии с которым лицо, участвовавшее в приготовлении к деяниям, предусмотренным настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности за эти деяния, если оно своевременным предупреждением государственных органов или иным образом предотвратило акт терроризма. Данное положение в полной мере соответствует положениям ст. 15 УК, предусматривающей добровольный отказ от совершения преступления. Безусловно, что акт терроризма является наиболее опасным преступлением, посягающим на общественную безопасность, которое часто направлено и на другой непосредственный объект – жизнь человека. Поэтому понятно стремление законодателя дополнительно в норме Особенной части УК оговорить особенности добровольного отказа от данного преступления, в то время как в остальных случаях в Особенной части предусматриваются основания освобождения от уголовной ответственности вследствие деятельного раскаяния. Но указанное примечание к ст. 289 УК, на наш взгляд, неосновательно указывает правовую природу действий, предотвративших акт терроризма как основание освобождения от уголовной ответственности. Будучи же признанным в качестве добровольного отказа в соответствии со ст. 15 УК, такое деяние свидетельствует об отсутствии основания уголовной ответственности. Таким образом, в рассматриваемом примечании законодатель устанавливает особое основание освобождения от уголовной ответственности (очевидно, с учетом высокой общественной опасности акта терроризма), но при этом возникает противоречие как со ст. 15, так и со ст. 10 УК. Освободить от уголовной ответственности можно лишь при наличии к ней оснований. В случае предотвращения акта терроризма своими добровольными действиями предшествующие действия по его подготовке не содержат оснований уголовной ответственности, указанных в ст. 10 УК. Если же лицо, участвовавшее в подготовке акта терроризма, было задержано, и в процессе сотрудничества с правоохранительными органами посредством своевременно предоставленной информации предотвратило акт терроризма, в таком случае отсутствуют признаки добровольного отказа и это будет служить основанием освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 289 УК.

В связи с изложенной ситуацией следует обратить внимание на законодательное положение ч. 1 ст. 13 УК, определяющее приготовление к преступлению без указания на признак прерванности действий лица по не зависящим от него обстоятельствам, как это указано для покушения на преступление. Конечно, такой признак подразумевается, но он должен быть указан непосредственно в законе. Подвергается обоснованной критике законодательная конструкция приготовления. Тем самым нарушается принцип системности законодательства, предполагающий внутреннюю согласованность всех его положений, норм и институтов [5, с. 31–32].

Рассмотрим некоторые вопросы квалификации соучастия в преступлении. В случае выполнения соучастниками различных по своей юридической природе ролей в преступлении имеет место сложное соучастие. Данная форма соучастия квалифицируется со ссылками на ч. 4, ч. 5 или ч. 6 ст. 16 УК при правовой оценке действий организатора, подстрекателя или пособника. Однако в уголовном законе получили распространение нормы, которые в качестве самостоятельных составов преступлений предусматривают действия организаторов, подстрекателей и пособников в отношении некоторых видов преступлений. Т. е. то, что по сути могло квалифицироваться со ссылкой на ст. 16 УК, выделено законодателем в самостоятельный состав. Таковы, например, преступления террористической направленности, такие как акт терроризма, финансирование террористической деятельности, содействие террористической деятельности, прохождение обучения или иной подготовки для участия в террористической деятельности и др. (ст. ст. 289, 290¹–290⁵ УК).

В таких случаях возникает вопрос о возможной квалификации действий лица по совокупности ст. 289 и ст. 290¹–290⁵ УК. В уголовном законе специально оговаривается, что преступления, совершенные преступной организацией или бандой, подлежат квалификации самостоятельно и образуют совокупность преступлений. Полагаем необходимым выработать аналогичное законодательное положение относительно преступлений террористической направленности.

Однако, можно аналогичную ситуацию выявить в преступлениях, посягающих на иные общественные отношения. Так, например, деяния, образующие объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 371¹ УК «Организация незаконной миграции», могут выражаться в организации, руководстве или содействии незаконному въезду в Республику Беларусь. Выступая исполнителем преступления, предусмотренного ст. 371¹ УК, может ли лицо также быть организатором преступления, предусмотренного ст. 371 УК «Незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь»? Либо следует рассматривать в данном случае конкуренцию норм и применять только одну? Полагаем, что можно привести аргументированное обоснование для каждого варианта квалификации.

Использование в законе норм, в которых в самостоятельное оконченное преступление выделяются различные стадии осуществления преступной деятельности в их понимании в соответствии со ст. ст. 13, 14 УК, а также различных форм групповой преступной деятельности, которые в соответствии со ст. 16 могут также рассматриваться как сложное соучастие, неизбежно порождает трудности квалификации таких преступлений.

В связи с изложенным представляется, что назрела необходимость анализа и приведения к единообразию правил квалификации преступлений. Научные основы и правила квалификации, связанные с различными ситуациями проявления общественно опасного деяния (наличием неоконченного деяния, соучастия в преступлении и т. д.), а также наличием в законе конкурирующих норм, в настоящее время разработаны доктринально. Доктринальное толкование может быть различным. В то время как разъяснения, даваемые в актах толкования уголовного закона, либо разъяснение определенных терминов или правил назначения наказания самим законодателем носят обязательный характер, что обеспечивает единообразие в деятельности правоприменительных органов.

Полагаем, что нормативное определение и закрепление основ и правил квалификации преступлений будет способствовать обеспечению законности при отправлении правосудия по уголовным делам.

Список использованных источников

1. Кадников, Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования : теория и практика : учеб. пособие / Н. Г. Кадников. – М. : Норма, 2003. – 144 с.

2. Савельева, В. С. Основы квалификации преступлений : учеб. пособие / В. С. Савельева. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 80 с.

3. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 17 дек. 2002 г., № 9 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Корнеева, А. В. Теоретические основы квалификации преступлений : учеб. пособие / А. В. Корнеева ; под ред. А. И. Рарога. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 176 с.

5. Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе / О. И. Бахур [и др.] ; под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск : Белпринт, 2015. – 276 с.

Дата поступления: 26.03.2018

S. V. Ananich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

QUALIFICATION OF CRIMES AND BASIS OF CRIMINAL LIABILITY

The application of criminal law is a complex and multifaceted process. One of the main stages in the application of criminally-legal norms is the qualification of crimes. This process involves many actors representing the system of criminal prosecution bodies. The importance of this process in the future determines the legality and validity of the sentence of the court, according to which the person who committed the crime will be subject to criminal liability. In this regard, it is extremely important to implement the qualification of crimes on the basis of unified methodological principles and rules.

Keywords: qualification of crimes, criminal liability, preparation for a crime, attempt on a crime, complicity in a crime, voluntary refusal of a crime, set of crimes.

УДК 343.352

В. М. Веремеенко

кандидат юридических наук, доцент
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: vitalik.VVM@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

Статья посвящена актуальной для теории и правоприменительной практики теме – характеристике квалифицирующих признаков получения взятки. Особое внимание уделено дискуссионным вопросам. Проанализировав разнообразные точки зрения, касающиеся получения взятки повторно, путем вымогательства, группой лиц по предварительному сговору и в крупном размере, обосновывается собственное видение имеющихся проблем, высказываются предложения, которые способствовали бы более правильному и единообразному подходу к их оценке и решению.

Ключевые слова: получение взятки, квалифицирующие признаки, повторность, вымогательство взятки, получение взятки группой лиц по предварительному сговору, крупный размер взятки.

Согласно ч. 2 ст. 430 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь квалифицирующими признаками получения взятки являются: повторность, вымогательство взятки, получение взятки группой лиц по предварительному сговору, крупный размер взятки. Их выделение в квалифицированном составе рассматриваемого преступления представляется нам вполне обоснованным, так как, во-первых, указанные обстоятельства весьма характерны для получения взятки и, во-вторых, они существенно повышают степень общественной опасности данного деяния.

Установление и правильная оценка квалифицирующих признаков любого преступления, в том числе и получения взятки, влияют на квалификацию деяния, назначение справедливого наказания и принятие действенных мер по противодействию данному преступлению. Не случайно, их исследованием занимались многие ученые: Н. А. Бабий, В. Н. Барков, А. И. Добродей, Б. Д. Завидов, Б. В. Здравомыслов, А. М. Клим, В. В. Лосев, В. М. Хомич и др. Однако в юридической литературе некоторые аспекты данной проблемы изучены не в полной мере, среди ученых и практиков нет единства взглядов по ряду вопросов рассматриваемой темы. Отмеченные обстоятельства обуславливают необходимость дальнейшего исследования указанной темы.

Одним из первых квалифицирующих признаков рассматриваемого преступления является совершение его повторно. Отнесение данного обстоятельства к квалифицирующим не случайно. Это обусловлено тем, что совершение преступления несколько раз свидетельствует о повышенной общественной опасности личности взяткополучателя, о формировании у него стойких антиобщественных установок, что требует и больших усилий со стороны государства для его исправления.

Понятие повторности получения взятки содержится в ч. 4 примечаний к гл. 35 УК, где говорится: «Преступления, предусмотренные статьями 430, 431 и 432 настоящего Кодекса, признаются совершенными повторно, если им предшествовало совершение любого из перечисленных преступлений» [1, с. 248]. Из этого следует, что повторность в этом составе может быть как одновидовой, так и однородной. Поэтому, если получению взятки предшествовали дача взятки или посредничество во взяточничестве, то ответственность наступает по совокупности преступлений. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в своем постановлении от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве», раскрывая понятие признака повторности, указал, что данный признак имеет место при одновременном получении взятки от нескольких лиц, если в интересах каждого из взяткодателей совершается отдельное действие. Систематическая же передача ценностей и оказание услуг имущественного характера должностному лицу за общее покровительство или попустительство по службе не может квалифицироваться как дача или получение взятки повторно, если эти действия охватывались единым умыслом взяткодателя и взяткополучателя и имели характер продолжаемого преступления.

Высшая судебная инстанция республики обратила также внимание на то, что принятие должностным лицом в несколько приемов заранее обусловленного вознаграждения, обеспечивающего наступление желаемого результата, не может рассматриваться как повторное получение взятки [2]. При такой ситуации, как справедливо отмечал Б. В. Здравомыслов, «имеется по существу одна заранее обусловленная взятка, получение которой лишь разбито по времени на части» [3, с. 140].

На практике при оценке данного квалифицирующего признака довольно часто возникают вопросы о наличии повторности, если одновременно должностное лицо получает взятку от нескольких лиц, в отношении каждого из которых совершает отдельные, но одинаковые по своему содержанию действия. В подобных ситуациях, полагаем, прав Б. В. Волженкин, который считал, что признак повторности получения взятки будет иметь место в том случае, если взяткополучатель понимал, что материальное вознаграждение передается ему не менее чем от двух лиц и что в отношении каждого из них он должен совершить определенные действия с использованием своего должностного положения [4, с. 229].

Определенные разночтения наблюдаются в юридической литературе по вопросу о наличии повторности получения взятки и в тех случаях, когда должностное лицо, получив обусловленное вознаграждение, затем требует и получает от взяткодателя доплату к ранее полученной взятке. Б. В. Волженкин считал, что в этих ситуациях отсутствует повторность, а имеет место единое продолжаемое преступление [4, с. 230–231]. Этой же позиции придерживается и Б. Д. Завидов [5, с. 13–14]. Н. А. Бабий разрешение данной ситуации совершенно справедливо, на наш взгляд, увязывает с фактическим и юридическим моментом окончания преступления. По его мнению, если должностное лицо, столкнувшись со значительными трудностями в осуществлении обещанного деяния, запросит повысить размер взятки, то принятие дополнения к ранее полученной взятке за то же самое деяние находится в рамках одного и того же преступления. Если же после окончания преступления, когда предмет взятки принят должностным лицом и завершены оплаченные действия либо отказано в их совершении, должностное лицо вновь обращается за вознаграждением, то в этом случае совершается новое преступление и ответственность должна наступать за получение взятки повторно [6, с. 291].

От повторности получения взятки следует отличать единое продолжаемое преступление. Продолжаемыми являются преступления, складывающиеся из совокупности юридически тождественных деяний, объединенных единым умыслом, направленных к достижению единой цели и представляющих собой этапы реализации единого намерения. Следовательно, получение единой взятки отдельными частями, передаваемыми должностному лицу в различное время, получение должностным лицом периодических выплат в виде взятки за совершение одного деяния, например, ежемесячные подношения за покровительство по службе – это единые продолжаемые преступления.

Таким образом, исходя из сказанного, повторность будет иметь место в случаях получения взятки одним и тем же должностным лицом:

- одновременно от разных лиц за совершение в интересах каждого из них отдельных действий;
- разновременно два раза и более за совершение отдельных деяний по вновь возникшему умыслу в интересах одного и того же лица;
- разновременно два раза и более за совершение разных деяний в интересах различных лиц;
- разновременно за совершение одного и того же деяния в интересах нескольких лиц, действующих самостоятельно без сговора между ними и должностным лицом.

Одним из наиболее спорных вопросов, касающихся квалифицирующих признаков получения взятки, является вопрос о ее вымогательстве. Изучение судебной практики по уголовным делам данной категории, соответствующие примеры из которой нами уже приводились в ранее опубликованных работах, являются ярким тому подтверждением [7, с. 65]. В юридической литературе имеются разночтения по ряду аспектов названного квалифицирующего признака: возможно ли вымогательство взятки при угрозе незаконным интересам взяткодателя; будет ли иметь место вымогательство взятки, если требование дать взятку и угроза причинить вымогаемому лицу какой-либо вред явно не выражены, т. е. носят завуалированный характер; можно ли рассматривать само по себе требование дать взятку как вымогательство взятки и др.

В этой связи важно тщательно исследовать и проанализировать содержание рассматриваемого квалифицирующего признака получения взятки, чтобы дать правильные ответы на указанные вопросы и сделать обоснованный вывод, имелось ли в конкретном случае вымогательство взятки.

В соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 под вымогательством взятки понимается требование должностного лица дать взятку под угрозой совершения таких действий по службе, которые могут причинить ущерб законным интересам гражданина, либо умышленное поставление гражданина посредством бездействия по службе в такие условия, при которых он был вынужден дать взятку для предотвращения вредных последствий его правоохраняемым интересам [2].

Как видим, высшая судебная инстанция республики указала, что для признания действий вымогательством взятки обязательными являются:

- требование должностного лица дать взятку под угрозой совершения таких действий по службе, которые могут причинить ущерб законным интересам взяткодателя;
- умышленное поставление взяткодателя посредством бездействия по службе в такие условия, при которых он был вынужден дать взятку для предотвращения вредных последствий его правоохраняемым интересам.

Из этого следует, что вымогательство взятки связывается с угрозой нарушения не любых, а только лишь законных, правоохраняемых интересов лица, давшего взятку. Однако в юридической литературе по данному вопросу существуют разногласия. В дискуссии о возможности вымогательства под угрозой незаконным интересам взяткодателя в настоящее время преобладает позиция, отрицающая такую возможность. Большинство ученых полагают, что угроза должностного лица причинить вред неправомерным интересам, вымогательством взятки не является [3, с. 144–145; 4, с. 235; 6, с. 363; 8, с. 125]. В то же время некоторые авторы признают вымогательством взятки требование должностным лицом вознаграждения под угрозой совершения законных действий [9, с. 22; 10, с. 727].

Мы солидарны с позицией большинства авторов, совпадающей с разъяснениями Пленума Верховного Суда Республики Беларусь о том, что угроза должностного лица причинить вред неправомерным интересам, вымогательством взятки не является. Ведь взяткополучатель, принуждая потерпевшего дать взятку, ставит под угрозу нарушения или нарушает

те права и интересы последнего, которые охраняются законом. Незаконные же притязания не могут подлежать правовой защите. Вместе с тем, следует отметить, что на практике иногда встречаются ситуации, при которых не всегда можно установить, законны ли действия, которыми угрожают, требуя взятку (например, если нужный взяткодателю вопрос может иметь различное решение в зависимости от допустимого усмотрения должностного лица). К тому же, лицо, принуждаемое к даче взятки, не всегда может определить, законным или незаконным действием ему угрожают. Например, следователь или инспектор ДПС ГАИ, зная, что в содеянном гражданином отсутствует состав правонарушения, угрожают привлечь его к ответственности, а, получив взятку, дело законно и обоснованно прекращают. Осознает ли гражданин при таких условиях, что, передавая взятку, он действует во имя своего законного интереса? Ведь он может считать себя действительно виновным. Поэтому признаком угрозы, полагаем, выступает не только ее действительная опасность для правоохраняемого интереса, а и реальность, обеспеченная прямым требованием должностного лица дать взятку. В этой связи следует отметить, что, хотя само по себе требование дать взятку, не сопровождаемое принуждающей угрозой либо поставлением лица в соответствующие условия, не может рассматриваться как вымогательство взятки, однако нельзя забывать и об опасности исключительно самой инициативы взяткополучателя и о дополнительном подрыве вымогательством авторитета службы.

Сказанное свидетельствует о том, что понятие вымогательства взятки нуждается в дальнейшем изучении и уточнении. Заслуживает обсуждения и позиция авторов, предлагающих выделить норму о должностном вымогательстве в отдельную статью [11, с. 67–68; 12, с. 78–79; 13, с. 8; 14, с. 62].

Еще одним обстоятельством, существенно повышающим степень опасности рассматриваемого преступления, является получение взятки по предварительному сговору группой лиц.

В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 указывается, что «получение взятки группой лиц по предварительному сговору имеет место тогда, когда в данном преступлении участвовало два или более должностных лица, заранее договорившихся о совместном совершении или несовершении в интересах дающего взятку какого-либо конкретного действия (бездействия) по службе». Здесь же даны разъяснения, касающиеся содержания анализируемого признака [2]. Несмотря на это, в юридической литературе некоторые вопросы относительно оценки указанного признака решаются противоречиво.

Одним из них является вопрос о составе группы лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 430 УК: будет ли иметь место данный признак при наличии в группе лишь одного специального субъекта. Ответ на данный вопрос, как мы выяснили, содержится в названном постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, в котором подчеркивается необходимость участия в такой группе двух или более должностных лиц. Такой же позиции придерживается большинство авторов [4, с. 222; 5, с. 12; 8, с. 126]. Вместе с тем, в юридической литературе существует и другая точка зрения. Так, некоторые авторы предлагают квалифицировать действия взяткополучателя как совершенные группой лиц по предварительному сговору даже при участии в преступлении лишь одного специального субъекта и иных лиц, не являющихся субъектами рассматриваемого преступления [15, с. 141–142; 16, с. 19–20]. Подобная позиция представляется ошибочной. Ведь в соответствии с ч. 1 ст. 17 УК (ч. 1 ст. 35 УК Российской Федерации) преступление признается совершенным группой лиц, если хотя бы два лица совместно участвовали в его совершении в качестве исполнителей [1]. Поскольку исполнителем получения взятки является только должностное лицо, то групповым это преступление может быть признано лишь тогда, когда в нем участвовали два и более таких лиц.

Определенные сложности вызывает и вопрос об определении момента окончания получения взятки при наличии рассматриваемого квалифицирующего признака. Большинство авторов считают, что преступление считается оконченным при получении взятки хотя бы

одним из должностных лиц [4, с. 225; 5, с. 12; 8, с. 126]. На это нацеливает и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, в постановлении которого от 26 июня 2003 г. № 6 сказано: «Получение взятки группой лиц должно признаваться оконченным преступлением, если взятка принята хотя бы одним из должностных лиц» [2]. Поддерживая данную позицию, считаем вместе с тем необходимым отметить, что имеется и иная точка зрения по данному вопросу. Так, некоторые авторы полагают необходимым получение взятки каждым из участников группы для признания преступления оконченным [17, с. 22–23].

Не имея возможности вступать в дискуссию по данному вопросу из-за ограниченно-го объема публикации, хочется отметить, что довольно аргументированный подход, как представляется, к определению момента окончания получения взятки группой лиц по предварительному сговору предложен Н. А. Бабием, с позицией которого мы солидарны [6, с. 325–329].

В ч. 2 ст. 430 УК содержится и такой квалифицирующий признак, как получение взятки в крупном размере. Следует, однако, отметить, что не все согласны рассматривать его в таком качестве. Некоторые ученые предлагают исключить крупный размер из числа квалифицирующих признаков получения взятки, обосновывая свою позицию различными аргументами: размер взятки не влияет на фактическую тяжесть этого преступления; при получении взятки в крупном размере не происходит увеличение общественной опасности, а речь идет лишь о ее возникновении и др. [17, с. 24; 18, с. 22]. С подобным подходом вряд ли можно согласиться, т. к. он не соответствует принципам социальной справедливости и дифференциации уголовной ответственности. Размер взятки, указывая на степень тяжести совершенного преступления, является основанием для дифференциации ответственности. Иначе, букет цветов и бутылку шампанского, стоимостью 0,5 базовых величин, врученных должностному лицу в благодарность за благоприятное решение вопроса, в пользу дающего, придется оценивать столь же сурово, как и полученную взятку в размере 900 базовых величин. В этой связи, полагаем, прав Н. А. Бабий, который считает, что «именно размер взятки является хотя и косвенным, но достаточно точным показателем степени общественной опасности не только самого незаконного обогащения субъекта, но и показателем степени важности пораженных подкупленных чиновником объектов и степени тяжести причиняемого им вреда» [6, с. 312].

Крупный размер полученной взятки – признак строго формализованный. В соответствии с ч. 2 примечаний к гл. 35 УК им признается размер на сумму, в 250 и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. Размер определяется только применительно к отдельной взятке. Поэтому при совершении нескольких единичных преступлений суммирование размера полученных взяток не производится. Если же незаконное вознаграждение в крупном размере получено должностным лицом частями, но эти действия представляют собой эпизоды одного продолжаемого преступления, содеянное должно квалифицироваться как получение взятки в крупном размере.

При оценке данного квалифицирующего признака неоднозначно решается вопрос о моменте окончания получения взятки в крупном размере. Так, некоторые авторы признают оконченным преступлением получение хотя бы части взятки, если ее размер не достиг обусловленного крупного размера по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного [19, с. 21; 20, с. 21]. Подобные взгляды вызывают возражения. Во-первых, оконченное преступление можно вменять только при условии наличия всех признаков, указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы. Размер взятки является конструктивным признаком состава. И если указано, что ответственность наступает за получение взятки в крупном размере, то для того, чтобы признать это преступление оконченным, требуется принятие должностным лицом ценностей в крупном размере. И, во-вторых, такой подход исключает возможность добровольного отказа должностного лица от доведения преступления до конца, что лишь стимулирует должностных лиц к завершению криминальной деятельности.

Представляется, что в подобных ситуациях содеянное следует оценивать как покушение на получение взятки в крупном размере.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить следующее:

1. В теории и правоприменительной практике ряд вопросов, касающихся оценки квалифицирующих признаков состава получения взятки, решается неоднозначно. Так, при характеристике признака повторности возникают разногласия по таким вопросам, как отграничение повторности от единого продолжаемого преступления, о квалификации содеянного при получении должностным лицом взятки от нескольких лиц, а также доплаты к ранее полученной взятке.

2. Проанализировав имеющиеся в литературе разнообразные точки зрения по наиболее дискуссионным вопросам вымогательства взятки, следует отметить, что данный признак также нуждается в дальнейшем изучении и уточнении.

3. Как мы выяснили, среди ученых отсутствует единое мнение и по ряду аспектов таких квалифицирующих признаков, как получение взятки группой лиц по предварительному сговору и в крупном размере. Нами обоснована ошибочность ряда позиций: исключение крупного размера из числа квалифицирующих признаков; признание получения взятки группой лиц при наличии лишь одного специального субъекта и др.

4. В связи с изложенным и с учетом значительного числа спорных вопросов, возникающих при анализе квалифицирующих признаков получения взятки, представляется, что выявление разночтений и высказанные при этом предложения по их разрешению должны способствовать более правильному и единообразному подходу к оценке исследуемых признаков.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г. № 6 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда от 24.09.2009 г. № 8 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Здравомыслов, Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация / Б. В. Здравомыслов. – М. : Юрид. лит., 1975. – 168 с.

4. Волженкин, Б. В. Служебные преступления / Б. В. Волженкин. – М. : Юрист, 2000. – 368 с.

5. Завидов, Б. Д. Взяточничество. Уголовно-правовой анализ получения и дачи взятки (ст. 290 и 291 УК РФ) : пособие для юристов, работников правоохранит. органов и других правоприменителей / Б. В. Завидов. – М. : Изд-во ПРИОР, 2002. – 32 с.

6. Бабий, Н. А. Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России : моногр. / Н. А. Бабий. – М. : Юрист, 2014. – 720 с.

7. Веремеенко, В. М. Получение взятки: некоторые вопросы квалификации / В. М. Веремеенко // Весн. МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. Д, Экономіка. Сацыялогія. Права. – 2013. – № 1(41). – С. 61–69.

8. Лосев, В. В. Преступления против интересов службы: юридический анализ и правила квалификации / В. В. Лосев. – Минск : Амалфея, 2010. – 176 с.

9. Барков, В. Н. Получение взятки: вопросы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. Н. Барков; Омская акад. МВД России. – Омск, 2002. – 26 с.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. – М. : Юриспруденция, 2008. – 872 с.

11. Будатаров, С. М. Вымогательство взятки: уголовно-правовая характеристика / С. М. Будатаров // Сибир. юрид. вестн. – 2004. – № 2. – С. 62–68.

12. Мишин, Г. Борьба со взяточничеством : некоторые направления совершенствования уголовной политики / Г. Мишин // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 75–80.

13. Марьина, Е. В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. В. Марьина; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2010. – 24 с.
14. Салаев, Г. А. Вымогательство взятки: понятие и проблемы квалификации / Г. А. Салаев // Юрид. журн. – 2007. – № 4. – С. 59–62.
15. Роот, В. В. Некоторые вопросы вымогательства взятки / В. В. Роот // Вестн. ин-та законодательства Респ. Казахстан. – 2007. – № 1. – С. 140–142.
16. Фоминых, С. М. Уголовная ответственность получения взятки муниципальным служащим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. М. Фоминых; Всерос. науч.-исследоват. ин-т МВД России. – М., 2008. – 27 с.
17. Будатаров, С. М. Получение взятки: уголовно-правовая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. М. Будатаров; Томск. гос. ун-т. – Томск, 2004. – 26 с.
18. Никонов, П. В. Уголовно-правовая характеристика получения взятки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / П. В. Никонов; Байкальск. гос. ун-т экономики и права. – Иркутск, 2005. – 26 с.
19. Алимбиев, С. А. Уголовная ответственность за получение взятки по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. А. Алимбиев; Уральск. Юрид. ин-т МВД России. – Екатеринбург, 2010. – 24 с.
20. Яни, П. Вопросы квалификации взяточничества / П. Яни // Законность. – 2013. – № 3. – С. 16–21.

Дата поступления: 05.01.2018

V. M. Veremeenko

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF THE EVALUATION OF QUALIFYING SIGNS OF RECEIVING A BRIBE

The article is devoted to the actual for the theory and law-applying practice theme – the characteristic of qualifying signs of bribe taking. Particular attention is paid to discussion issues. After analyzing various points of view regarding the bribe again taking, by extortion, by a group of persons on preliminary conspiracy and on a large scale, the own vision of the existing problems is substantiated, proposals are made that would contribute to a more correct and uniform approach to their assessment and solution.

Keywords: bribe taking, qualifying signs, repetition, extortion of bribe, bribe taking by a group of persons by preliminary conspiracy, large bribe size.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

Ю. С. Климович

кандидат юридических наук, доцент
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: saf99@tut.by

ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА (В двух частях. Часть 1)¹

В статье предпринята попытка анализа эпистемологических оснований деятельности и мышления ученых-процессуалистов, правоприменителей, а также субъектов нормотворчества с целью идентификации и осмысления важных, на взгляд автора, проблем развития науки и правоприменения в области уголовного процесса. Сделаны выводы о необходимости сохранения концепта истины в ткани уголовно-процессуального законодательства, а также создания альтернативы преимущественно догматическому способу понимания уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: истина, парадигма, ценности, юридическая догматика, уголовный процесс, эпистема, постмодерн.

У большинства ученых-отраслевиков из области права с течением времени появляется имеющая более-менее выраженные границы сфера интересов в той области знания, которой они себя посвящают. Однако, несмотря на это, считаю, что нельзя устраняться от постановки задач по решению концептуальных вопросов развития отрасли в целом, определения ее институциональных или, выражаясь философским языком, – онтологических основ. Их решение, или как в данной работе – хотя бы идентификация, на первый взгляд, не имеют выраженного прикладного характера и не сулят гарантированным достижением положительного результата. Браться за их разработку – всегда риск не рассчитать собственные силы, не получить одобрения со стороны коллег, которые аргументацию, построенную не на привычных для процессуальной среды формально-логических конструкциях, воспримут критично, а главные проблемы отрасли увидят совершенно в другом. Вместе с тем, такие исследования крайне необходимы ввиду их значимости, как для развития научной теории, так и для самосовершенствования их авторов, вынужденных выходить за рамки сложившейся отраслевой методологии.

Корабль может нуждаться в хороших матросах, ремонте мачты либо паруса, но самое главное – это проложить верный курс, без которого все остальные усилия будут напрасны. Так по какому же курсу должен двигаться корабль отечественного уголовного процесса и какие верфи нужны для его постройки: собственные, или как это в большинстве случаев было в истории – иноземные?

В связи с изложенным, первое, на что хочется обратить внимание – это распространенность в отраслевых научных работах по вопросам права таких отглагольных существительных, как: «развитие», «совершенствование», «внедрение». Причем в названиях

¹ Часть 2 статьи «Об онтологических основаниях отечественного уголовного процесса» будет опубликована в следующем выпуске (2/44) сборника научных трудов.

исследований эти слова часто соседствуют с прилагательным «новый», что в принципе неудивительно, так как несколько последних столетий весь социум и наука находятся в условиях доминации идеи прогресса, критическое отношение к которому стало формироваться относительно недавно в области философских наук². В такой ситуации достаточно сложно объективно оценивать состояние отечественного уголовного процесса, делать выводы о его сущностных основаниях и путях совершенствования без того, чтобы не пойти «традиционным путем» его сравнения и сопоставления с уголовно-процессуальными системами стран, которые принято считать передовыми в деле правового и социально-экономического развития. Ведь еще начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 г. развитие национального уголовного процесса находится преимущественно в русле французской и немецкой модели, а в новейшее время с распадом СССР активное влияние на него начала оказывать и англосаксонская уголовно-процессуальная доктрина. Как результат, белорусский уголовный процесс среди прочего имплементировал в себя отрицавшиеся в советский период как неприемлимые для него принципы презумпции невиновности, состязательности и равенства сторон при осуществлении правосудия. В последнее время на уровне теории активно обсуждаются вопросы развития ювенальной юстиции и диспозитивности в уголовном процессе. После долгих дискуссий в законе все-таки появился отечественный вариант «сделки с правосудием», а на обсуждение уже вынесена уголовно-процессуальная медиация. Сам уголовный процесс все чаще определяется не как деятельность по расследованию и рассмотрению уголовных дел, а как средство урегулирования уголовно-правового конфликта. Эти примеры свидетельствуют, что белорусская процессуальная наука вслед за советской находится в процессе анализа и внедрения в правоприменение концептов, происхождение которых условно можно обозначить как «Запад». Не все из них и тем более не сразу приживаются на нашей почве, однако, очевидно, что сама, если можно так выразиться, повестка формируется там. При этом мы не против изучения иностранного опыта и не выступаем за правовую самоизоляцию, так как по объективным причинам это просто невозможно в условиях глобального мира. Однако, считаем, настало время более пристально и неангажированно с широких социокультурных оснований посмотреть на прошлое, настоящее и будущее нашего уголовного процесса. Не упуская из внимания, что правовая система государства является важнейшей частью его политического устройства и суверенитета. Как верно подметил на данный счет Л. В. Головкин: «...страны, которым исторически удалось (причем совершенно заслуженно) стать символом той или иной технологической модели предварительного расследования, стремятся использовать данное обстоятельство в интересах своей культурной и политической «экспансии», что вполне понятно и логично. В такой ситуации реформы уголовной юстиции давно уже стали «фактором геополитики», а между самими уголовно-процессуальными моделями идет ожесточенная геополитическая борьба, часто скрытая за «милыми улыбками» разнообразных экспертов. Удивляться этому не приходится: так было в XIX в., так было в XX в. (в т. ч. с нашим участием), так будет и в XXI в. Нам надо привыкнуть к такого рода геополитическому давлению, которое испытывают сегодня все страны без исключения и не только на постсоветском пространстве. Именно им объясняются удивительные «совпадения» уголовно-процессуальных реформ, почти одновременно предпринимаемых с одинаковой повесткой дня где-нибудь в Италии, Испании, Словакии, Армении, Казахстане, Украине, Монголии и т. п., не исключая, разумеется, Россию. Ссылаться в такой ситуации только на «национального законодателя» было бы наивно. Особенно остро такого рода геополитическое влияние проявляется не прямо, а косвенно – через требования о «приведении к европейским стандартам» (которыми

² В древнегреческой и индийской традиции прогресс не имел исключительно положительной коннотации. Гесиод в поэме «Труды и дни» описывает человеческую историю как нисходящее движение к упадку от века золотого, серебряного, медного, героического к веку железному.

чаще всего являются при ближайшем рассмотрении «стандарты» отнюдь не европейские, а американские) при вступлении в ОЭСР, ВТО, Евросоюз и далее по списку» [1]. Весьма откровенно по схожей тематике в 1920 г. высказался русский философ Н. С. Трубецкой: «Одураченные романогерманцами «интеллигенты» нероманогерманских народов должны понять свою ошибку. Они должны понять, что та культура, которую им поднесли под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле, есть культура лишь определенной этнической группы романских и германских народов. Это прозрение, разумеется, должно значительно изменить их отношение к культуре собственного народа и заставить их задуматься над тем, правы ли они, стараясь, во имя каких-то «общечеловеческих» (а, на самом деле, романогерманских, т. е. иностранных) идеалов, навязывать своему народу чужую культуру и искоренять в нем черты национальной самобытности. Решить этот вопрос они могут лишь после зрелого и логического обследования притязаний романогерманцев на звание «цивилизованного человечества» [2, с. 26].

Уголовный процесс как и связанная с ним одноименная наука не являются некими автономно возникшими и существующими реальностями, это всегда результат деятельности конкретных субъектов (ученых, правоприменителей, законотворцев), которые в силу сложившихся в обществе отношений власти и подчинения наделены правом создания, применения и преимущественного толкования текстов уголовно-процессуального закона. В связи с этим важно разобраться, какие условия определяют способ мышления указанных лиц, не обнаруживается ли диссонанс между их когнитивными установками и объективно складывающейся в настоящее время культурной ситуацией? Как верно указывал В. И. Вернадский: «Научное мировоззрение развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собою и могут быть разделены только в воображении» [3, с. 50]. Большинство главным фактором, который в этом смысле нужно учитывать, назовет слом советской системы и присущих ей методологических установок, связанных с диалектико-материалистическим способом познания и описания мира. Это бесспорно важно, однако, более существенным обстоятельством видится учет ситуации парадигмального перехода, в котором мы сейчас пребываем. Сам термин «парадигма» достаточно широко используется в различных отраслях гуманитарного знания и в самом общем виде представляет собой господствующую систему взглядов, идей, понятий и методов, используемых человеком для описания и познания всего сущего, это «...обширный комплекс непроявленных установок, предопределяющих саму манеру понимания и рассмотрения природы реальности, которые могут в оформленном качестве порождать многообразные философские, научные, религиозные, мифологические и культурные системы и комплексы, имеющие – несмотря на все свои внешние различия – некоторый общий знаменатель» [4]. Идентифицировать парадигму можно только в момент ее смены, до этого такая возможность отсутствует, ибо она сама полностью определяет механизм нашей мыследеятельности, не допуская никаких альтернатив своему собственному существованию. Так вот, даже находясь в фазовом переходе от парадигмы модерна к постмодерну, определенная часть современного ученого сообщества, в том числе из области теории права, игнорирует этот факт, упускает из виду принципиальную перемену онтологических и гносеологических оснований, кризис классической научной рациональности, эмпиризма, субъект-объектного мышления. Закрытость советского общества не позволила им своевременно заметить и осмыслить зародившиеся еще в середине 20 в. экзистенциальные проблемы западного гуманитарного знания, связанные с человеком, самостоятельно отразфлексировать постструктуралистское философское наследие таких французских интеллектуалов, как Ж. Лакан, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Бодрийар, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ги Дебор. Поэтому восполнение происходит в несколько спешном

порядке, в условиях отставания, не всегда критичного осмысления зарубежного опыта и самое главное – «без инструментального языка права, который выступил бы в качестве однопорядкового традиционному языку теории государства и права – языку догматики» [5, с. 27]. В отраслевой науке эти процессы проявляются еще более отчетливо. «Догматический образ мышления нынешних процессуалистов обусловлен абсолютивистским мировоззрением отечественного правоведения, философской подкладкой которого является диалектический материализм в его советском, т. е. наиболее ортодоксальном изводе. Одним уже этим радикально сужается возможная дискуссия о ключевых проблемах уголовно-процессуальной науки, а тем более способах решения их» [6].

Неравномерное освоение языковых практик, смешение дискурсов³ создают ситуацию разделения научного сообщества, непонимания его членов друг друга по ряду концептуальных вопросов. Очень хорошо эти процессы заметны на примере обсуждения проблематики истины в уголовном процессе. Воспитанные в духе материализма ученые-позитивисты, насколько не лукавя, видят ее в соответствии полученного эмпирическим путем знания о событии преступления объективной реальности. Те же, кто отрицает онтологию последней, заменяя ее языком, или в духе постструктуралистов – текстом, конечно же, не соглашаются с возможностью и необходимостью существования истины как таковой в уголовном процессе, подменяя ее стандартом доказывания – «вне разумных сомнений». Все это порождает долгие и зачастую бесплодные споры, так как нет ясности, что оппоненты обращаются друг к другу с высказываниями по одному и тому же поводу, но на разных языках, напоминая строителей всем известной ветхозаветной башни. Первый – принадлежит парадигмальной матрице нового времени с ее верой в безграничные возможности рационального познания, где властвует концепция отражения и где отсутствие истины лишь временное следствие неправильно выбранной методологии. Второй – язык постмодерна, чьи структуры сводят истину к временному результату игровых практик, а процесс познания заменяют гносиосимуляцией.

Только в постструктуралистской топике, в сознании тех, кто ее в полной мере усвоил и разделяет, отсутствие истины – это никакая не утрата и даже не новость. Постклассическая риторика исходит из отсутствия не только истины, она отказывает в онтологии субъекту, объекту, негативно относится к любому властному императиву и структуре. Ее дискурс сложен сам по себе, он не имеет четкого центра и структуры, его правила относительно, они все еще (правильнее будет говорить – всегда) формируются и доступны для понимания ограниченному числу представителей интеллектуальной элиты. В таких условиях тезис об отсутствии истины, постепенно внедряемый в уголовно-процессуальную почву, несет в себе значительную опасность. Дело в том, что при прочтении учеными-отраслевиками, а тем более простыми правоприменителями в большинстве случаев он воспринимается изолировано и буквально, осмысливается и встраивается в их пока еще стройную систему координат и рациональную картину мира модерна, на смену которому приходит, как выразился Марсель Конш, «экстравагантный ансамбль». Привыкнув иметь дело с истиной конкретной и практической, им очень сложно представить ее игровой, постоянно конструируемый наново речевыми практиками характер. Им, имеющим дело с такой важной социальной функцией, как уголовный процесс, в определенном смысле предлагается понизить пафос своей профессиональной деятельности, приблизив ее к сюрреалистичному миру барона Мюнхаузена, в котором, как мы помним, «правды не существует, правда это то, что сейчас принято считать правдой». А раз истины нет, то что тогда есть? На что тогда должна быть направлена деятельность органов уголовного преследования? Может быть на справедливость? Думается, что и это понятие после капитуляции истины в духе номинализма будет срезано оккамовской бритвой, как весьма эфемерная конструкция. А дальше как у классика: «Если Бога нет, всё позволено».

³ Скрытая от исследователя и не подлежащая оспариванию структура говорения, признаваемая за истинно данную (М. Фуко).

При этом мы не против деконструкции, языковых игр, дискурс-анализа и всего того, что составляет мейнстрим современной постклассической науки, что является частью ее методологического аппарата. Все это неизбежное следствие смены парадигмальной матрицы, которой все равно, что мы о ней думаем и как к ней относимся. В конце концов, если модерн заканчивается, если его методология проигрывает сражение, значит он был не настолько убедителен, чтобы и дальше служить единственным эпистемологическим основанием. Как сказал бы Ф. Ницше на данный счет: «Что падает, то нужно еще толкнуть! Все, что от сегодня, – падает и распадается; кто захотел бы удержать его! Но я – я хочу еще толкнуть его!» [7, с. 454]. Мы выступаем за то, чтобы такие концепты, как истина, правда, справедливость, которые так глубоко и прочно зафиксированы в бессознательном и этике нашего человека, что возможно составляют его сердцевину и главное содержание, не выносились на обочину правовой действительности. Очень важно понимать, что язык, его лексические и грамматические единицы не мертвые пассивные субстанции, именно они самым непосредственным образом определяют нашу модель миропонимания. Трансформируя язык, мы неминуемо изменяем самих себя. Как выразился известный предшественник структурализма В. Гумбольдт: «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт (Erzeugtes), но как создающий процесс (Erzeugung)» [8, с. 69].

Нельзя сводить право исключительно к набору нормативных предписаний и запретов, а его реализацию видеть только через судоговорение и интерпретацию полученных данных. Если бы какая-то катастрофа уничтожила все носители права – законы, кодексы, сборники судебной практики. Означало бы это исчезновение права как такового? Думается, что нет. В. Д. Зорькин в одной из своих последних работ подметил, что по сей день «у многих ведущих интеллектуалов Европы, приверженных идеям прав и свобод человека, не было и нет сомнений в том, что право, нравственность и религия – это внутренне взаимосвязанный соционормативный комплекс и что наука, правовая теория и практика должны исходить из понимания этой имманентной взаимосвязи. Я не имею в виду понятийное смешение разных научных категорий, выражающих соответствующие явления общественной жизни, а говорю лишь о том, что слишком явный отрыв права от морально-нравственных регуляторов не только снижает эффективность его действия, но и чреват опасным подрывом фундаментальных основ человеческого общежития» [9, с. 9].

История любого государства, его национальная идея – это те социальные конструкторы, которые при их детальном рассмотрении не могут иметь однозначного единственно верного опытного подтверждения. Вместе с тем поддерживаемые и разделяемые большинством членов общества они способны оказывать на него консолидирующее влияние, положительно сказываясь на развитии. Поэтому именно по ним стараются наносить удары противники государства в современном мире, подвергая дискредитации или разрушению. Концепт истины в отечественном уголовном процессе схожим образом имеет для него самого важное системообразующее значение. Его утрата – это путь к быстрой и как следствие некритичной вестернизации уголовно-процессуального механизма. Как выразился Л. В. Головкин: «При всей своей внешней очевидности принцип объективной (материальной) истины давно уже выполняет роль краткого номинативного символа, обозначающего противопоставление, с одной стороны, американской (исторически английской), а с другой – европейской моделей уголовного процесса... Говоря схематично, американский уголовный процесс представляет собой продолжение ортодоксального экономического либерализма, отрицающего регулирующие функции государства. Иначе говоря, государство может быть жестким, иногда очень жестким, но оно не должно заниматься поиском социальной справедливости. Соответственно, в уголовном процессе полиция, прокуратура и др. действуют действительно односторонне (они – сторона обвинения) и без малейших требований объективности, их задача – преследовать посягнувшего на общественно-государственные устои человека в предоставленных законом пределах и с правом свободно оценивать целесообразность такого

преследования...Здесь надо просто понять, что, избрав в свое время американский путь развития, мы стали ориентироваться на страну, для которой уголовная юстиция давно стала «ахиллесовой пятой» – едва ли не самым слабым местом правовой системы, приведшем ее на прочное первое место по уровню тюремного населения на душу населения. Если мы хотим нормализовать нашу систему уголовной юстиции, то альтернативы европейскому (континентальному) уголовному процессу с «истиной» для нас нет. К тому же вся наша процессуальная инфраструктура выстроена именно под него и пока ее удалось сохранить» [10].

Список использованных источников

1. Головкин, Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия [Электронный ресурс] / Л. В. Головкин. – Режим доступа : <http://xn7sbba7auwnffhk.xn--p1ai/article/3378>. – Дата доступа : 11.03.2018.
2. Трубецкой, Н. С. Европа и человечество / Н. С. Трубецкой. – М. : ДиректМедия, 2015. – С. 112.
3. Вернадский, В. И. Избранные труды по истории науки / В. И. Вернадский; под общ. ред. С. Р. Микульского. – М. : Наука, 1981. – 357 с.
4. Дугин, А. Г. Постфилософия [Электронный ресурс] / А. Г. Дугин. – Режим доступа : <http://www.platonizm.ru/content/dugin-postfilosofiya>. – Дата доступа: 11.03.2018.
5. Павлов, В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В. И. Павлов; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 262, [2] с.
6. Александров, А. С. Что такое «судебная лингвистика» и каково ее отношение к научной догме уголовного процесса [Электронный ресурс] / А. С. Александров. – Режим доступа : <http://mori.bakuvirtual.net/wp-content/uploads/2012/04/Aleksandrov-A.S.-What-is-a-judicial-linguistics-and-what-is-its-attitude-to....pdf>. – Дата доступа : 11.04.2018.
7. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // Малое собрание сочинений; пер. с нем. Ю. Антоновского, В. Вейнштока, А. Заблочки и др. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – С. 285–554.
8. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. В. Гумбольдт; под общ. ред. Г. В. Рамилашвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М. : ОАО ИГ Прогресс, 2000. – 400 с.
9. Зорькин, В. Д. Суть права / В. Д. Зорькин // Правоведение. – 2017. – № 3. – С. 4–27.
10. Головкин, Л. В. «Объективной истине» решили дать официальный ход [Электронный ресурс] / Л. В. Головкин. – Режим доступа : <http://tass.ru/opinions/1597256> <http://tass.ru/opinions/1597256>. – Дата доступа : 11.03.2018.

Дата поступления: 16.05.2018

Y. S. Klimovich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Academy of MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

ONTOLOGICAL BASIS OF THE DOMESTIC CRIMINAL PROCESS

(IN TWO PARTS. PART 1)

The article attempts to analyze the epistemological foundations of the activity and thinking of the procedural scientists, law enforcement officials, and also the subjects of norm-setting for the purpose of identifying and understanding important problems of the development of science and law enforcement in the criminal process. Conclusions are made about the need to preserve the concept of truth in the fabric of the criminal procedural legislation, as well as creating an alternative to a predominantly dogmatic way of understanding criminal procedure law.

Keywords: truth, paradigm, values, legal dogmatics, criminal process, episteme, postmodern.

УДК 343.12

А. В. Самко

Академия МВД Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: avsamko@mail.ru

СИСТЕМА ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: НЕОБХОДИМ ПЕРЕСМОТР?

В статье исследуются вопросы осуществления дознания командирами воздушных судов, капитанами морских и речных судов, главами дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Беларусь. На основе анализа отечественного и зарубежного уголовно-процессуального законодательства, специальной литературы обосновывается необходимость корректировки перечня органов дознания, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Ключевые слова: дознание, органы дознания, командиры воздушных судов, капитаны морских и речных судов, главы дипломатических представительств и консульских учреждений.

В соответствии со ст. 1 Конституции Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство, обладающее верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляющее внутреннюю и внешнюю политику. В качестве одного из проявлений указанного конституционного установления выступает право государства на осуществление уголовного преследования лица, совершившего преступление.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) предусматривает, что уголовный процесс на всей территории нашей страны ведется в соответствии с УПК независимо от места совершения преступления, если иное не установлено международным договором. Подобные правила применяются также при производстве по материалам и уголовному делу о преступлении, совершенном на территории дипломатического представительства и консульского учреждения Республики Беларусь в иностранном государстве, на воздушном, морском или речном судах, находящихся вне пределов Республики Беларусь под флагом или с опознавательными знаками Беларуси, если названные суда приписаны к портам Республики Беларусь (ст. 3 УПК). Возбуждение уголовных дел и производство по ним предварительного расследования осуществляется органами дознания и предварительного следствия. Статья 37 УПК содержит широкий перечень государственных органов и должностных лиц, уполномоченных законом осуществлять дознание. Вместе с тем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что для некоторых перечисленных в данной норме субъектов осуществление дознания не является их основным направлением деятельности, носит некий факультативный характер, а зачастую является невыполнимой для них, в силу особенностей профессиональной компетенции. Указанное обстоятельство может влечь значительные трудности в правоприменении в том случае, когда преступление совершено на территориях, фактически и юридически относящихся к отечественной юрисдикции, но на которых отсутствуют профессиональные работники уголовной юстиции. В этой связи заслуживает внимания регламентация данного вопроса российским законодателем.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК России) выделяет ряд органов, которые не относятся к органам дознания, однако наделенные правом в некоторых, не терпящих отлагательства случаях возбуждения уголовных дел (ч. 3 ст. 40 УПК России).

В первую очередь к подобным органам относятся капитаны морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, по уголовным делам о преступлениях, совершенных на этих судах. Вид плавания (малый либо большой каботаж, заграничное плавание) в подобных случаях роли не играет. Определяющим выступает то обстоятельство, что судно находится в месте, где отсутствуют постоянно действующие органы дознания и его кратковременное прибытие в такое место невозможно [1, с. 128]. В отечественном законодательстве данная норма сконструирована практически аналогично, за исключением п. 9 ч. 1 ст. 37 УПК, где подчеркивается, что судно должно находиться за пределами Республики Беларусь, что обусловлено особенностями географического положения нашей страны (компактностью территории, отсутствием выхода к морю и т. д.).

Следует обратить внимание, что полномочия капитана морского судна в случае обнаружения на его борту признаков преступления регламентируются кроме УПК также Кодексом торгового мореплавания Республики Беларусь (далее – КТМ). Так, ст. 70 КТМ устанавливает, что в случае совершения на судне, находящемся в плавании вне пределов Республики Беларусь, деяния, содержащего признаки преступления, капитан судна выполняет функции органа дознания, руководствуясь при этом уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь. Капитан судна вправе задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, до передачи его вместе с материалами дознания соответствующим органам на территории Республики Беларусь или консулу Республики Беларусь (дипломатическому представителю) в первом порту захода судна. В случае необходимости капитан судна может направить это лицо вместе с материалами дознания в Республику Беларусь на другом судне, плавающем под Государственным флагом Республики Беларусь.

В Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации закреплено, что капитан судна, находящегося в плавании, обязан возбудить уголовное дело публичного обвинения и выполнить по нему необходимые следственные действия. По смыслу закона, капитан судна не полномочен возбудить уголовное дело частного-публичного обвинения (к примеру, в случае совершения насильственных действий сексуального характера). В подобных случаях конструкция рассматриваемой нормы в отечественном законодательстве видится предпочтительнее.

Вместе с тем, в отечественном Кодексе внутреннего водного транспорта Республики Беларусь вообще отсутствует какая-либо регламентация по рассматриваемому вопросу. Существует подзаконный акт Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь, предписывающий капитану лишь изолировать в особом помещении лицо, подозреваемое в совершении преступления, или лицо, действия которого не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, но угрожают безопасности судна или находящихся на нем людей или имущества, и при первой возможности передать его надлежащим властям [2, п. 47]. Как видим, формулировки, устанавливающие полномочия капитанов морских и речных судов, не идентичны, что может вести к неоднозначному их пониманию на практике. Представляется, что капитан судна обязан при совершении на борту судна общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, не только возбудить уголовное дело и задержать подозреваемого, но и выполнить комплекс неотложных следственных действий, поскольку отложение данных мероприятий до прибытия в ближайший порт может повлечь утрату следов преступления и послужить причиной невозможности в последующем принятия по делу законного решения.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что хотя п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК возлагает на капитанов судов, как должностных лиц, уполномоченных законом, осуществлять дознание, прием и регистрацию заявлений и сообщений о преступлении во время плавания, ника-

кими нормативными правовыми актами не устанавливаются особенности данной уголовно-процессуальной деятельности. В этом плане может быть взят за основу российский опыт. Так, о факте принятия сообщения о преступлении капитан судна делает запись в судовом журнале. Указанная запись должна содержать сведения о дате, координатах местоположения судна, времени того часового пояса, по которому фактически поставлены судовые часы в данный момент времени, о форме сообщения, сведения о лице, сообщившем о преступлении (фамилия, имя, отчество, дата рождения, адрес места жительства, сведения о документе, удостоверяющем личность лица, сообщившем о преступлении; фамилия, имя, отчество, должность – в случае, если лицом, сообщившем о преступлении, является член экипажа судна) [1, с. 127].

Материалы и документы, относящиеся к предмету расследования, должны быть подшиты, пронумерованы, занесены в прилагаемую опись, оформлены в виде единого дела и храниться на борту судна в месте ограниченного доступа (сейф) до прихода судна в первый морской порт Российской Федерации.

В судовом журнале делается запись об уведомлении о начале расследования в соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК России. Указанная запись должна содержать сведения о дате, координатах местоположения судна, времени того часового пояса, по которому фактически поставлены судовые часы в данный момент времени [3, п. 4–6]. Представляется, что подобная регламентация должна найти отражение и в подзаконных актах Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь.

К должностным лицам, уполномоченным законом осуществлять дознание, относятся также командиры воздушных судов, находящихся за пределами Республики Беларусь. Думается, что наделение их подобными полномочиями нецелесообразно и не согласуется с их профессиональными компетенциями.

Во-первых, в отличие от морских и речных судов, которые могут находиться в плавании весьма продолжительное время, полеты воздушных судов кратковременны, они имеют возможность достаточно оперативно совершить посадку, как в аэропорту следования, так, в случае необходимости, и в ином ближайшем аэропорту, в котором находятся правоприменительные органы. Кроме того, в настоящее время даже самые длительные полеты не превышают по продолжительности нескольких часов. Поэтому решение о возбуждении уголовного дела может быть принято и после совершения посадки без какой-либо серьезной угрозы утраты следов преступления либо иных доказательств. Здесь также для примера может быть принят опыт российского законодателя, который не относит командиров воздушных судов к органам дознания, а лишь предоставляет им полномочия в случае совершения во время полета преступления принять принудительные меры к подозреваемым и передать их после посадки компетентным органам [4].

Во-вторых, выполнение командиром воздушного судна предписываемых УПК функций не только сложнореализуемо практически, но и может вести к угрозе безопасности экипажа и пассажиров, поэтому на практике не применяется. Так, согласно ответу авиакомпании «Белавиа», за последние пять лет командирами воздушных судов авиакомпании полномочия по осуществлению дознания не выполнялись. Используемые в авиакомпании документы, определяющие действия летных экипажей в случае совершения на борту воздушного судна преступления, направлены на обеспечение безопасности выполнения полетов, сохранения жизни и здоровья пассажиров и членов экипажа и не предполагают совершения каких-либо процессуальных действий с нарушителями на борту воздушного судна. Сведения о них лишь передаются соответствующим органам управления воздушным движением и действия членов экипажа в дальнейшем направлены на выполнение указаний специалистов по проведению специальных операций [5].

В-третьих, применительно к воздушным судам являются практически невыполнимыми требования законодательства относительно порядка и условий содержания субъекта преступных действий под стражей. Так, в соответствии с законом в случаях, когда в соот-

ветствии с УПК задержание по подозрению в совершении преступления осуществляется капитанами морских или речных судов, командирами воздушных судов, находящихся вне пределов Республики Беларусь, лица, подозреваемые в совершении преступлений, содержатся в помещениях, которые определены указанными должностными лицами и приспособлены для этих целей [6, ст. 4]. Авиалайнеры, в отличие от морских и речных судов, просто не оборудованы помещениями, отвечающими подобным требованиям.

Таким образом, можно сделать вывод, что отнесение командиров воздушных судов к органам дознания не обусловлено возможностью утраты доказательственной информации, в связи с непродолжительностью рейсов, трудновыполнимо на практике и может повлечь за собой нарушение безопасности полетов, в случае, если члены летного и кабинного экипажа будут осуществлять какие-либо процессуальные действия, отвлекаясь от выполнения своих прямых обязанностей. В этой связи видится целесообразным исключить командиров воздушных судов из перечня должностных лиц, уполномоченных законом осуществлять дознание.

Исследуя вопросы о перечне органов дознания, следует обратить внимание на то обстоятельство, что Республикой Беларусь активно ведется освоение Антарктики.

Под Антарктикой подразумевается район южнее шестидесятой параллели южной широты, включая все шельфовые ледники. В нее входят материк Антарктида, шельфовые ледники и прилегающие моря [1, с. 130]. Согласно ст. 1 Договора «Антарктика используется только в мирных целях. Запрещаются, в частности, любые мероприятия военного характера, такие как создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, а также испытания любых видов оружия» [7]. Подчеркивается свобода научных исследований в Антарктике и сотрудничество в этих целях всех заинтересованных государств [7, ст. 2].

В рамках проводимых изысканий в Антарктике создаются антарктические станции и сезонные полевые базы.

Круглогодично действующая антарктическая станция – это комплекс капитальных сооружений, обеспечивающих автономное проживание и условия для работы персонала экспедиции. Станция, кроме служебных и жилых помещений, имеет различные научные лаборатории, дизельные электростанции, мастерские, гаражи, радиостанцию, медсанчасть, банно-прачечный комплекс, очистные сооружения, транспортную технику различного назначения и т. д. Сезонные полевые базы предназначены для проведения исследований и работ в летний антарктический период. Они состоят из временных служебных и жилых помещений, основной и аварийной дизель-электростанции, мастерской, радиостанции, бани, медицинского блока, необходимой транспортной техники [1, с. 130]. Так, к примеру, Российской арктическая экспедиция осуществляет деятельность на пяти круглогодичных антарктических станциях (Мирный, Восток, Прогресс, Новолазаревская, Беллинсгаузен) и пяти сезонных полевых базах (Дружная-4, Союз, Молодежная, Ленинградская и Русская). Начальники антарктических станций и сезонных полевых баз наделены полномочиями по возбуждению уголовных дел и проведению неотложных следственных действий при обнаружении признаков преступления на данных объектах [1, с. 130].

В нашем законодательстве данные вопросы не регламентированы. Может показаться, что они не актуальны для нашей страны в связи с отсутствием какой-либо деятельности в этом регионе. Однако это далеко не так. После присоединения нашей страны к Договору об Антарктике (далее – Договор) [8], принятия Государственной программы «Мониторинг полярных районов земли и обеспечение деятельности арктических и антарктических экспедиций на 2011–2015 годы» [9] Республика Беларусь с 2007 года проводит в южной полярной области Земли международную научную и логистическую деятельность. У подножия горы Вечерняя в Восточной Антарктиде в декабре 2007 года открыт белорусский сезонный полевой лагерь. В 2007–2010 гг. проведены три белорусские антарктические экспедиции. В данный период в рамках организации соответствующих экспедиций в Антарктиду на-

правлялось 12 белорусских специалистов, создана основа для дальнейшей деятельности Республики Беларусь в Антарктиде и организации в перспективе белорусской антарктической станции [9]. В настоящее время выполнено уже 9 сезонных антарктических экспедиций, завершён монтаж второго модуля Белорусской Антарктической станции, которая с 2019–2020 гг. вообще перейдет на круглогодичный режим работы [10].

Длительность данных экспедиций, отсутствие постоянно действующих органов дознания обуславливают, как представляется, необходимость наделения их руководителей полномочиями на осуществление дознания в случае совершения общественно опасных деяний в ходе их проведения. Это требует внесения соответствующих изменений в ст. 37 УПК.

К органам дознания уголовно-процессуальный закон относит также глав дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Беларусь – по делам о преступлениях, совершенных в пределах территории дипломатических представительств и консульских учреждений.

К дипломатическим представительством относятся:

- посольства Республики Беларусь в иностранных государствах;
- миссии Республики Беларусь в иностранных государствах;
- постоянные представительства Республики Беларусь при международных организациях [11].

Наиболее часто в роли дипломатических представительств выступают посольства, которые являются органом внешних сношений, осуществляющим представительство Республики Беларусь в государстве пребывания, возглавляемые Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Беларусь в иностранном государстве [12]. Консульскими учреждениями являются: генеральные консульства, консульства, вице-консульства и консульские агентства. К их главам относятся генеральный консул, консул, вице-консул или консульский агент [13]. Все вышеперечисленные лица в уголовно-процессуальном понимании уполномочены осуществлять дознание.

Хотелось бы остановиться на определенных проблемных аспектах уголовно-процессуальной деятельности субъектов, указанных в пп. 9 и 10 ч. 1 ст. 37 УПК, обусловленных спецификой их профессиональной деятельности, которые не в полной мере учитываются в УПК.

Так, согласно ч. 1 ст. 186 УПК орган дознания правомочен возбудить уголовное дело, провести по нему неотложные следственные действия, в том числе и задержание подозреваемого. Вместе с тем, особенности такого задержания, применительно к рассмотренным нами выше субъектам, УПК не определены. Например, в соответствии с законом в перечне лиц, которые имеют право определения места содержания подозреваемого, указаны лишь капитаны морских, речных и командиры воздушных судов, в то время как главы дипломатических представительств и консульских учреждений в нем отсутствуют, что оставляет открытым вопрос о наличии у последних подобного полномочия [6, ст. 4]. Остается неразрешенным вопрос и о сроках содержания задержанного. Совершенно очевидно, что соблюдения установленный законодательством 72-часовой срок практически невозможно, однако как поступать после его истечения закон ответа не дает. Неразрешенными остаются и проблемные аспекты производства следственных и процессуальных действий, требующих получения санкции прокурора.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Наделение командиров воздушных судов полномочиями органов дознания бесосновательно, так как, во-первых, имеется ряд проблемных процессуальных вопросов порядка осуществления ими подобной деятельности, а во-вторых, данные лица фактически лишены возможности ее осуществления в связи с особенностями профессиональной деятельности. Представляется, что командиры воздушных судов подлежат исключению из перечня органов дознания, предусмотренных ст. 37 УПК.

2. Главы дипломатических и консульских учреждений Республики Беларусь, капитаны морских и речных судов должны сохранить предоставленные им действующим уголовно-процессуальным законом полномочия, так как за исключением указанных субъектов осуществлять рассматриваемую уголовно-процессуальную деятельность в условиях длительного плавания или на территории посольств нашей страны за рубежом просто некому. Вместе с тем, необходима дополнительная корректировка процедуры осуществления дознания данными должностными лицами, так как в рамках существующей в УПК регламентации подобная возможность, по сути, лишь постулируется, но трудно реализуема практически.

3. Достаточно активная деятельность по освоению Антарктики, наличие постоянно действующих там экспедиций и объектов обуславливают, как представляется, необходимость наделения их руководителей полномочиями по осуществлению дознания.

Высказанные соображения носят, безусловно, дискуссионный характер и не претендуют на бесспорность, детерминируя дальнейшую научную полемику по данному вопросу.

Список использованных источников

1. Стельмах, В. Ю. Особенности уголовно-процессуальной деятельности в дальнем плавании, на территории экспедиций и зимовок, в Антарктике, на территории дипломатических и консульских представительств Российской Федерации / В. Ю. Стельмах // Журн. рос. права. – 2017. – № 6. – С. 125–133.

2. О введении в действие Устава службы на судах Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь : приказ М-ва транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь от 31.12.1993 № 96-Ц (ред. от 28.02.2008) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Об утверждении Порядка и особенностей выполнения капитаном судна действий, не относящихся к процессуальным, в случае возбуждения уголовного дела публичного обвинения : приказ Минтранса России от 23.11.2012 № 407 (Зарегистрировано в Минюсте России 29.12.2012 № 26455). Цит по : Стельмах, В. Ю. Особенности уголовно-процессуальной деятельности в дальнем плавании, на территории экспедиций и зимовок, в Антарктике, на территории дипломатических и консульских представительств Российской Федерации / В. Ю. Стельмах // Журн. рос. права. – 2017. – № 6. – С. 125–133.

4. Воздушный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // КонсультантПлюс : Россия. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. О предоставлении информации : [ответ Генер. директора ОАО «Авиакомпания «Белавиа» А. Н. Гусарова на запрос Начальника УО «Акад. МВД Респ. Беларусь» В. В. Бачилы]. – Минск : [б. и.], 2017. – 1 с.

6. О порядке и условиях содержания лиц под стражей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 16.06.2003 № 215-З (ред. от 19.07.2016) // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Договор об Антарктике (Подписан в г.Вашингтоне 01.12.1959) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8. О присоединении Республики Беларусь к Договору об Антарктике [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 19.07.2006 № 157-З // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9. О некоторых вопросах организации исследований полярных районов Земли [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 10.05.2011 № 587 (ред. от 06.08.2014) // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10. Белорусская антарктическая экспедиция станет круглогодичной [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sputnik.by/nature/20170608/1029201033/beloruskaya-antarkticheskaya-ehkspediciya-stanet-kruglogodichnoj.html>. – Дата доступа : 22.08.2017.

11. О некоторых вопросах дипломатической службы Республики Беларусь (вместе с Положением о дипломатической службе Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 15.05.2008 № 276 (ред. от 28.07.2014) // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018

12. Об утверждении Положения о Посольстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 13.07.1999 № 380 (ред. от 15.05.2008) // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

13. Об утверждении Консульского устава Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 19.02.1996 № 82 (ред. от 08.08.2016) // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Дата поступления: 11.04.2018

A. V. Samko

Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

SYSTEM OF ORGANIZATION BODIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS: A REVISION IS REQUIRED?

The article explores the issues of carrying out the inquiry by the commanders of aircraft, captains of sea and river vessels, heads of diplomatic missions and consular offices of the Republic of Belarus. On the basis of the analysis of domestic and foreign criminal procedure legislation and special literature, it is justified to adjust the list of inquiry bodies provided for by the criminal procedure law.

Keywords: inquiry, inquiry bodies, commanders of aircraft, captains of sea and river vessels, heads of diplomatic missions and consular offices.

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.91

А. М. Клим

кандидат юридических наук, доцент

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: anatoly_Klim@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ХУЛИГАНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Хулиганство – одно из наиболее распространенных преступлений, посягающих на общественный порядок, который, представляя собой основу национальной безопасности, является одним из необходимых и очень важных компонентов нормального функционирования современного государства. Вопросам борьбы с хулиганством уголовно-правовыми средствами посвящено значительное количество научных работ. Вместе с тем, криминологический аспект этого состава преступления на монографическом уровне в Республике Беларусь за последние 15 лет не исследовался. В этой связи, автор предпринял попытку восполнить имеющийся в отечественной криминологической литературе пробел, проанализировав состояние и динамику хулиганства в Республике Беларусь за период с 2001 по 2017 гг. с учетом сложившейся криминальной ситуации в стране.

Ключевые слова: хулиганство, криминологическая характеристика, состояние и динамика хулиганства, география хулиганства, личность хулигана.

Отправной точкой во всестороннем и полном исследовании хулиганства является его криминологическая характеристика, которая выступает необходимым условием и залогом эффективной деятельности субъектов профилактики по предупреждению преступлений против общественного порядка. Хулиганство, сопряженное с насилием, обоснованно рассматривается в ряду насильственных преступлений, поскольку сам характер этого преступления предполагает демонстрацию своего превосходства, ярко выраженное пренебрежение не только нормами общественной морали и нравственности, но и самыми значимыми благами личности. Насильственная преступность, по мнению Э. Ф. Побегайло, – это обладающая высокой степенью общественной опасности форма социальной патологии, выражающаяся в постоянном и относительно массовом воспроизводстве запрещенных уголовным законом экстремальных поведенческих актов физического и психического насилия над личностью. Эмпирическим проявлением данного типа преступности являются насильственные преступления [1, с. 302]. Насилие при хулиганстве является не просто способом совершения умышленных действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, но и способом самовыражения, целью криминального поведения. На почве хулиганства нередко совершаются другие преступления. Еще в советский период В. Т. Калмыков, применительно к БССР, констатировал, что хулиганство, в частности, является мотивом каждого пятого умышленного убийства и почти каждого шестого умышленного тяжкого телесного повреждения [2, с. 86].

Криминологическая характеристика хулиганства предполагает изучение количественных и качественных показателей данного общественно опасного деяния, а именно: состояния, структуры, удельного веса, динамики, географии преступления, уровня его латентно-

сти. Рассмотрим криминологическую картину анализируемого преступления в различные периоды времени, начиная с 2001 г. Состояние и динамика хулиганства в Республике Беларусь приведена в таблице 1 Приложения. На период с 2001 по 2010 гг. пришелся рост зарегистрированной преступности в Республике Беларусь, а своего пика она достигла в 2005 г. (195 361). В этот промежуток времени отмечается и рост фактов хулиганства с 4 728 (2010 г.) до 13 576 (2006 г.). Его удельный вес от общего количества зарегистрированных преступлений варьировал в пределах от 3,36% (2010 г.) до 7,09% (2006 г.). Преобладающими видами хулиганства (с учетом специфики уголовно-правовой нормы) на этом отрезке времени являлись простое и злостное – от 82,97% (2001 г.) до 90,68% (2010 г.). На особо злостное хулиганство приходилось от 9,32% (2010 г.) до 17,03% (2001 г.).

С 2011 по 2017 гг. на фоне установившейся тенденции снижения общего количества зарегистрированной преступности (с 132 052 до 86 326) наблюдался рост фактов хулиганства начиная с 2013 г. (с 2 153 до 4 146). В этот период его удельный вес от общего количества зарегистрированных преступлений вырос от 1,71% (2012 г.) до 4,8% (2017 г.). Преобладающими видами хулиганства остаются простое и злостное (89,32% – 93,55%). Темп прироста хулиганства в 2013 г. по сравнению с 2012 г. составил 23,2%. В 2014 г. этот показатель (по сравнению с 2013 г.) составил 33,8%, в 2015 г. – 37,4%, в 2016 г. – уже 2,8%, а в 2017 г. – 2%. Таким образом, темп роста фактов зарегистрированного хулиганства за период с 2013 по 2017 гг. по сравнению с 2012 г. (1 748) составил соответственно 405 (23,2%), 1 132 (64,8%), 2 208 (126,3%), 2 318 (132,6%), 2 398 (137,2%). Увеличение числа хулиганства, на наш взгляд, обусловливается в определенной степени активизацией усилий правоохранительных органов по выявлению уголовно наказуемых фактов грубого нарушения общественного порядка.

Одним из криминологических показателей уровня преступности является его коэффициент, который характеризуется числом совершенных за определенный период на определенной территории преступлений в расчете на 100 тыс. всего населения. Аналогично рассчитывается и коэффициент хулиганства. Нами в рамках проведенного исследования выборочно рассчитаны коэффициенты общей преступности и хулиганства в Республике Беларусь за период с 1960 по 2017 гг. (Приложение, таблица 2). Анализ этих показателей свидетельствует, что коэффициент хулиганства в этот промежуток времени находился в диапазоне от 18,5 (2012 г.) до 139,3 (2006 г.), т. е. разбежка в данном случае являлась достаточно существенной.

Коэффициент хулиганства позволяет также сопоставить его уровень с другими государствами в период с 2004 по 2012 гг. (Приложение, таблица 3). Если по коэффициенту преступности среди государств-участников СНГ до 2012 г. «лидировала» Россия – от 1 682 (2011 г.) до 2 706 (2006 г.), то в период с 2004 по 2009 гг. Республика Беларусь имела наивысший коэффициент хулиганства – от 53,1 (2009 г.) до 139,3 (2006 г.). С 2010 г. самый высокий коэффициент хулиганства имеет Республика Казахстан. В России коэффициент хулиганства традиционно невысокий: от 3,6 (2012 г.) до 20,9 (2005 г.).

Хулиганство является наиболее распространенным преступлением против общественного порядка и общественной нравственности (Приложение, таблица 4). Его удельный вес в период с 2001 по 2017 гг. от общего количества зарегистрированных преступлений против общественного порядка и общественной нравственности варьировал от 97,2% (2004 г.) до 73,6% (2017 г.). За последние пять лет этот показатель снизился по сравнению с началом 2000-х гг., что обусловлено, на наш взгляд, ростом выявляемости иных преступлений, включенных в гл. 30 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь.

Определенный научно-практический интерес представляет такой показатель преступности, как его география. Если рассматривать территориальный принцип выявления преступлений, предусмотренных ст. 339 УК (Приложение, таблица 5), то можем отметить, что в подавляющем количестве случаев за анализируемый период большинство хулиганств ре-

гистрируется в г. Минске. Удельный вес регистрируемых хулиганств в этом регионе составлял от 15,3% (2006 г.) до 45,8% (2011 г.). В 2004, 2005, 2006, 2008 и в 2017 гг. по этому показателю Минск «уступил» Гомельской области, когда доля хулиганств была зафиксирована на уровне от 18,8% (2004 г.) до 23,2% (2008 г.). Наименьшее количество хулиганств чаще всего регистрировалось в Гродненской и Витебской областях. Доля регистрируемых хулиганств в Гродненской области колебалась от 3,3% (2012 г.) до 14,8% (2007 г.), а в Витебской – от 3,9% (2011 г.) до 15,6% (2003 г.). В 2014–2015 гг. среди районов Республики Беларусь больше всего было зарегистрировано хулиганств в Первомайском и Фрунзенском районах г. Минска. В Свислочском, Зельвенском, Славгородском районах страны рассматриваемого преступления вообще не было зарегистрировано.

Если рассмотреть территориальное распределение хулиганства исходя из его коэффициента, то ситуация за период с 2010 по 2016 гг. выглядит следующим образом (Приложение, таблица 6). Город Минск имел наибольший коэффициент в 2010 г. (9,36), 2011 г. (8,99), 2012 г. (3,77), 2013 г. (3,71), 2015 г. (6,04), а Гомельская область – в 2014 г. (4,40) и 2016 г. (5,74). Наименьший коэффициент хулиганства был в Витебской области в 2010 г. (2,00), 2011 г. (1,16) и в 2016 г. (2,12), а также в Гродненской области в 2012 г. (0,53), 2013 г. (1,05), 2014 г. (1,01), 2015 г. (1,76). Как видно, география хулиганства несколько разнится между его коэффициентом и удельным весом из числа регистрируемых преступлений. На наш взгляд, первый показатель является более объективным, т. к. учитывает и численность региона.

Хулиганские действия совершаются преимущественно в местах значительного скопления граждан. Около 90% зарегистрированных хулиганств совершается в общественных местах. Исходя из выборочного изучения уголовных дел чаще всего это преступление совершается на улицах, во дворах, парках и скверах – более 50%, в клубах, кинотеатрах, при проведении спортивных и других зрелищных мероприятий – до 15%, в жилых домах, квартирах – до 15%, в транспорте, на вокзалах, в местах общественного питания – до 10%, в общежитиях – около 5%, в иных местах – до 5%.

Одной из важных криминологических характеристик преступления является время его совершения. Существует статистическая зависимость хулиганства от времени суток, дней наибольшего потребления спиртных напитков. Как правило, хулиганство совершается в нерабочее время (с 18 до 24 часов), в дни получения зарплаты и выходные. Более 70% хулиганских проявлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Более 80% совершенных хулиганств приходится на города и поселки городского типа. Чаще всего это объясняется тем обстоятельством, что в настоящее время здесь проживает основная часть населения страны.

Формы совершения хулиганства разнообразны. Изучение показало, что действия виновных, осужденных за хулиганство, чаще всего заключались: в грубом нарушении общественного порядка, сопровождающемся применением насилия или угрозой его применения (более 75%); в грубом нарушении общественного порядка, связанном с уничтожением или повреждением чужого имущества (свыше 5%); в грубом нарушении общественного порядка, связанном с сопротивлением лицу, пресекающему хулиганские действия (свыше 5%); в грубом нарушении общественного порядка, сопряженном с причинением менее тяжкого телесного повреждения (свыше 5%). Как видно, наиболее часто хулиганские проявления совершаются с насилием над личностью, что повышает их общественную опасность. Криминологами отмечена закономерность: ослабление борьбы с хулиганством ведет (с небольшим интервалом по времени) к росту тяжких насильственных преступлений, и наоборот.

Определенный интерес представляют сведения о личности потерпевшего, его предыдущих отношениях с преступником, его поведении к моменту совершения против него преступного посягательства. Согласно статистическим данным, чаще всего потерпевшими от хулиганства являются мужчины (более 70%) в возрасте от 30 до 49 лет (свыше 40%), кото-

рые являются не работающими и не учащимися (более 35%). Жертва хулигана нередко случайна: из числа потерпевших более 60% являлись незнакомыми и около 40% – знакомыми и родственниками осужденного лица. Около 10% потерпевших, как правило, находились в состоянии алкогольного опьянения. На долю потерпевших несовершеннолетних приходится до 8–10%, а на пожилых людей – свыше 2%.

Для более глубокого понимания природы хулиганства и способов его предупреждения большое значение имеет анализ личностной характеристики преступника, совершившего данное преступление. Выборочные криминологические исследования, а также статистические данные о состоянии и динамике хулиганства в Республике Беларусь за последние четыре года (2014–2017 гг.) свидетельствуют о том, что среди преступников значительно больше мужчин (97–98%), чем женщин (2–3%). Наиболее часто хулиганство совершают лица в возрасте 18–24 лет. В этом возрастном интервале находится в среднем около 40% лиц, совершивших преступление по ст. 339 УК, в то время как по таким возрастным группам, как 14–17 – около 10%, 25–29 – около 20%, 30–49 – свыше 27%. Реже всего совершают хулиганство лица старше 50 лет – около 3%.

Возрастные характеристики лиц, совершивших хулиганство, позволяют судить о криминальной активности в рамках этого преступления различных возрастных групп, о специфике возрастного состава. Это раскрывает особенности поведения людей, их потребности и жизненные установки, поскольку это связано с особенностями каждого этапа жизни человека, выполнением им той или иной социальной роли. Уже давно криминологией установлено, что лица молодежного возраста чаще совершают преступления агрессивного, импульсивного характера. Лица же старших возрастов действуют более обдуманно, в том числе и с точки зрения возможных последствий подобного поведения.

Такая позиция, как социальное положение, является важным элементом социально-демографического портрета личности. В узком смысле, оно представляет собой виды занятости личности, прежде всего в плане ее участия (или неучастия) в основных сферах общественного производства. Основное место среди хулиганов занимают лица, не имеющие постоянного источника дохода (не работают и не учатся) – в среднем около 52%. Доля преступников-рабочих среди хулиганов составляет примерно свыше 26%, учащиеся учебных заведений – более 16%, служащие – до 1,5%. Удельный вес граждан иностранных государств, совершивших хулиганство – чуть более 2%.

Что касается лиц, совершивших хулиганство и которые работают, то их трудовая деятельность имеет свои особенности. Обычно выполняемая ими работа характеризуется низким уровнем квалификации, частой сменой места работы. Кроме того, она зачастую сопряжена с недобросовестностью исполнения обязанностей, прогулами и т. д. Для данной социальной группы характерен низкий уровень образования и общей культуры. Низкий культурно-образовательный уровень, недостаточная развитость, пьянство нередко приводят к развитию у таких лиц индивидуалистических тенденций. Нельзя забывать и о том, что отношение к труду у них весьма различно и всегда служит средством реализации ценностных ориентаций. Положительное или отрицательное отношение к труду является важной характеристикой личности хулигана, оно подлежит учету при определении мер уголовно-правового воздействия за совершенное преступление.

Немаловажное значение на формирование личностных качеств оказывают семейное положение и воспитание. Социально-нравственная характеристика хулиганов включает в себя их отношение к семье. Наличие семьи повышает чувство их ответственности, расширяет круг обязанностей человека. Более 50% лиц, осужденных за хулиганство, не были женаты (замужем) к моменту совершения преступления, 30% состояли в зарегистрированном браке и около 20% – находились в разводе либо в фактических брачных отношениях (сожительстве). Наличие семьи для этой категории лиц не является сдерживающим фактором при совершении преступления.

Традиционно велика доля лиц, совершивших хулиганство в состоянии алкогольного опьянения (82% на 2016 г.). Не случайно, что большинство этих осужденных часто создавали атмосферу недоброжелательности и конфликтности в семье и не отрицали того факта, что именно они являлись главными виновниками плохих взаимоотношений в семье. Значительная часть из них ранее привлекались к ответственности за совершение антиобщественных проступков, нередко находились в длительных неприязненных отношениях с другими лицами, способствовали возникновению разного рода конфликтных отношений.

По образовательному уровню лиц, совершивших хулиганство, доминирует категория, имеющая среднее и средне-специальное образование (свыше 75%). Начальное и неполное среднее образование имеют около 17% и лишь до 7% – высшее либо неполное высшее. Почти каждый третий осужденный за хулиганство совершил это преступление в группе, как правило, в форме простого соисполнительства. Хулиганские группы являются малочисленными и не носят устойчивого характера.

Динамика выявления лиц, совершивших хулиганство в Республике Беларусь за период с 2001 по 2017 гг., свидетельствует, что удельный вес этой категории от общего количества выявленных лиц за анализируемый период варьировал от 2,82% (2012 г.) до 11,92% (2006 г.) (Приложение, таблица 7). За период с 2001 по 2012 гг. чаще выявлялись лица, совершившие злостное хулиганство: от 48,5% (2010 г.) до 56,9% (2001 г.). Доля лиц, совершивших особо злостное хулиганство, составила от 10,5% (2016 г.) до 17,7% (2004 г.). Удельный вес лиц, совершивших хулиганство, от количества преступлений, зарегистрированных по ст. 339 УК, варьировал от 70,6% (2006 г.) до 85,5% (2012 г.).

Динамика осуждения лиц, совершивших хулиганство в Республике Беларусь за период с 2002 по 2017 гг., свидетельствует, что их доля по отношению от общего количества осужденных составляла от 2,54% (2012 г.) до 11,8% (2006 г.) (Приложение, таблица 8). С 2002 по 2013 гг. процент осужденных по ч. 2 ст. 339 УК от общего количества осужденных за хулиганство составлял от 61,2% (2002 г.) до 47,4% (2013 г.). Удельный вес лиц, осужденных за особо злостное хулиганство, составил от 11,0% (2016 г.) до 16,7% (2013 г.).

Анализ эмпирического материала позволяет говорить о том, что среди осужденных по ст. 339 УК свыше 20% имели непогашенную и неснятую судимость на момент совершения данного преступления, в том числе около 5% – за хулиганство. Еще около 18% осужденных имели ранее судимость, которая была снята или погашена в установленном порядке.

К основным свойствам личности нравственно-психологического характера лиц, совершивших хулиганство, относятся, прежде всего, эгоизм; убежденность в допустимости и предпочтительности насильственных способов достижения целей и удовлетворения своих желаний; неуважительное отношение к иным лицам, их чувствам, переживаниям и страданиям; установка на грубое, вызывающее, агрессивное поведение. Такие черты формируются в условиях неблагополучной семейной обстановки и бытового окружения, получают развитие в связи с безнаказанностью и с высокой вероятностью могут реализовываться в хулиганстве и иных насильственных преступлениях.

Специальные психологические исследования выявляют у хулиганов высокий уровень импульсивности, вспыльчивости, ярко выраженную агрессивность, отсутствие согласия с правовыми нормами и требованиями законов, возлагающих ответственность за преступления, совершенные против общественной безопасности и общественного порядка [3, с. 384].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Число зарегистрированных фактов хулиганства в общем количестве преступлений всегда было существенным. При этом необходимо учитывать и определенную латентность хулиганских проявлений. Удельный вес хулиганства за период с 2001 по 2017 гг. от общего количества зарегистрированных преступлений варьировал в пределах от 3,36% (2010 г.) до 7,09% (2006 г.). Преобладающими его видами (с учетом специфики уголовно-правовой нормы) являлись простое и злостное. С 2011 по 2017 гг. на фоне установившейся тенденции снижения

общего количества зарегистрированной преступности наблюдался рост фактов хулиганства начиная с 2013 г. Чаще всего хулиганство регистрируется в г. Минске и Гомельской области.

2. Хулиганство совершают в основном мужчины в возрасте от 18 до 24 лет, преимущественно со средним и средне-специальным образованием. Основное место среди хулиганов занимают лица, не имеющие постоянного источника дохода. Среди занятой части, большинство лиц, совершивших хулиганство, по социальной принадлежности относятся к рабочим и учащимся. Традиционно велика доля лиц, совершивших хулиганство в состоянии алкогольного опьянения. Психологические особенности личности хулигана отличаются неприятием общепризнанных человеческих ценностей, в том числе правовых и моральных, повышенной потребностью в самоутверждении за счет явного противопоставления себя обществу, выражаемого в различных формах нарушения общественного порядка.

3. К основным свойствам личности нравственно-психологического характера лиц, совершивших хулиганство, относятся, прежде всего, эгоизм; убежденность в допустимости и предпочтительности насильственных способов достижения целей и удовлетворения своих желаний; неуважительное отношение к иным лицам, их чувствам, переживаниям и страданиям; установка на грубое, вызывающее, агрессивное поведение. Такие черты формируются в условиях неблагополучной семейной обстановки и бытового окружения, получают развитие в связи с безнаказанностью и с высокой вероятностью могут реализовываться в хулиганстве и иных насильственных преступлениях.

Список использованных источников

1. Криминология : учеб. для вузов по специальности «Юриспруденция» / А. И. Гуров [и др.]; науч. ред. : Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 640 с.
2. Калмыков, В. Т. Хулиганство и меры борьбы с ним / В. Т. Калмыков. – Минск : Беларусь, 1979. – 140 с.
3. Криминологические особенности личности хулигана и их уголовно-правовое значение / И. Н. Фомичева // Российский криминологический взгляд. – 2010. – № 1. – С. 384–387.

Дата поступления: 12.03.2018

A. M. Klim

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

THE STATE AND DYNAMICS OF HOOLIGANISM IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Hooliganism is one of the most common crimes encroaching on the public order; which, being the basis of national security, is one of the necessary and very important components of the normal functioning of the modern state. A considerable number of scientific works have been devoted to the issues of combating hooliganism by means of criminal law. At the same time, the criminological aspect of this crime at the monographic level in the Republic of Belarus over the past 15 years has not been investigated. In this regard, the author made an attempt to fill the gap in the domestic criminological literature, analyzing the state and dynamics of hooliganism in the Republic of Belarus for the period from 2001 to 2017 taking into account the prevailing criminal situation in the country.

Keywords: hooliganism, criminological characteristics, the state and dynamics of hooliganism, the geography of hooliganism, the personality of the hooligan.

Приложение

Таблица 1 – Состояние и динамика хулиганства в Республике Беларусь (2001–2017 гг.)

Годы	Всего зарегистрировано преступлений	Всего зарегистрировано фактов хулиганства (ст. 339 УК Республики Беларусь)	В том числе по частям статьи 339 УК			Уд. вес хулиганства от общего кол-ва зарегистрированных преступлений, %
			Часть 1	Часть 2	Часть 3	
2001	114 177	5 280	1 744	2 637	899	4,62
2002	135 133	7 670	2 773	3 681	1 216	5,68
2003	153 977	8 857	3 812	3 717	1 328	5,75
2004	169 016	10 880	4 917	4 324	1 639	6,44
2005	195 361	12 764	6 121	4 938	1 705	6,53
2006	191 468	13 576	6 996	5 079	1 501	7,09
2007	180 427	9 663	4 895	3 784	984	5,36
2008	158 506	6 690	3 442	2 555	693	4,22
2009	151 293	5 137	2 817	1 892	428	3,4
2010	140 920	4 728	2 709	1 578	441	3,36
2011	132 052	3 643	2 232	1 106	305	2,76
2012	102 127	1 748	1 014	557	177	1,71
2013	96 676	2 153	1 284	639	230	2,23
2014	93 932	2 880	1 871	739	270	3,07
2015	96 982	3 956	2 666	969	321	4,08
2016	92 943	4 066	2 987	817	262	4,37
2017	86 326	4 146	3 041	793	312	4,8

Таблица 2 – Состояние преступности и хулиганства в Республике Беларусь за период 1960–2017 гг.

Годы	Всего зарегистрировано преступлений	Коэффициент преступности на 100 тыс. всего населения	Всего зарегистрировано фактов хулиганства	Коэффициент хулиганства на 100 тыс. всего населения	Уд. вес хулиганства от общего кол-ва зарег. преступ.
1960	15 442	152	2 455	24,2	15,9
1970	34 000	378	6 104	67,9	18,0
1980	45 404	451	4 609	45,8	10,2
1990	75 699	738	4 447	43,4	5,9
2000	135 540	1 355	4 777	47,8	3,5
2001	114 177	1 125	5 280	52,0	4,62
2002	135 133	1 339	7 670	76,0	5,68
2003	153 977	1 531	8 857	88,1	5,75
2004	169 016	1 690	10 880	108,8	6,44
2005	195 361	1 993	12 767	130,2	6,53
2006	191 468	1 964	13 576	139,3	7,09
2007	180 427	1 857	9 663	99,5	5,36
2008	158 506	1 636	6 690	69,1	4,22
2009	151 293	1 564	5 137	53,1	3,4
2010	140 920	1 458	4 728	49,7	3,36
2011	132 052	1 391	3 643	38,4	2,76
2012	102 127	1 079	1 748	18,5	1,71
2013	96 676	1 022	2 153	22,7	2,23
2014	93 932	992	2 880	30,4	3,07
2015	96 982	1 023	3 956	41,8	4,08
2016	92 943	978	4 066	42,8	4,37
2017	86 326	909	4 146	43,6	4,8

Таблица 3 – Коэффициенты хулиганства в государствах – участниках СНГ
(на 100 тыс. всего населения) (2004–2012 гг.)

Годы	Страны									
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Кыргызстан	Узбекистан	Украина
2004	17,8	10,9	108,8	67,2	31,4	17,2	13,6	62,7	15,9	33,4
2005	16,1	9,2	130,2	70,1	28,5	20,9	14,0	62,4	13,4	31,5
2006	15,5	12,5	139,3	59,4	25,0	20,1	13,1	66,0	12,2	28,4
2007	14,3	7,5	99,5	48,4	21,1	14,3	14,1	57,5	11,9	25,8
2008	14,7	11,0	69,1	37,9	20,7	9,6	15,3	48,9	13,2	22,5
2009	14,0	11,5	53,1	41,8	52,8	6,7	13,6	47,3	12,5	20,0
2010	14,5	14,8	49,7	64,4	31,1	5,1	9,9	43,5	11,3	19,4
2011	13,7	5,8	38,4	103,5	34,7	3,9	10,8	48,0	10,8	15,7
2012	12,9	5,7	18,5	176,1	39,0	3,6	15,4	44,8	10,3	13,9

Таблица 4 – Удельный вес хулиганства от общего количества зарегистрированных преступлений против общественного порядка и общественной нравственности в Республике Беларусь (2001–2017 гг.)

Годы	Всего зарегистрировано преступлений против общественного порядка и общественной нравственности	Факты хулиганства	
		Общее количество	Удельный вес хулиганства от общего кол-ва преступлений, включенных в гл. 30 УК, %
2001	5 562	5 280	94,9
2002	7 999	7 670	95,9
2003	9 230	8 857	96,0
2004	11 197	10 880	97,2
2005	13 245	12 767	96,4
2006	14 064	13 576	96,5
2007	10 411	9 663	92,8
2008	7 206	6 690	92,8
2009	5 863	5 137	87,6
2010	5 440	4 728	86,9
2011	4 463	3 643	81,6
2012	2 247	1 748	77,8
2013	2 707	2 153	79,5
2014	3 663	2 880	78,6
2015	5 007	3 956	79,0
2016	5 199	4 066	78,2
2017	5 632	4 146	73,6

Таблица 5 – Динамика зарегистрированных фактов хулиганства по областям Республики Беларусь и г. Минску (2001–2017 гг.)

Годы	Всего зарегистрир. по республике	г. Минск		Брестская область		Витебская область		Гомельская область		Гродненская область		Минская область		Могилевская область	
		количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
2001	5 280	990	18,8	493	9,3	730	13,8	899	17,0	509	9,6	684	13,0	824	15,6
2002	7 670	1 348	17,6	934	12,2	938	12,2	1 263	16,5	748	9,8	1 200	15,6	1 078	14,1
2003	8 857	1 686	19,0	1 055	11,9	1 386	15,6	1 444	16,3	745	8,4	1 292	14,6	1 073	12,1
2004	10 880	1 958	18,0	1 294	11,9	1 335	12,8	2 044	18,8	887	8,2	1 801	16,6	1 326	12,2
2005	12 764	2 030	15,9	1 612	12,6	1 393	10,9	2 650	20,8	1 445	11,3	1 877	14,7	1 389	10,9
2006	13 576	2 074	15,3	1 472	10,8	1 580	11,6	2 797	20,6	1 852	13,6	2 102	15,5	1 336	9,8
2007	9 663	1 653	17,1	1 387	14,4	706	7,3	1 634	16,9	1 428	14,8	1 633	16,9	1 009	10,4
2008	6 690	1 231	18,4	635	9,5	461	6,9	1 555	23,2	779	11,6	1 228	18,4	661	9,9
2009	5 137	1 367	26,6	436	8,5	244	4,7	928	18,1	658	12,8	1 034	20,1	383	7,5
2010	4 728	1 726	36,5	435	9,2	247	5,2	593	12,5	448	9,5	851	18,0	362	7,7
2011	3 643	1 667	45,8	295	8,1	142	3,9	409	11,2	167	4,6	715	19,6	189	5,2
2012	1 748	698	39,9	186	10,6	95	5,4	276	15,8	57	3,3	264	15,1	124	7,1
2013	2 153	702	32,6	309	14,3	144	6,7	421	19,6	111	5,2	304	14,1	162	7,5
2014	2 880	784	27,2	531	18,4	124	4,3	627	21,8	107	3,7	486	16,9	221	7,7
2015	3 956	1 165	29,4	695	17,6	224	5,7	659	16,7	185	4,7	645	16,3	383	9,7
2016	4 066	956	23,5	487	12,0	254	6,2	817	20,1	272	6,7	722	17,8	558	13,7
2017	4 146	770	18,6	565	13,6	215	5,2	894	21,6	275	6,6	826	19,9	601	14,5

Таблица 6 – Коэффициенты хулиганств по регионам Республики Беларусь (2010–2016 гг.)

Области	Годы	Коэффициент хулиганства на 10 тыс. всего населения
Брестская	2010	3,10
	2011	2,11
	2012	1,33
	2013	2,22
	2014	3,82
	2015	5,00
	2016	3,51
Витебская	2010	2,00
	2011	1,16
	2012	0,78
	2013	1,19
	2014	1,03
	2015	1,87
	2016	2,12
Гомельская	2010	4,11
	2011	2,85
	2012	1,92
	2013	2,95
	2014	4,40
	2015	4,63
	2016	5,74
Гродненская	2010	4,17
	2011	1,56
	2012	0,53
	2013	1,05
	2014	1,01
	2015	1,76
	2016	2,59
Минская	2010	5,97
	2011	5,05
	2012	1,86
	2013	2,17
	2014	3,46
	2015	4,59
	2016	5,11
Могилевская	2010	3,29
	2011	1,73
	2012	1,13
	2013	1,50
	2014	2,06
	2015	3,57
	2016	5,22
Минск	2010	9,36
	2011	8,99
	2012	3,77
	2013	3,71
	2014	4,08
	2015	6,04
	2016	4,91
Республика Беларусь	2010	4,97
	2011	3,84
	2012	1,85
	2013	2,27
	2014	3,04
	2015	4,18
	2016	4,28

Таблица 7 – Динамика выявления в Республике Беларусь лиц, совершивших хулиганство (2001–2017 гг.)

Годы	Всего выявлено лиц	Всего выявлено лиц, соверш. хулиганство	В том числе выявлено лиц по частям ст. 339 УК			Уд. вес лиц, соверш. хулиганство, от общего кол-ва выявленных лиц, а также от общего кол-ва зарегистрированных фактов хулиганства, %
			Часть 1	Часть 2	Часть 3	
2001	56 418	4 442	1 190	2 526	726	7,87 (84,1)
2002	63 982	5 428	1 396	3 082	950	8,48 (70,8)
2003	73 205	6 656	1 957	3 623	1 076	9,09 (75,1)
2004	83 938	8 358	2 491	4 390	1 477	9,96 (76,8)
2005	89 467	9 787	3 259	4 954	1 574	10,94 (76,7)
2006	80 364	9 583	3 432	4 794	1 357	11,92 (70,6)
2007	77 778	7 275	2 489	3 773	1 013	9,35 (75,3)
2008	72 944	4 892	1 604	2 572	716	6,71 (73,1)
2009	73 310	3 818	1 305	2 020	493	5,21 (74,3)
2010	74 109	3 645	1 392	1 767	486	4,92 (77,1)
2011	66 315	2 792	1 093	1 371	328	4,21 (76,6)
2012	52 981	1 494	582	734	178	2,82 (85,5)
2013	49 801	1 648	719	715	214	3,31 (76,5)
2014	49 943	2 312	1 125	937	250	4,63 (80,3)
2015	53 082	3 044	1 410	1 229	405	5,73 (76,9)
2016	51 551	3 037	1 538	1 180	319	5,89 (74,7)
2017	47 692	3 025	1 646	1 027	352	6,34 (73,0)

Таблица 8 – Динамика осуждения лиц, совершивших хулиганство (2002–2017 гг.)

Годы	Всего осуждено	Всего осуждено лиц, соверш. хулиганство	В том числе осуждено по:			Уд. вес лиц, осужденных по ст. 339 УК, от общего кол-ва осужденных, %
			Ч.1 ст. 339 УК	Ч.2 ст. 339 УК	Ч.3 ст. 339 УК	
2002	53 626	4 601	1 110	2 816	675	8,58
2003	65 983	6 112	1 730	3 551	831	9,26
2004	73 713	7 251	2 216	3 856	1 179	9,84
2005	77 594	8 379	2 768	4 377	1 234	10,8
2006	78 238	9 229	3 319	4 855	1 055	11,8
2007	70 996	7 227	2 431	3 957	839	10,18
2008	68 531	5 051	1 543	2 865	643	7,37
2009	62 064	3 281	1 081	1 765	435	5,29
2010	61 054	2 955	1 112	1 444	399	4,84
2011	54 829	2 325	880	1 151	294	4,24
2012	40 356	1 025	361	511	153	2,54
2013	38 479	1 081	388	512	181	2,81
2014	40 617	1 629	737	666	226	4,01
2015	43 420	2 249	991	937	321	5,18
2016	44 770	2 529	1 200	1 052	277	5,65
2017	43 135	2 682	1 342	1 032	308	6,22

УДК 343.915

Ю. И. Селятыцкий

кандидат юридических наук

Академия МВД Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: yura.5577@tut.by

ДЕТЕРМИНАНТЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются причины и условия, детерминирующие высокую криминальную активность лиц молодежного возраста (18–29 лет). Определены основные причинные комплексы (социально-психологический, экономический, правовой и криминальный) и их факторы. Выделены специфические особенности детерминант, присущие именно этой возрастной категории граждан, позволяющие конкретизировать основные направления предупредительной деятельности и ее субъекты.

Ключевые слова: причины, условия, детерминанты, молодежная преступность; социально-психологические, экономические, правовые и криминальные факторы.

Изучение причин и условий преступности является составной частью предмета криминологии и относится к наиболее сложной ее проблеме. В связи с этим исследование причин, порождающих молодежную преступность, и условий, способствующих совершению преступлений лицами молодежного возраста, должно осуществляться как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Эмпирический подход позволяет получить новые данные, а теоретический открывает новые возможности объяснения и предвидения изменений в эмпирической области. Изучение и выявление причин и условий молодежной преступности, формирование их целостной концепции способствуют установлению реальных причин совершения лицами молодежного возраста конкретных преступлений в целях разработки действенного механизма их предупреждения.

Для правильного и эффективного воздействия на причины и условия необходимо определить их понятие и раскрыть содержание.

Причина в философском понимании – явление, обладающее способностью порождать следствие; условие – явление, способствующее действию причины. Таким образом, полная причина – совокупность причин и условий [1, с. 62]. Все явления, так или иначе влияющие на преступность, но без выделения механизма их воздействия на нее как причины или условия, называют факторами преступности [2, с. 23].

При изучении причин преступности необходимо иметь в виду их множественность: объективные и субъективные, основные и второстепенные, постоянные и временные. Так, по мнению А. И. Долговой, «не существует какой-то общей, основной, главной причины, которая исчерпывающе объясняет происхождение преступности в конкретных условиях во всем ее разнообразии. Как нет и единого облика преступности „всех времен и народов“. Нельзя рассчитывать также на создание какого-либо универсального „каталога причин“. В криминологической литературе приводятся данные о наиболее распространенных, типичных обстоятельствах, порождающих преступность, но в разных своих сочетаниях и проявлениях указанные обстоятельства могут порождать различные виды преступности...» [3, с. 230].

Н. Ф. Кузнецова, рассматривая причинность существования преступности, отмечает, что «причины и условия преступности – это система негативных для соответствующей общественно-экономической формации социальных явлений, детерминирующих преступность как свое следствие» [4, с. 115].

Сложность и многогранность проблемы традиционно являлись поводом для дискуссий как криминологов, так и представителей других отраслей знаний. Тем не менее все многообразие взглядов на причины преступности можно свести к двум направлениям – социологическому и биологическому.

Первое направление возникло в глубокой древности и нашло свое отражение в трудах Платона, Аристотеля, Конфуция, которые связывали причину преступности с определенными социальными явлениями (возникновение частной собственности, избыточная роскошь), порождавшими глубокий антагонизм в обществе [5, с. 18].

Сторонниками социологического объяснения причин преступности являлись Э. Дюркгейм, Т. Кампанелла, Р. Мертон, Т. Мор и др. К ним можно отнести и малоизвестного современным исследователям итальянского социалиста Ф. Турати, который полагал, что «не в индивидуе надо искать причину преступности, но в обществе, органически и необходимо порочном, где эксплуатация человека – краеугольный камень общественного сожительства, где немногие избранные живут за счет бедности и уничтожения большинства, где бесстыдная противоположность между богатой праздностью и бедным трудом является постоянным и фатальным побуждением к преступности...» [цит. по: 6, с. 61].

Ч. Ломброзо, основатель биологической концепции причин преступности, в чертах преступника видел характерные черты примитивного, первобытного человека и животных, в связи с чем утверждал, что прирожденные индивидуальные факторы – основные причины преступного поведения. Ч. Ломброзо разработал таблицу признаков прирожденного преступника, т. е. таких черт, по которым, выявив их путем непосредственного измерения физических параметров того или иного лица, якобы можно решить, является ли лицо прирожденным преступником или нет [7, с. 97–98].

В настоящее время клиническая криминология стала преемницей биологической концепции – научного направления, основанного на концепции «опасного состояния» преступника, которое было разработано в конце XIX в. итальянскими учеными Р. Гарофало и З. Ферри. Преступность была объявлена медицинской проблемой, за которую общество не отвечает (как за подсознательные импульсы человека) [8, с. 133].

Представляется, что наиболее оптимальному уяснению специфики причин и условий совершения преступлений лицами молодежного возраста будет способствовать использование интеракционистского подхода, т. е. подхода к причинности с позиции взаимодействия, сторонниками которого являлись Л. А. Волошин, А. И. Долгова, В. Н. Кудрявцев.

Так, по мнению А. И. Долговой, «в рамках использования интеракционистского подхода именно выявление причинных комплексов является основой построения серьезных и эффективных программ борьбы с преступностью» [3, с. 263].

На основе анализа трудов криминологов нами выделены четыре факторных комплекса, определены образующие их факторы, которые включают причины и условия, оказывающие наибольшее воздействие на криминальную активность молодежи. С целью определения степени их влияния на уровень молодежной преступности проведен опрос 179 сотрудников ОВД, 78 судей и прокурорских работников, которые в ходе анкетирования проранжировали включенные в опросные листы факторные комплексы и отдельные факторы.

С учетом полученных данных можно сделать вывод, что комплекс социально-психологических факторов большинством специалистов признан самым значимым, следовательно входящие в него факторы заслуживают первоочередного рассмотрения.

Утрата значительной частью населения общепризнанных человеческих идеалов, по мнению опрошенных специалистов, является самым опасным криминогенным фактором,

детерминирующим преступное поведение молодежи. Это свидетельствует о том, что существенные изменения, происшедшие в социуме в последнее время, разрушили существовавшую ранее систему общечеловеческих ценностей и идеалов, не предоставив ничего взамен.

По мнению В. Т. Лисовского, из этого проистекают «растерянность и пессимизм, неверие в себя и общество. Одни живут в прошлом, слушая рассказы старших о „прекрасном времени, когда якобы успешно решались все проблемы“. Другие, наоборот, агрессивно ведут себя по отношению ко всем нововведениям, критикуют „все и вся“, занимаются поисками „врагов“, на которых можно было бы свалить причины всех бед. Третьи, отчаявшись, уходят в „никуда“, становятся на преступный путь, превращаются в алкоголиков и наркоманов. Четвертые ищут „путь к Богу“, вступают в различные секты, увлекаются мистикой и колдовством. Пятые, понимая, что только с помощью собственной активности можно добиться успеха в жизни, объективно оценивают новые реалии, ищут пути решения возникающих проблем» [9, с. 40–41].

Вместе с тем, ценности окружающего мира усваиваются (накапливаются, изменяются и т. д.) человеком с самых ранних этапов его развития и могут мотивировать его поведение, выступать в качестве побудительных сил человеческой активности, в том числе на бессознательном уровне [10, с. 142–143]. Поэтому на современном этапе развития общества важно определить и уяснить ценности и идеалы, которыми руководствуются молодые люди и которые во многом обуславливают их обыденное сознание и повседневные представления о настоящем и будущем.

По итогам проведенного опроса специалистов, находится на втором месте, но является не менее острой негативная социально-психологическая тенденция, выражающаяся в росте алкоголизма и наркомании, которая продолжает оставаться одной из самых проблемных для нашего государства. Данное негативное явление причиняет огромный материальный и нравственный ущерб как обществу в целом, так и отдельным гражданам. Так, по данным за 2011 г., объем потребления спиртных напитков на душу населения составил 11,97 литра абсолютного алкоголя [11]. А с учетом «теневого» производства и потребления спиртных напитков, по оценкам специалистов, реальный уровень потребления алкоголя составлял более 16 литров абсолютного алкоголя на душу населения, который в два раза превышал европейский уровень [12, с. 14].

Неоднократное акцентирование внимания на проблеме роста алкоголизма послужило поводом для начала целенаправленной работы по нейтрализации данного негативного явления, что в свою очередь привело к снижению потребления алкоголя. В сравнении с 2011 г. потребление на душу населения в 2017 г. снизилось на 5,1 литра, т. е. на 32,7%. Надо сказать, что белорусы становятся более приверженными к ведению здорового образа жизни и искоренению вредных привычек [13].

Как указывалось выше, остро стоит проблема потребления наркотиков и токсикомании. Число больных наркоманией в Республике Беларусь за последнее десятилетие увеличилось в 1,4 раза: с 6 145 чел. в 2005 г. до 8 649 чел. на начало 2017 г. По данным врачей, большинство зарегистрированных в стране пациентов с наркоманией – в возрасте 20–40 лет. В последние годы возросло число потребителей синтетических каннабиноидов (спайсов), преимущественно это лица в возрасте 15–29 лет, т. е. несовершеннолетние и лица молодежного возраста [14].

Актуальность проблемы подтверждается результатами проведенного исследования. По данным опроса осужденных молодежного возраста, 46,9% респондентов совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения, 17,6% ранее употребляли наркотики, 7,6% считают редкое употребление наркотиков допустимым и 5,3% указали, что совершили преступление в наркотическом опьянении или под воздействием других одурманивающих веществ.

Таким образом, высокий уровень алкоголизации и наркотизации населения оказывает отрицательное воздействие на количественные и качественные показатели преступности.

Опыт многих стран мира также свидетельствует о том, что значительному увеличению преступности обычно предшествуют высокий уровень и негативная динамика пьянства, наркомании и связанных с ними социальных девиаций.

Третьим социально-психологическим фактором, оказывающим, по мнению специалистов, наибольшее влияние на уровень молодежной преступности, является ориентация общественного сознания на примитивные модели удовлетворения человеческих потребностей. На этом фоне у значительной части населения наблюдаются изменения мировоззренческих установок, идеологических ориентаций. Например, осуждаемая ранее частнособственническая психология в настоящее время превращается в признанную систему взглядов и ценностей [15, с. 8].

Необходимо учитывать и такие факторы, как слабая степень поддержки населением уголовного законодательства, распространение криминальной субкультуры, правовой нигилизм, низкий уровень доверия к правоохранительным органам, которые дополняют перечень основных криминогенных факторов, способствующих сохранению высокого уровня молодежной преступности в стране. Определение их ранга в рамках анализируемого комплекса дает возможность выбрать правильные направления и средства профилактической и предупредительной деятельности.

Практически на одну ступень с комплексом социально-психологических факторов опрошенные специалисты поставили комплекс экономических факторов.

Финансовая необеспеченность лиц молодежной возрастной категории, безусловно, является одной из самых важных составляющих рассматриваемого комплекса. Современное состояние экономики Республики Беларусь свидетельствует о противоречиях и особенностях экономического развития. Ушли в прошлое такие явления, способствовавшие совершению преступлений, как массовая безработица, нищета, голод. Однако материальный фактор не утратил своего значения в причинном комплексе, порождающем преступность, наоборот, он стал аккумулировать различные противоречия в социально-экономической сфере и непосредственно определять потребности, интересы и мотивы поведения людей. Фактически криминогенное значение имеют противоречия между завышенными материальными потребностями и возможностями их удовлетворения.

Следует обратить внимание на то, что одним из средств, усугубляющих материальное положение населения, является прогрессирующий в настоящее время кредитный прессинг. Рекламируемые на каждом шагу легкие, на первый взгляд, деньги оказываются непосильным бременем к моменту их возврата. Данной услугой банков пользовались 16% опрошенных осужденных, при этом у 4% из них было два и более кредита, а также 25 и 7% соответственно законопослушных граждан молодежной возрастной категории.

Объективные условия существования человека неразрывно связаны с его материальным положением. Существенное снижение уровня жизни части населения, увеличение разрыва между доходами социальных групп являются составляющими экономического факторного комплекса, которые косвенно влияют на совершение преступлений молодежью. Например, указанные обстоятельства нельзя расценивать в качестве прямо побуждающих к совершению преступлений, но именно материальный фактор приводит к формированию ущербности, неполноценности, озлобленности и накоплению внутренней агрессии, что и может стать непосредственной причиной совершения преступления [16, л. 100–101].

Следующим по важности фактором, влияющим на уровень молодежной преступности, специалисты считают безработицу. По официальным статистическим данным, в нашей стране нет серьезных проблем, связанных с занятостью трудоспособного населения. Несмотря на кризис и негативные процессы в экономике, по сравнению с 2015 г. количество безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите, уменьшилось почти в два раза. Так, по официальной статистике Белстата на конец 2017 г., численность безработных составила 22,9 тыс. чел., для сравнения, на конец 2015 г. этот по-

казатель был равен 43,3 тыс. чел. Каждый пятый – молодой человек в возрасте 18–29 лет. Образовательный уровень граждан, зарегистрированных в качестве безработных, характеризуется преобладанием лиц с общим средним и профессионально-техническим образованием, общая доля которых составила почти 62%.

Высокая степень влияния рассматриваемого фактора на уровень преступности подтверждается данными, полученными в ходе исследования. В 2016 г. среди всех выявленных лиц, совершивших преступления, количество неработающих и неучащихся в процентном отношении составило 53%, в отношении молодежной возрастной категории этот показатель равен 60%.

В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» органы по труду, занятости и социальной защите являются субъектами профилактики правонарушений. Однако, по сути, они не выполняют в полном объеме свою профилактическую функцию. Превышение числа лиц, неработающих и неучащихся, выявленных за совершенные преступления, по сравнению с количеством граждан, зарегистрированных в качестве безработных, свидетельствует о существовании значительной прослойки населения, не имеющей постоянного источника дохода или же имеющей его, но законность получения такого дохода необходимо ставить под сомнение.

Приведенные выше данные позволяют судить и о доле теневой экономики в стране, что в итоге приводит к существенным издержкам, в том числе затратам, связанным с применением традиционных (силовых) методов борьбы с теневой экономикой и коррупцией.

Современное состояние криминологической обстановки в Республике Беларусь, в частности высокий уровень молодежной преступности, во многом обусловлены запаздыванием правового реагирования государства на развитие криминала. Так, формы организованной преступности сложились в республике в конце 1980-х – начале 1990-х гг., а закон о борьбе с ней был принят лишь в 1997 г. В то время как почти половина всех преступлений совершается лицами молодежного возраста (18–29 лет), специальных норм, направленных на борьбу с молодежной преступностью, пока не принято. По мнению большинства опрошенных специалистов, такие факторы, как слабая действенность законов в сфере борьбы с молодежной преступностью, отсутствие специальных норм, регламентирующих применение наказания к лицам молодежного возраста, и несовершенство правоприменительной практики в отношении их, относятся к наиболее значимым составляющим правового факторного комплекса, детерминирующим преступное поведение представителей данной категории.

Комплекс криминогенных, или внутренних, факторов включает широкий спектр криминологических проблем и социально опасных явлений. Максимальное влияние на криминальную ситуацию, по мнению специалистов, оказывают проблема возвращения лиц, отбывших наказание, в законопослушную среду и обусловленная ею проблема криминального рецидива.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами. Степень достижения указанной в законе цели иллюстрируется криминологической характеристикой лиц, выявленных за совершение преступлений, и результатами проведенного нами анкетирования.

В ходе исследования установлено, что в 2012 г. в числе всех выявленных лиц, совершивших преступления, были ранее судимы 42,5%, а в возрастной категории 18–29 лет – 44%. К 2016 г. обстановка немного улучшилась, и первый показатель составил 36%. В ходе опроса осужденных молодежного возраста, 60% указали на наличие криминального прошлого, при этом треть из них к моменту последнего осуждения имели две и более судимости.

Приведенные выше данные дают основание полагать, что существующая система исполнения наказания нуждается в реформировании, поскольку не исправляет преступников, а, наоборот, делает их озлобленными на правоохранительные органы и общество в целом.

Данное мнение подтвердили 82% опрошенных сотрудников ОВД, в том числе 71% сотрудников уголовно-исполнительной системы. Необходимость реформирования системы отмечают в опросных листах 62% законопослушной молодежи и 52% молодых осужденных.

О назревших проблемах в системе исполнения наказаний свидетельствуют и мнения лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Так, на вопрос о конечном результате применяемых к ним мер 20% респондентов указали, что отбывание наказания в местах лишения свободы негативно влияет на осужденных и способствует криминальному заражению и совершению преступлений в дальнейшем; еще 46% считают, что уголовно-исполнительная система способна исправить не более половины преступников. Такие же ответы на указанный вопрос дали соответственно 17 и 69% законопослушных граждан.

Криминальная организованность, криминальные традиции и криминальный профессионализм – факторы, по мнению опрошенных специалистов, занявшие третье, четвертое и пятое места, – еще больше усиливают негативные тенденции, выявленные в криминальной среде молодежи. Их совокупный анализ позволяет сделать прогноз дальнейшего развития молодежной преступности, которая будет иметь групповой характер, а порой организованной в русле профессиональной преступности, с поддержанием криминальных традиций.

Таким образом, проведенное исследование специфики причин и условий, способствующих совершению преступлений лицами молодежного возраста, позволяет сделать следующие выводы, что обстоятельства, способствующие совершению преступлений лицами молодежного возраста, в основном соответствуют общим причинам и условиям, порождающим преступность в стране. Вместе с тем, выделяются специфические особенности, присущие именно этой возрастной категории граждан.

Доминирование комплекса социально-психологических факторов, самым криминогенным из которых является утрата молодыми людьми общепризнанных человеческих идеалов, позволяет утверждать о разрушении в настоящее время существовавших ранее общечеловеческих идеалов и ценностей. Рассмотренные в рамках данного комплекса социально-негативные тенденции, выразившиеся в росте алкоголизма и наркомании, и ориентация общественного сознания на примитивные модели удовлетворения человеческих потребностей подтверждают приоритет данного причинного комплекса в сравнении с остальными.

Изучение влияния экономических, правовых и криминальных факторов на уровень молодежной преступности позволит определить основные направления предупредительной деятельности и ее субъектов.

Список использованных источников

1. Антонян, Ю. М. Криминология : избр. лекции / Ю. М. Антонян. – М. : Логос, 2004. – 447 с.
2. Дагель, П. С. Причины преступности в СССР и причины индивидуального преступного поведения / П. С. Дагель // Проблемы причинности в криминологии и уголовном праве : межвуз. темат. сб. / Дальневост. ун-т; редкол. : М. С. Гринберг [и др.]. – Владивосток, 1983. – С. 22–37.
3. Криминология : учеб. для юрид. вузов / Ю. Н. Аргунова [и др.]; под общ. ред. А. И. Долговой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2001. – 831 с.
4. Криминология : учебник / Н. Н. Кондрашков [и др.]; под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. – М. : Юрид. лит., 1988. – 384 с.
5. Антонов-Романовский, Г. В. Социально-утопическая концепция причин преступности / Г. В. Антонов-Романовский // Вопросы борьбы с преступностью / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности; редкол. : В. И. Кудрявцев (отв. ред.) [и др.]. – М., 1971. – Вып. 14. – С. 17–21.
6. Ширяев, В. Н. Участие общества в борьбе с преступностью / В. Н. Ширяев // Рос. криминол. взгляд. – 2008. – № 2. – С. 58–81.
7. Ломброзо, Ч. Новейшие успехи науки о преступнике / Ч. Ломброзо; пер. С. Л. Раппопорт. – СПб., 1892. – 168 с.

8. Криминология : учеб. для юрид. вузов / Р. М. Акутаев [и др.]; под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. – СПб. : С.-Петербург. Акад. М-ва внутр. дел, 1998. – 573 с.
9. Лисовский, В. Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи: социологическое исследование / В. Т. Лисовский // Тугариновские чтения : материалы науч. сес. / редкол. : Г. П. Любимов, Б. В. Марков, Н. В. Тугаринова. – СПб., 2000. – С. 40–45. – (Серия «Мыслители». Вып. 1).
10. Антонян, Ю. М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности / Ю. М. Антонян. – М. : Камерон, 2006. – 306 с.
11. Диагноз «алкоголизм» уже имеют около 180 тысяч жителей Беларуси [Электронный ресурс] // Interfaks.by : информ. агентство. – Режим доступа : <http://www.interfax.by/news/belarus/133072>. – Дата доступа : 01.03.2018.
12. Барановский, Н. А. Антидевиантная политика: теория и социальная практика / Н. А. Барановский; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 270 с.
13. Потребление алкоголя на душу населения в Беларуси за шесть лет снизилось на 32,7% [Электронный ресурс] // belta.by : информ. агентство. – Режим доступа : <http://www.belta.by/society/view/potreblenie-alkogolja-na-dushu-naselenija-v-belarusi-za-shest-let-snizilos-na-327-belstat-287027-2018>. – Дата доступа : 01.03.2018.
14. Минздрав : наркоманов в Беларуси за 10 лет стало больше в 1,4 раза [Электронный ресурс] // sputnik.by : информ. агентство. – Режим доступа : <https://sputnik.by/society/20170301/1027680845/minzdrav-narkomanov-v-belarusi-za-10-let-stalo-bolshe-v-1-4-raza.html>. – Дата доступа : 01.03.2018.
15. Ананич, В. А. Понятие, классификация причин и условий, способствующих преступности в Республике Беларусь, и их характеристика / В. А. Ананич, Н. А. Аникеева // Детерминанты преступности в Республике Беларусь : сб. науч. ст. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – С. 3–12.
16. Терещенко, Т. Г. Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения: уголовно-правовая и криминологическая оценка : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т. Г. Терещенко. – Минск, 2013. – 160 л.

Дата поступления: 14.03.2018

Y. I. Selyatytskyj

Candidate of Juridical Sciences

Academy of the MIA of the Republic of Belarus

Minsk, Belarus

DETERMINANTS OF MODERN YOUTH CRIME

The article considers the causes and conditions of high criminal activity of young people (from 18 to 29 years old). The main causal complexes (socio-psychological, economic, legal and criminal) and their factors are determined. Specific features of the determinants, peculiar to such category of citizens, are distinguished, which helps to specify the main directions of preventive activity and its subjects.

Keywords: *causes, conditions, determinants, youth crime; socio-psychological, economic, legal and criminal factors.*

УДК 343.98+343.91

О. А. Герасименко

Харьковский научно-исследовательский институт судебных экспертиз
им. Засл. проф. Н. С. Бокариуса,
аспирант кафедры социологии и психологии факультета № 6
Харьковского национального университета внутренних дел
г. Харьков, Украина
E-mail: olga_gerasi993@ukr.net

ИССЛЕДОВАНИЕ ВИКТИМНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ

Рассмотрены особенности виктимного поведения жертвы преступления. Раскрыты понятия «виктимность», «индивидуальная виктимность» и «сексуальное насилие». Установлен самый уязвимый возраст к формированию виктимности. Проанализированы причины становления виктимного поведения у подростков, основные составляющие их виктимности, а также факторы, обуславливающие виктимность несовершеннолетних. Выделены типы виктимного поведения и данные о факторах риска сексуального насилия.

Ключевые слова: виктимность, индивидуальная виктимность, жертва преступления, подростковый возраст, виктимное поведение, несовершеннолетний, сексуальное насилие.

В последнее время социально-экономическая и политическая ситуации в современном обществе ведут, прежде всего, к многообразию социальных конфликтов, стремительному росту правонарушений и преступности. Одним из следствий негативных социальных феноменов является повышение уровня виктимизации населения, в частности детей и подростков. Проблема виктимности несовершеннолетних прочно заняла свое место среди актуальных проблем психологической науки. Дети нередко становятся жертвами преступлений, жестокого обращения и насилия. Перед следователями и судьями при рассмотрении уголовных дел, фигурантами которых являются несовершеннолетние лица, все чаще возникают вопросы, выяснение которых требует специальных знаний в области психологии. Это касается исследования особенностей психической деятельности несовершеннолетних, их эмоциональных реакций, психических свойств, состояний и т. п. Учитывая то, что ни следователи, ни судьи не обладают такими специальными знаниями, для исследования важных для следствия особенностей несовершеннолетних назначается судебно-психологическая экспертиза, которая может устанавливать такие особенности психической деятельности и их проявления в поведении несовершеннолетних, которые имеют юридическое значение и вызывают определенные правовые последствия [1; 2].

Со времен второй мировой войны вопросы виктимологии стали объектом научных исследований. В 1948 г., одним из первых, немецкий ученый Ганс фон Гентиг в своей статье привлек внимание к пострадавшему как к фактору возникновения преступления, а также выдвинул идею понимания преступности как отношений между причинителями вреда и их жертвами. Эта статья стала началом разработки теории виктимологии. В 70-х гг. свои труды по виктимологии опубликовал Л. В. Франк, его поддержал Д. В. Ривман.

В странах бывшего СССР, несмотря на то, что пострадавшими от второй мировой войны является большая часть населения, виктимология начинает свое развитие в конце 80-х гг. И только лишь после распада СССР, как самостоятельное направление научных исследований, виктимология получила свое развитие в Украине.

На протяжении долгих лет в процессе развития отечественной виктимологии изучалась проблема пострадавшего от преступления, в рамках юридических дисциплин или в связи с ними. Согласно Д. В. Ривману, предмет изучения виктимологии «есть лица, которым преступлением причинен физический, моральный или материальный ущерб, в том числе и преступники; их поведение находилось в связи с совершенным преступлением...» [3, с. 12].

Таким образом, из широкого спектра проблем, которые изучает виктимология, можно выделить следующие:

- характеристика (личностная, морально-психологическая, социальная, поведенческая) жертв потерпевших от преступлений;
- отношения, которые связывают жертву и преступника;
- ситуация (ситуации), предшествующая преступлению и во время совершения преступления;
- процесс превращения лица в жертву (виктимизация);
- влияющие на причины и условия превращения лица в жертву (виктимологические факторы);
- прогнозирование виктимности отдельных лиц и групп населения, а также других вопросов, связанных с жертвой преступления;
- посткриминальное поведение жертвы (обращается ли за защитой к правоохранительным органам, в суд, препятствует или способствует им в установлении истины);
- система мероприятий профилактического характера, в которых учитываются и используются возможности защиты как потенциальных жертв, так и реальных потерпевших;
- пути, возможности, способы возмещения причиненного преступлением вреда и, в первую очередь, физической реабилитации жертвы (потерпевшего).

По мнению Д. В. Ривмана, определенное поведение, социальная роль, статус, если они создают «склонность» к тому, что лицо при определенных обстоятельствах может стать жертвой преступления, являются составляющими «индивидуальной виктимности». «Индивидуальная виктимность» представляет собой состояние уязвимости, зависящее не только от субъективных, но и объективных факторов, следовательно, состоит из личностного и ситуационного компонентов. Личностный компонент индивидуальной виктимности – это способность стать жертвой в силу присущих индивиду субъективных качеств [4].

Как известно, виктимность свойственна подростковому возрасту. Риск стать жертвой сексуального насилия у детей подросткового возраста обусловлен их возрастными особенностями психики (незрелость, подчинение авторитету взрослого, доверчивость, недостаточность жизненного опыта и осведомленности в вопросах половых отношений, неумение полно и критично оценивать сложившуюся ситуацию и прогнозировать возможные действия других лиц).

Под виктимностью у подростков понимают потенциальный комплекс психофизических свойств, обуславливающий неспособность своевременно понять сексуальную направленность действий преступника, их нравственно-этическую сущность, социальные последствия, выработать и реализовать эффективные стратегии поведения в сексуально значимых ситуациях. Виктимизацией называют процесс преобразования личности в жертву преступления и результат такого процесса [5].

В становлении виктимного поведения подростков одну из главных ролей играют ситуативные факторы, которые провоцируют возникновение виктимных ситуаций и их развитие. От особенности ситуации зависит, будет решающим психоэмоциональное состояние под-

ростка или его виктимогенные качества. При этом может проявляться сложное сочетание всех обозначенных компонентов, что определит наибольшую интенсивность процесса виктимизации поведения.

Помимо ситуативных виктимогенных факторов существует немало первичных и вторичных виктимогенных признаков личности и поведения подростка, которые обуславливают его виктимизацию. Большое значение в процессе виктимизации имеют индивидуально-психологические особенности, особенности поведения и психоэмоциональные состояния подростка как потенциальной жертвы, без выяснения которых не могут быть раскрыты полностью ни конкретные обстоятельства, ни причины и условия подростковой виктимизации [6].

Д. В. Ривман считал, что значительную роль в процессе виктимизации поведения подростков играет «индивидуальная виктимность», под которой он понимал «обусловленное наличием преступности состояние уязвимости отдельной личности, что выражается в объективно присущей человеку способности стать жертвой» [3].

У психически здоровых детей и подростков существует психологический комплекс виктимности, обусловленный возрастными факторами (неспособность понимать характер и значение действий сексуальной направленности из-за несформированности базовых психологических структур в сочетании с излишней доверчивостью, покорностью, внушаемостью и т. п.).

Исследованиями психиатров был выделен также патопсихологический симптомокомплекс виктимности, присущий несовершеннолетним с психическими расстройствами, который возникает при взаимодействии возрастного, дизонтогенетического и психопатологического факторов. При грубом психическом дефекте виктимизация обуславливается психопатологическими факторами, основными из которых являются: выраженное умственное недоразвитие и эмоционально-волевые расстройства. При отсутствии выраженных нарушений на первый план выступают дизонтогенетические проявления с отставанием формирования базовых психологических структур, полоролевой идентичности, незрелостью личностных образований, эмоционально-волевой неустойчивостью, неразвитостью морального сознания и недостаточностью критических и прогностических функций. Возрастной фактор привносит неспецифическую возрастную кризисную симптоматику, которая участвует в формировании виктимного поведения [7; 8].

До сих пор не выделено никаких демографических или семейных характеристик, которые исключали бы возможность того, что ребенок подвергался или подвергается сексуальному насилию. Однако, изучены некоторые факторы, которые делают ребенка более уязвимым для сексуального насилия. Среди них наиболее существенные – половая принадлежность и возраст. Установлено, что девочки в 3-4 раза чаще мальчиков подвергаются сексуальному насилию, особенно если они проживают вместе с отчимом. Возраст ребенка, при котором особенно высока вероятность сексуального насилия – 7–11 лет. Американский психолог Б. Крейхи считает: сексуальное насилие связано с неравенством во власти, которой обладают жертва и обидчик, что позволяет последнему использовать свой возраст, авторитет, жизненный опыт, или прибегать к применению силы и хитрости [9].

На виктимность влияют также и внешние объективные процессы (ранняя социализация в результате деструкции семьи), что приводит к увеличению количества детей и подростков, которые оказываются в криминогенных условиях с повышенной концентрацией асоциальных личностей – потенциальных преступников.

Особое место в исследованиях предшественников современной виктимологии занимают работы К. Хигурти. Им были выделены специальные группы пострадавших, классифицированные по таким критериям, как возраст, пол и психические свойства, причем в каждой группе есть именно ей присущие особенности виктимности [9, с. 193].

Как показал психологический анализ уголовных дел (по результатам исследований В. Е. Христенко), существенную роль в определении форм поведения жертвы в момент совершения преступления играет социальная среда, в которой происходило формирование стереотипов поведенческого реагирования потерпевшего [10]. То есть, формирование защитных реакций и морально-этических ценностей в случае опасности происходит под действием того социального окружения, в котором жертва находилась в момент формирования ее как личности. Первая группа риска, которая подвержена виктимизации, это индивиды, ставшие жертвами насилия в детстве, лица с высокой сексуальной активностью и те, которые употребляют алкоголь.

В ходе лонгитюдного исследования Брауна были выделены следующие данные о факторах риска сексуального насилия:

- наличие у ребенка физических недостатков или же умственной неполноценности;
- психопатия матери;
- неблагоприятные жизненные обстоятельства;
- проживание с отчимом.

Таким образом, виктимность проявляется при совпадении ситуативно-агрессиологического и личностного факторов в поведении жертвы.

На сегодняшний день широкое распространение получила классификация поведения жертв непосредственно до совершения по отношению к ним преступления. Выделены три типа виктимного поведения. Наиболее часто встречается подчиняющийся (40%) тип поведения, который характеризуется снижением двигательной активности, проявляется в пассивном подчинении и выполнении всех требований обидчика. При этом можно выделить пассивно-оборонительный и пассивно-равнодушный типы поведения. Псевдопровоцирующий тип (25%) внешне похож на провоцирующее поведение взрослых пострадавших. Этот тип характеризуется повышением двигательной активности, стремлением к взаимодействию с потенциальным преступником, установлением с ним речевого контакта, кокетства, проявлением интереса сексуального характера вплоть до прямого поощрения сексуальной активности, а также совместным употреблением алкогольных напитков. Неустойчивому типу (35%) свойственны отсутствие четкой линии поведения, крайняя изменчивость поступков и высказываний, противоречивость действий, смена поведения: от подчиненного, псевдопровоцирующего к активно-оборонительному [8].

Поведение всех трех типов способствует осуществлению по отношению к несовершеннолетним одной из самых тяжелых форм насилия – сексуального насилия. Сексуальное насилие – травмирующие переживания, приводящие как к непосредственным, так и к долгосрочным последствиям для многих, если не для большинства, жертв.

Данный вид преступления встречается во всех социальных слоях общества, причем значительно чаще чем принято считать. Сложность выявления сексуального насилия, особенно внутрисемейного, заключается в том, что оно зачастую скрыто. Взрослые, зная, что нарушают закон, держат все в тайне, не допуская вторжения посторонних в мир семьи. Травматические переживания детей, возникающие в результате действий лиц, которым они доверяют и от которых зависят, могут оказывать длительное пагубное влияние на их физическое, интеллектуальное, эмоциональное и социальное развитие, а также повышать вероятность снова стать жертвой в будущем. Любое насилие, подавляя физическую, психологическую свободу личности, приводит к психологической травме, глубина и устойчивость которой может колебаться в зависимости от внезапности, интенсивности и продолжительности насилия [11; 12].

Сексуальное насилие чаще всего сочетается с физическим и психическим насилием, угрозами для жизни и поэтому нередко оказывает специфическое психотравмирующее действие, приводит к возникновению у пострадавших острых реакций на стресс (F 43.0), посттравматических стрессовых расстройств (F 43.1) и расстройств адаптации (43.2) (по данным МКБ-10).

Основным отличием сексуальных преступлений от других видов является то, что в момент совершения преступления основную роль играет психофизическая защищенность потерпевшего. Любые призывы к насильнику о выполнении им требования закона, угроза последующего наказания в подавляющем большинстве являются бесполезными. Противодействие преступнику жертва осуществляет на уровне своих психических и физических возможностей. Именно в момент борьбы между преступником и жертвой происходит переход различных состояний эмоционального напряжения. Осознание того, что помощи ждать неоткуда и сейчас обращаться к закону бесполезно, накладывает дополнительную психологическую нагрузку на жертву преступления. Это, в свою очередь, повышает уровень эмоционального напряжения. В зависимости от значимости потери (честь, уважение окружающих и т. п.), в результате насильственного воздействия, жертва находится в большей или меньшей степени в эмоциональном напряжении, что обуславливает формы ее поведения [13].

Сексуальное насилие приводит к различным эмоциональным и поведенческим проблемам, хранящимся в памяти пострадавшего долгие годы, и серьезно ухудшает психологическое здоровье детей, их социальные отношения. Кроме того, у несовершеннолетних, пострадавших от сексуального насилия, искривляется половая идентификация и нарушается психосексуальное развитие, при котором деформируются сексуальные нормы и запреты [14].

Дети и подростки, в отношении которых проводится судебно-психологическая экспертиза, представляют собой в совокупности уникальный материал, своего рода «чистую выборку», по которой можно достаточно четко судить о распространенности типов сексуального злоупотребления в нашей стране. Разработка программы профилактики подобного рода преступлений, с учетом накопленного экспертами-психологами опыта по исследованию детей и подростков, подвергшихся насилию, позволит проводить с ними и их родителями, которые присутствуют во время проведения исследования ребенка, коррекционные мероприятия, направленные на частичное (что обусловлено ограниченностью времени) устранение негативных последствий [6].

Таким образом, виктимное поведение детей и подростков является многофакторным феноменом (в отличие от провоцирующего поведения взрослых), заключающемся в нарушении волевой регуляции, реализации неэффективных стратегий в ситуациях сексуальных посягательств, и способствует превращению жертвы из потенциальной в реальную.

Список использованных источников

1. Розов, В. І. Судово-психологічна експертиза в кримінальному процесі / В. І. Розов // Юридична Україна. – 2003. – № 4. – С. 20–26.
2. Психологічна експертиза в слідчій практиці : навч. посібник / Н. В. Алікіна [та ін.]. – К. : Українська акад. внутр. справ, 1993. – 56 с.
3. Ривман, Д. В. Кримінальна виктимологія / Д. В. Ривман. – СПб. : Питер, 2002. – 304 с.
4. Ривман, Д. В. Виктимологія / Д. В. Ривман, В. С. Устинов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 332 с.
5. Бадмаева, В. Д. Последствия сексуального насилия у детей и подростков / В. Д. Бадмаева // Психическое здоровье и безопасность в обществе : науч. материалы. – М., 2004. – С. 10.
6. Савкіна, Т. В. Звіт про науково-дослідну роботу методичні рекомендації з проведення судово-психологічної експертизи неповнолітніх / Т. В. Савкіна, А. С. Ячина, Л. М. Дереча. – Х. : Рукопис, 2011. – 50 с.
7. Кудрявцев, И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза / И. А. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1988. – 224 с.
8. Дереча, В. А. Поведенческий профиль при виктимной зависимости личности / В. А. Дереча, И. Р. Байков // Психическое здоровье и безопасность в обществе : науч. материалы. – М., 2004. – С. 45–46.
9. Крэйхи, Б. Социальная психология агрессии / Б. Крэйхи. – СПб. : Питер, 2003. – 336 с.

10. Христенко, В. Е. Психология поведения жертвы / В. Е. Христенко. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – С. 199.
11. Коченов, М. М. Судебно-психологическая экспертиза : теория и практика (избр. труды) / М. М. Коченов. – М. : Генезис, 2010. – 352 с.
12. Нагаев, В. В. Основы судебно-психологической экспертизы : учеб. пособ. для вузов / В. В. Нагаев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. – 333 с.
13. Землянська, О. В. Особистість як об'єкт судово-психологічної експертизи : моногр. / О. В. Землянська. – Харьков : Нац. ун-т внутр. справ, 2004. – 367 с.
14. Сафуанов, Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе : науч.-практ. руководство / Ф. С. Сафуанов. – М. : Гардарика, смысл, 1998. – 192 с.

Дата поступления: 30.03.2018

O. A. Herasymenko

Kharkiv Research Institute of Forensic Examinations named after Hon. Prof. M. S. Bocarius,
Postgraduate student at the Department of Sociology and Psychology of the Faculty № 6
of Kharkiv National University of Internal Affairs
Kharkov, Ukraine

**INVESTIGATION OF VICTIMHOOD OF MINORS IN THE CONDUCT OF FORENSIC
PSYCHOLOGICAL EXAMINATIONS IN THE CASES OF RAPE**

The features of the victim's victim behavior are considered. The concepts of «victimhood», «individual victimhood» and «sexual violence» are disclosed. The most vulnerable age to the formation of victimhood is distinguished. The reasons for the formation of victim behavior of adolescents, the main components of their victimhood, as well as the factors that determine the minor's victimhood are analyzed. The types of victim behavior and data on the risk factors of sexual violence are distinguished.

Keywords: victimhood, individual victimhood, victim of crime, adolescence, victim behavior, minor, sexual violence.

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.985.8

А. Н. Толочко

кандидат юридических наук, доцент
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: tolochko28061981@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С УГОЛОВНЫМ ПРАВОМ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

На основе анализа литературных данных исследовано значение для оперативно-розыскной деятельности некоторых уголовно-правовых институтов: института общей и частной превенции, института уголовной ответственности, института квалификации преступлений, института стадий совершения преступления, института соучастия в преступлении, института наказания и других. Затронуты вопросы обоснованного риска и уголовной политики государства. Сделан вывод об объективной связи оперативно-розыскной деятельности с уголовным правом.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовное право, уголовно-правовой институт, взаимосвязь.

Оценка современного состояния нашего общества свидетельствует о все более усложняющихся объектах научного исследования и процессах изучения объективного мира, предопределяющих интеграцию отдельных областей научного знания, необходимость и значимость комплексных исследований для решения глобальных задач в политической и экономической жизни стран. Не является исключением и теория оперативно-розыскной деятельности, содействующая решению практических задач в сфере противодействия преступности и по праву занимающая особое место в системе правоохранительных органов, так как человечество еще не выработало более адекватные и действенные меры борьбы с преступностью чем оперативно-розыскные. В частности, от использования научного потенциала теории оперативно-розыскной деятельности во многом зависят вопросы эффективности применения уголовного и уголовно-процессуального законов.

Важность комплексного подхода к решению крупных научных проблем в области юридических наук криминального цикла определяется еще и тем, что в результате проводимых для этого междисциплинарных исследований на стыке задействованных в них отраслей знания (теория оперативно-розыскной деятельности, криминалистика, уголовный процесс, уголовное право, криминология и др.) могут формироваться новые самостоятельные интегральные науки со своим предметом, понятийным аппаратом и методами, отдельные из которых в перспективе, возможно, позволят более эффективно в сравнении с существующими сегодня научными дисциплинами решать крупные комплексные проблемы борьбы с преступностью.

Однако попытки комплексного изучения объектов исследования юридических наук криминального цикла без уточнения специфики и конкретизации предметов научного анализа

не будут отличаться глубиной и системностью изложения полученных результатов. Только при определении предметной сферы каждой из наук криминального цикла становится возможным вести речь про системную целостность этих наук, как составную часть единой юридической науки.

Анализ проведенных научных исследований не позволяет считать эту и ряд иных сходных с ней актуальных проблем решенными, что предопределяет необходимость дополнительного выяснения взаимосвязи и соотношения теории оперативно-розыскной деятельности с другими юридическими науками криминального цикла. Настоящая статья посвящена анализу современного состояния исследований в области теории оперативно-розыскной деятельности, определяющих ее междисциплинарные связи с уголовным правом.

В соответствии с классификацией юридических наук, избранной Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь, теория оперативно-розыскной деятельности и уголовное право относятся к разным специальностям, которые являются смежными по отношению друг к другу.

Содержанием специальности, в которую входит теория оперативно-розыскной деятельности (12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность), являются объединенные на сходной исторической и методологической основе юридические дисциплины, образующие комплекс уголовно-процессуальных, криминалистических, судебно-экспертных и оперативно-розыскных знаний, обеспечивающих функционирование и развитие научных теорий, институтов, средств и методов противодействия преступности.

Содержанием специальности, в которую входит уголовное право (12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право), является научно-правовое исследование методологических, методических, теоретических и прикладных проблем борьбы с преступностью уголовно-правовыми средствами; уголовно-правовых отношений; сущности уголовной ответственности, ее целей и форм реализации; оснований и условий криминализации (декриминализации) деяний; дифференциации и индивидуализации ответственности; исполнения наказаний; механизма детерминации преступности; социальных, правовых и иных форм и методов предупреждения преступлений.

В отличие от специальности 12.00.08, исследования по специальности 12.00.12 связаны с изучением специфики деятельности правоохранительных органов в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений и не ставят своей целью разработку проблем квалификации преступлений. Проблемные вопросы предупреждения преступлений исследуются в специальности 12.00.12 лишь частично, с учетом специфики предупреждения преступлений исключительно криминалистическими, судебно-экспертными и оперативно-розыскными методами, приемами и средствами [1].

Несмотря на разграничения научных специальностей и отличия в предметах исследований, теория оперативно-розыскной деятельности объективно связана с уголовным правом.

По мнению отдельных исследователей, нет таких отраслей права, с которыми бы не взаимодействовали уголовно-правовые нормы [2, с. 25].

Значение уголовного права для теории и практики оперативно-розыскной деятельности сложно переоценить. Оперативно-розыскное законодательство, как, впрочем, и уголовно-процессуальное, производно от уголовного. Уголовно-правовые понятия, термины, нормы и институты лежат в основе многих положений и категорий оперативно-розыскного законодательства.

Уголовное право предусматривает совокупность юридических норм, определяющих преступность и наказуемость деяний, опасных для общества, и только нарушение этих норм может служить основанием проведения оперативно-розыскных мероприятий для изобличения лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, и др.

Прямым подтверждением этому является содержание ст. 16 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», которая в качестве основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий предусматривает: сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, а также о гражданине, его подготавливающем, совершающем или совершившем либо осведомленном о нем [3].

В каждом конкретном случае объем и направленность оперативно-розыскных мероприятий зависят и определяются соответствующими нормами уголовного права. Предписания уголовного закона четко определяют круг и направленность действий оперативного сотрудника как при осуществлении им первоначальных разведывательных оперативно-поисковых мероприятий, так и в процессе документирования по делам оперативного учета, устанавливают пределы и границы принимаемых мер. И это вполне закономерно, поскольку факты, подлежащие установлению, выбираются и документируются не по усмотрению оперативного сотрудника, а имеют исключительно материальную уголовно-правовую природу, ибо в иных случаях нарушение законодательства неизбежно [4, с. 33]. Следовательно, невозможно правильно решать вопросы, связанные с определением и проведением конкретных оперативно-розыскных мероприятий, не затрагивая области уголовно-правовых отношений.

При проведении оперативно-розыскных мероприятий сотрудники оперативных подразделений руководствуются уголовно-правовыми принципами законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, справедливости, гуманизма.

Впрочем, имеется и обратное воздействие. Задачи уголовного законодательства решаются в процессе проведения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий. Применение норм уголовного права при раскрытии и расследовании замаскированных, латентных преступлений невозможно без осуществления подготовительных оперативно-розыскных мероприятий. Поэтому оправдано утверждение о том, что без комплекса специальных оперативных мероприятий нормы уголовного права в отдельных случаях не будут реализованы.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о системных свойствах норм уголовного права и их взаимодействия с нормами оперативно-розыскного законодательства. Наибольшее значение для оперативно-розыскной деятельности имеют не отдельные нормы уголовного права, а так называемые правовые институты, которые образуются вследствие объединения уголовно-правовых норм между собой [5, с. 58]. Такие институты выполняют для оперативно-розыскной деятельности существенные ориентирующие, а в ряде случаев и моделирующие функции. Они не только обеспечивают в деятельности оперативного сотрудника необходимую правовую культуру, но и непосредственно используются для обогащения содержания всей оперативно-розыскной деятельности [6, с. 65].

В единый межотраслевой можно объединить институт целей и задач, достигаемых и решаемых путем применения норм уголовного права [7, с. 26, 31]: охрана мира и безопасности человечества, человека, его прав и свобод, собственности, прав юридических лиц, природной среды, общественных и государственных интересов, конституционного строя Республики Беларусь, а также установленного правопорядка от преступных посягательств (ст. 2 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь) [8].

Этот правовой институт является определяющим для всей оперативно-розыскной деятельности. Для достижения этих целей избирается наиболее целесообразная структура оперативных подразделений, эффективная организация их работы и тактика. Обеспечиваются мобильность оперативных сил, использование всех возможных источников информации, создаются банки оперативно-розыскной информации и достигается осведомленность о криминогенной и преступной среде. Для оперативно-розыскной деятельности в данном правовом институте особое значение имеет соблюдение принципа законности [7, с. 26].

Институт общей и частной превенции объединяет группу норм уголовного права, раскрывающих превентивное значение уголовного закона и правоприменительной деятельности. Само издание уголовного закона имеет общее превентивное значение, и данный фактор становится решающим в оперативно-розыскной профилактике [6, с. 71].

Институт уголовной ответственности, включающий правовое понятие преступления и положения об основаниях уголовной ответственности, также предопределяет направление и содержание оперативно-розыскной деятельности. В зависимости от обнаружения признаков преступления, или признаков, свидетельствующих только о возможности его совершения в будущем, оперативно-розыскная деятельность направлена либо на изобличение виновных, либо на реализацию своей предупредительно-профилактической функции [7, с. 27].

Институт освобождения от уголовной ответственности и наказания содержит ряд правовых положений, на основании которых оперативные сотрудники могут в значительной степени влиять на принятие решения об освобождении от уголовной ответственности лиц, оказывающих (готовых оказывать) содействие на конфиденциальной основе [5, с. 69].

Все, что связано с *институтом квалификации преступлений*, в оперативно-поисковой, оперативно-проверочной работе трансформируется в обнаружение признаков и характера преступной деятельности [6, с. 72–73].

В общем виде квалификация представляет собой логический процесс установления соответствия (тождества) конкретно рассматриваемого случая признакам состава преступления, указанного в норме особенной части УК. При возбуждении уголовного дела квалификация носит лишь предварительный характер, а на стадии постановления приговора она должна быть максимально точной [7, с. 28–29].

Оперативный сотрудник, сталкиваясь с противоправными действиями конкретных лиц (получая о них информацию), также обращается к квалификации. Даваемая им квалификация не является ни легальной, ни доктринальной (неофициальной, даваемой в научных работах, публикациях, выступлениях и др.). Она является оперативно-тактической; имеет служебное назначение и тактические последствия, поскольку в зависимости от характера преступления избирается тактика оперативной работы, моделируются необходимые доказательства при сборе информации и документировании. Оперативно-тактическая квалификация базируется на главном принципе уголовной ответственности: эта ответственность может наступить только при установлении всех признаков состава преступления того или иного вида [7, с. 28–29].

Имеется еще один аспект квалификации преступлений в оперативно-розыскной деятельности – прогностический. Прогностическая модель при оценке различных видов отклоняющегося, допреступного поведения позволяет оперативному сотруднику предвидеть, в какое преступление может перерасти, например, аморальное, подстрекательское поведение в сочетании с вредным влиянием ближайшего окружения [6, с. 72–73].

Институт стадий совершения преступления определяет характер реагирования на преступное поведение, которое развивается тайно и обнаруживается с помощью средств и методов оперативно-розыскной деятельности. В уголовном праве предусмотрено три стадии, через которые проходит в своем развитии умышленное преступление: приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление (ст. ст. 10, 11, 13, 14 УК Республики Беларусь). Вне правового регулирования существует и еще одна стадия – обнаружение (формирование) умысла. Для оперативно-розыскной деятельности существенны все четыре стадии, поскольку от того, на какой из них наступает оперативно-розыскное вмешательство, зависит направленность и содержание оперативно-розыскных действий и избираемой тактики. Так, обнаружение умысла (выражение преступного намерения совершить преступление) требует оперативно-профилактического вмешательства [7, с. 29–30].

Этот правовой институт имеет важное значение в решении задачи не допустить завершенности преступления и, следовательно, ущерба определенным группам общественных отношений. Зная, например, признаки покушения, оперативные сотрудники стремятся реализовать оперативную информацию именно при покушении, если оно не грозит жизни, здоровью граждан, уничтожением имущества. Особенно такая тактика характерна при за-

держании соучастников взяточничества, карманных воров, мошенников. Применение этого института уголовного права ориентирует на ведение комбинационной оперативной работы для создания всех возможных препятствий на пути к достижению преступниками конечных целей преступлений [7, с. 29–30].

Тесно примыкает к изложенному еще недостаточно изученный, сложный и требующий высокого оперативно-розыскного искусства тактический прием так называемого отклонения действий преступника, попавшего в поле зрения оперативного сотрудника. Суть его в том, что в результате оперативной комбинации преступник покушается на преступление, используя заведомо негодные орудия и средства, либо его усилия направлены на отсутствующий или малоценный объект [5, с. 66–68].

Особое значение для борьбы с организованной преступностью имеет *институт соучастия в преступлении* [7, с. 30–31], который посредством своих норм позволяет оперативным сотрудникам наиболее правильно с юридической точки зрения оценивать степень участия в преступлении различных лиц и на основании этого моделировать оптимальные схемы по их изобличению и обезвреживанию.

Так, главным фигурантом, проходящим по делу оперативного учета, становится организатор (руководитель), организовавший совершение преступления или руководивший его совершением. Также, в соответствии со ст. 16 УК Республики Беларусь, организатором признается лицо, создавшее организованную группу или преступную организацию, либо руководившее ими.

Среди исполнителей оперативные сотрудники для скорейшего достижения своих целей выделяют «слабые звенья».

Пособники представляют оперативный интерес с точки зрения осведомленности о деталях преступлений, местах хранения орудий преступлений, предметов, добытых в результате их совершения.

Институт наказания предопределяет организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях. В случаях отбывания лицами наказания, не связанного с лишением свободы, необходимо оперативно-розыскным путем изучать среду, в которой находятся эти лица, наблюдать за ними, особенно если они не разрывают связей с криминогенными контингентами, привлекать их к сотрудничеству на конфиденциальной основе, если они могут принести пользу в борьбе с преступностью [7, с. 31].

Связь уголовного права с оперативно-розыскной деятельностью проявляется не только в оказываемом воздействии на нее со стороны уголовно-правовых институтов.

Для достижения целей и задач уголовного законодательства оперативно-розыскными средствами и методами большое значение имеет понятие *обоснованного риска*, который, впрочем, также иногда называют правовым институтом [5, с. 59].

Не является преступлением деяние (действие или бездействие), причинившее вред правоохраняемым интересам, если это деяние было совершено в условиях обоснованного риска для достижения общественно полезной цели (ч. 1 ст. 39 УК Республики Беларусь) [8].

Риск признается обоснованным, если совершенное деяние соответствует современным научно-техническим знаниям и опыту, а поставленная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями и лицо, допустившее риск, обоснованно рассчитывало, что предприняло все возможные меры для предотвращения вреда правоохраняемым интересам (ч. 2 ст. 39 УК Республики Беларусь) [8].

В теории оперативно-розыскной деятельности была разработана концепция оперативного риска, во многом близкая к соответствующей уголовно-правовой категории.

Д. В. Гребельский писал, что риск в оперативно-розыскной деятельности состоит в необходимости осуществления оперативно-розыскных мероприятий по предотвращению или раскрытию опасных преступлений, когда реально имеется возможность наступления неблагоприятных последствий как для самого оперативного сотрудника, так и для других лиц [5, с. 60].

В наиболее развернутом виде концепцию оперативного риска разработал В. Г. Самойлов. Он риск связывал, в частности, с тем, что оперативно-розыскная деятельность сопряжена с возможностью расшифровки ее средств и методов и тем самым наступления негативных последствий. Ученый выделил следующие наиболее важные объекты, подвергающиеся риску при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий: интересы общества; собственность; личность, имущество и интересы проверяемого; личность, имущество и интересы граждан; личность и интересы негласных сотрудников; личность и интересы оперативного сотрудника; престиж оперативного подразделения [6, с. 67].

Можно привести некоторые примеры риска в оперативно-розыскной деятельности в соответствии с приведенной классификацией.

Интересы общества подвергаются опасности во всех случаях, когда осуществление оперативно-розыскных мероприятий грозит нарушением законности.

Собственность может стать объектом оперативного риска, когда намечаются оперативно-розыскные мероприятия, связанные с поимкой преступников с поличным в момент кражи, хищения.

В ходе проведения оперативной комбинации, направленной на побуждение *фигуранта* к активным действиям, которыми он способствует своему разоблачению, при недостаточной продуманности комбинации есть опасность побудить его к противоправным действиям, облегчить совершение преступления, укрепить уверенность в благоприятном его исходе.

Личность, имущество и интересы граждан (не являющихся проверяемыми) могут быть объектом оперативного риска при негласном получении от них сведений и последующем их использовании для принятия к виновным мер, а также задержании преступников в жилых или служебных помещениях указанных лиц.

При формулировании задания *конфиденту* на завоевание доверия проверяемых имеется опасность толкнуть конфидента на участие в их преступной деятельности и тем самым поставить его под угрозу привлечения к уголовной ответственности.

Оперативный сотрудник рискует, привлекая к конфиденциальному сотрудничеству лицо, от которого можно ожидать двурушничества или совершения преступления.

В теории оперативно-розыскной деятельности риск принято считать обоснованным, если оперативная цель не может быть достигнута иными средствами, не связанными с риском. Рискованные действия не должны нарушать предписаний нормативных правовых актов [5, с. 64].

Ученые, исследовавшие различные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности, пришли к обоснованному выводу о том, что оперативно-розыскная работа как государственно-правовая функция является составной частью (элементом) уголовной политики государства [9, с. 17–20].

Уголовная политика является важнейшим направлением политики государства в обеспечении контроля над преступностью. Ее можно назвать краеугольным камнем деятельности государства в рассматриваемом аспекте, так как именно уголовная политика играет значительную роль в определении и обеспечении стратегии и тактики деятельности правоохранительных органов [10, с. 77–78].

При решении социальных проблем, к числу которых относится преступность, чрезвычайно важно обеспечить комплексный правовой подход, основанный на взаимодействии, а не на дифференциации различных отраслей права. И чем больше юридических наук будет при этом задействовано, тем на большую эффективность правовых мер можно рассчитывать.

Поэтому уголовная политика должна основываться на интегральном методе и синтезе научных знаний, которые имеют антикриминальную направленность. В литературе встречается мнение о том, что новые криминологические реалии требуют новых законодательных решений; нужны комплексные специальные законы, которые затем будут развиваться и дополняться, образуя возможно новые, нетрадиционные отрасли законодательства [11, с. 138].

Современная уголовная политика имеет комплексный характер и включает в себя криминологическую, уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и оперативно-розыскную политику. Именно к такому выводу приводит анализ опубликованных по данному вопросу работ [11, с. 132].

Уголовно-правовая политика представляет собой ту часть уголовной политики государства, которая вырабатывает основные задачи, принципы и цели уголовно-правового воздействия на преступность, а также средства их решения, обеспечения и достижения, и выражается в нормах уголовного права, актах толкования норм и практике их применения [12, с. 47–48]. Уголовное право (равно как и любое иное) воздействует не на преступность, а на правосознание людей, поэтому необходимо постоянно иметь в виду непосредственных исполнителей соответствующих норм и правоприменительных актов, с тем, чтобы обеспечить их действенность. Следовательно, здесь логически просматривается взаимосвязь и взаимодействие с уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью, что представляет интерес для теоретико-правового исследования [11, с. 133].

Нами рассмотрены лишь отдельные аспекты теории и практики оперативно-розыскной деятельности по решению задач уголовной политики. Мы преследовали цель обозначить указанную проблему, решение которой требует самостоятельного исследования специалистами различных областей юридической науки.

Не претендуя на абсолютную новизну полученных выводов, автор хотел бы надеяться, что изложенное будет способствовать развитию, конкретизации и в некотором смысле упорядочиванию уже существующих знаний в этой области, полученных в результате кропотливой работы предшественников.

В заключение сформулируем некоторые выводы:

1. Оперативно-розыскная деятельность объективно связана с уголовным правом.

2. Наибольшее значение для оперативно-розыскной деятельности имеют не отдельные нормы уголовного права, а так называемые правовые институты, которые образуются вследствие объединения уголовно-правовых норм между собой: институт целей и задач, достигаемых и решаемых путем применения норм уголовного права, институт общей и частной превенции, институт уголовной ответственности, институт освобождения от уголовной ответственности и наказания, институт квалификации преступлений, институт стадий совершения преступления, институт соучастия в преступлении, институт наказания и другие.

3. Для достижения целей и задач уголовного законодательства оперативно-розыскными средствами и методами большое значение имеет понятие обоснованного риска. В теории оперативно-розыскной деятельности была разработана концепция оперативного риска, во многом близкая к соответствующей уголовно-правовой категории.

4. В настоящее время актуальной становится задача интеграции усилий различных юридических наук и видов практической деятельности при решении глобальных проблем человечества, включая проблему преступности. В этой связи оперативно-розыскная деятельность как государственно-правовая функция является составной частью (элементом) уголовной политики государства, которая, в свою очередь, играет значительную роль в определении и обеспечении стратегии и тактики деятельности правоохранительных органов.

Список использованных источников

1. Краткие паспорта специальностей // Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа : <http://www.vak.org.by/index.php?go=Box&in=cat&id=14>. – Дата доступа : 22.02.2017.

2. Наумов, А. В. Применение уголовно-правовых норм (По материалам следственной и прокурорско-судебной практики) : учеб. пособие / А. В. Наумов. – Волгоград : Высш. следств. шк. МВД СССР, 1973. – 175 с.

3. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Академия МВД, 2015. – 59 с.
4. Возный, А. Ф. Уголовно-правовые и этические проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / А. Ф. Возный. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1980. – 196 с.
5. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова, А. Ю. Шумилова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 848 с.
6. Теория оперативно-розыскной деятельности : учеб. / Ю. С. Блинов [и др.]; под. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. – М. : ИН-ФРА-М, 2009. – 831 с.
7. Овчинский, С. С. Значение уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов для оперативно-розыскной деятельности в борьбе с организованной преступностью / С. С. Овчинский // Следователь. – 1999. – № 9. – С. 26–31.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 238 с.
9. Алексеев, А. И. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : моногр. / А. И. Алексеев, Г. К. Сенилов. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1973. – 200 с.
10. Панченко, П. Н. Советская уголовная политика. Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью : ее становление и предмет : моногр. / П. Н. Панченко. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1988. – 198 с.
11. Шматов, М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук / М. А. Шматов. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 228 с.
12. Коробеев, А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации : моногр. / А. И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во ДГУ, 1987. – 268 с.

Дата поступления: 05.01.2018

A. N. Tolochko

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

**SOME ASPECTS OF INTERACTION BETWEEN DETECTIVE ACTIVITY WITH CRIMINAL LAW:
THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS**

The significance for the detective activity of some criminal legal institutions was investigated based on the analysis of the literature data: the institute of general and private prevention, the institution of criminal responsibility, the institution of crime qualification, the institute of crime stages, the institution of complicity in crime, the penal institution and others. Through the prism of the interrelationship of the scientific disciplines under consideration, issues of reasonable risk and the criminal policy of the state are touched upon. A conclusion is made about the objective connection of the detective activity with criminal law.

Keywords: detective activity, criminal law, criminal-legal institution, relationship.

УДК 343.985

А. П. Пацкевич

кандидат юридических наук, доцент
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: Pacvkevich_Alex@tut.by

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБЫСКА

Исследование института обыска как следственного действия обуславливает необходимость изучения исторических предпосылок его зарождения и развития в уголовном судопроизводстве нашей страны. Связано это с тем, что нормы современного уголовного процесса, регулирующие особенности реализации института обыска, имеют неразрывную связь с процессом развития нашего государства, особенностями его политического устройства и во многом обусловлены историческим фактором.

Ключевые слова: следственное действие, обыск, исторические памятники права, уголовный процесс, криминалистика.

В системе мероприятий, направленных на противодействие преступности, большое значение имеют меры уголовно-процессуального и криминалистического характера – быстрое и квалифицированное расследование совершенных преступлений и привлечение виновных к уголовной ответственности. Немаловажная роль в процессе расследования уголовных дел принадлежит такому следственному действию, как обыск.

Анализ исторических источников уголовно-процессуального права показывает, что обыск как следственное действие эволюционировало в направлении увеличения его видов и детализации процессуальной формы. В основе такого развития лежали зародившиеся и апробированные следственной практикой новые приемы познания действительности, научно-технический прогресс, достижения криминалистической тактики, потребность более тщательного обеспечения конституционных и иных законных прав участников процесса.

Построению современной системы следственных действий предшествовал длительный исторический период. Свое начало институт обыска берет с зарождения нашего государства, появления первых законодательных актов, регламентировавших еще нечетко сформировавшиеся виды обыска и других следственных действий, направленные на собирание доказательств. Обыск как следственное действие на заре своего зарождения и становления (XV–XVIII вв.) еще не был нормативно систематизирован, не были детально прописаны основания, порядок его производства и фиксации результатов.

К сожалению, история возникновения обыска, криминалистические и процессуальные проблемы тактики этого следственного действия в настоящее время еще недостаточно полно исследованы и освещены в белорусской криминалистической литературе. Отдельные публикации, посвященные этой теме, имеются в ряде российских научных журналов [1, с. 30–34; 2, с. 33–36; 3, с. 32–37].

Многие авторы рассматривают историю возникновения и развития обыска, прежде всего, как часть розыскного процесса, исследуя, в частности, такие известнейшие исторические памятники права, как Псковская судная грамота, Судебники 1497 г. и 1550 г., Соборное уложение 1649 г., Воинский устав Петра Великого и др. законодательство [4, с. 14–16; 5, с. 17; 6, с. 20; 7, с. 212; 8, с. 46].

Понятие «обыск» имеет свою предысторию. Так, «в западноевропейском праве понятие обыска (*quaerere*) со времен древнеримских Законов XII таблиц определялось как действия, направленные на поиск вещей, на что указывает сама конструкция данного термина (*aeretur* – то, что во владении)» [4, с. 15].

В истории отечественного уголовного законодательства такая определенность отсутствует. Представления об обыске как осмотре чего-либо или кого-либо с целью обнаружения материальных следов, улик преступления или самих подозреваемых лиц долгое время не были закреплены в законах славянских народов. Впервые, согласно древним памятникам права, упоминание об обыске как подобию следственного действия (термин «обыскати») встречается в Псковской судной грамоте (1467 г.). В статье 60 этого документа указано, что «а татю веры не нять, а на кого восклепнет, ино дом его обыскать и знайдуть в дому его что полишное, и он тот же тать, а не знайдуть в дому его и он свободен» [9, с. 57].

Об обыске говорится и в Судебнике 1497 г. – памятнике русского феодального права XV в., созданном в эпоху правления Ивана III. Статья 14 гласит: «а на кого тать возмолвит, ино того опытати: будет прирочной человек з доводом, ино его пытати в татьбе. А не будет на него прирока з доводом в какове деле в прежнем ино татыным речем не верити, дати его на поруку до обыску» [7, с. 212]. Правда, в этом документе обыск, по мнению ряда ученых, означал допрос «добрых» людей с целью определения репутации подсудимого [6, с. 18; 8, с. 21].

Примерно в этот же период времени и отечественное законодательство рассматривает обыск как действия должностных лиц по отысканию следов и предметов. А. М. Хлус в своей статье «Значение Статутов Великого Княжества Литовского в становлении криминалистических знаний и разработке методов расследования и розыска» указывает, что в «Статуте 1566 г. имеются нормы, в которых содержится более подробное описание действий должностных лиц. Так, ст. 5 разд. XIV «якъ маеть въ дому чіемъ лицо (вещественное доказательство, следы преступления) зостати» предусматривает порядок производства обыска. Данный порядок, в случае проявления кем-либо желания найти свои ворованные вещи в чужом доме, предусматривает следующую последовательность действий. Во-первых, в государственном учреждении сообщается о том, что похищено («згинуло») у заинтересованного лица. Во-вторых, приглашается возный для участия в обыске и определяется предмет поиска («чого передъ вознымъ въ дому его искати маеть»). В-третьих, поиск украденных вещей производит потерпевший в присутствии возного, вижа, а также («людей постороннихъ въры годныхъ») (в современном представлении – понятые) [10, с. 486–487].

К XIX в. в российском законодательстве сформировалось понятие обыска как процессуального действия, как одного из средств доказывания. Именно в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС) впервые был применен более системный подход к формированию института обыска как упорядоченного, внутренне согласованного и взаимообусловленного комплекса процессуальных действий, направленных на собираніе доказательств (ст. ст. 267, 359, 371 УУС). Уже в ст. 43 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. впервые появилась норма об обязательном присутствии понятых при обыске. В этот период обыск из всеобъемлющего способа сбора доказательств по делу превратился в конкретное следственное действие [7, с. 212].

Основоположник криминалистики австрийский ученый Ганс Гросс в своей работе «Руководство для судебных следователей» определял обыск как действие, предпринимаемое с целью обнаружения предметов, могущих служить средством к выяснению события преступления или виновника его, а также подлежащих конфискации, отмечая при этом, что предметом обыска может служить личность предполагаемого, скрывающегося от правосудия виновника преступления [11, с. 169–170].

Наиболее полно история судопроизводства второй половины XIX в. освещалась в тот период времени в работах: Я. И. Баршева «Основания уголовного судопроизводства». СПб., 1841 (на с. 83 рассматривается «повальный обыск», а на с. 95 «выемки и обыски в домах»); В. Д. Спасовича «О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судопроизводством и судопроизводством». СПб., 1860; И. Я. Фойницкого «Курс уголовного судопроизводства». Т. 2. СПб.: Сенатская типогр., 1910; В. К. Случевского «Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство – судопроизводство». 4-е изд., доп. и испр. СПб.; Типогр. М. М. Стасюлевича, 1913 (в § 99 указанной работы: обыски и выемки рассматриваются вместе с собиранием и хранением вещественных доказательств); Н. Н. Розина «Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям». 2-е изд., изм. и доп. СПб.; Изд. юрид. кн. склада, 1914.

После Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России, а впоследствии и на территории Белоруссии, было изменено уголовно-процессуальное законодательство. Так, в соответствии с постановлением НКЮ от 16 декабря 1917 г. «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений» обыски, выемки и всякие иные следственные действия производились учреждениями, «которые в силу своих полномочий выдавали ордера на производство обыска» [6, с. 23]. В марте 1918 г. после образования Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, по всем должностным преступлениям право производства обысков возлагалось на местные ЧК. В том же месяце в ВЧК создали Инструкцию, которая включала в себя производство обысков и арестов. В Инструкции предписывалось относиться «бережно к людям арестуемым и обыскиваемым, так как человек, лишенный свободы, не может защищаться, что он в нашей власти» [12, с. 46]. В 1922 г. после упразднения ВЧК и территориальных ЧК и создания органов Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (ОГПУ), право производства обысков было передано сотрудникам этой организации [13, с. 21]. Сотрудники ОГПУ производили обыска по специальному постановлению и особым ордерам, порядок выдачи которых определялся инструкцией, утвержденной Народным комиссариатом юстиции [5, с. 22].

Впервые детальная регламентация производства обыска была определена в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. Постановлением II сессии ЦИК БССР IV созыва от 30 марта 1923 г. на всю территорию Белоруссии с 15 апреля 1923 г. распространялось действие УПК РСФСР, утвержденного Президиумом ВЦИК 15 февраля 1923 г. [14]. Обыску в УПК РСФСР 1923 г. посвятили главу XIV. Постановление о производстве обыска принималось непосредственно следователем, который проводил данную деятельность единолично. Для получения документов, которые содержали государственную, дипломатическую или военную тайну, соответствующие учреждения по соглашению с прокурором, в процессе обыска, имели возможность устанавливать особые гарантии для неразглашения этих документов.

Согласно УПК РСФСР 1923 г. также требовалось «специальное постановление, туда же входил ордер на производство обыска и присутствие при производстве обыска понятых» [15]. Следует отметить, что в этом нормативном правовом акте обыск рассматривался как самостоятельное следственное действие, которое предусматривает свои цели, основания и детальный порядок производства этой деятельности.

Рассматривая советский период, следует отметить, что первым, кто уделит внимание проблемам обыска в советской криминалистической литературе, был профессор И. Н. Якимов. В 1924 г., в своей книге «Практическое руководство к расследованию преступлений»,

изданной в Москве, целую главу он посвятил описанию методов и приемов различных видов обысков: причем детализируя действия обыскивающих помещение по следующим направлениям – когда искать, как искать, у кого искать, что и где искать. Им же в этой работе рассматривались методы производства личного обыска: обыск тела, обыск одежды и обуви [16, с. 67–77].

При НКВД СССР и соответственно в союзных республиках, в том числе и в БССР, с 1934 г. стали функционировать Особые совещания, полномочия которых действовали вне процессуального порядка, и они не были связаны строгими рамками закона. В данный период обыска проводились без ордеров, постановлений и без понятых [6, с. 21].

Среди значимых исследований по проблемам тактики обыска важное место занимают работы: В. М. Никифорова, изданного в 1943 г. в Ашхабаде издательством Военно-юридической Академии РККА в серии «Библиотека военного юриста» [17], кандидатская диссертация Е. М. Лившица «Тактика и техника производства обыска на предварительном следствии» (М., 1954) [18], В. И. Попова «Обыск», издательство Казахского государственного университета им. С. М. Кирова (Алма-Ата, 1959) [19], монография А. Р. Ратинова «Обыск и выемка» (М., 1961), в которой раскрывались не только тактические особенности обыска, но и психология этого следственного действия [20].

В 1958 г. с принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик для производства обыска следователю предписывалось получать санкцию прокурора. В случаях, не терпящих отлагательства, уполномоченный мог провести обыск без потребности санкции прокурора, но в дальнейших действиях он должен его уведомить в течение 24 часов о произведенном следственном действии (ч. 2 ст. 35 Основ). Законодательное требование о санкционировании обыска было большим шагом в укреплении законности.

В 1961 г. был принят УПК БССР, где прописывались основания и порядок производства обыска. С этого момента обыск производится только по постановлению следователя и с санкции прокурора, в присутствии понятых и самого лица, у которого непосредственно производится обыск.

Основываясь на изменениях уголовно-процессуального законодательства, касающегося этого следственного действия, А. И. Михайлов и Г. С. Юрин подготовили учебное пособие «Обыск», изданное Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (М., 1971), в серии «Библиотека следователя» [21]. Спустя десять лет профессор А. А. Леви совместно с А. И. Михайловым подготовили переработанное пособие «Обыск. Справочник следователя» (М., 1983) [22].

В 1983 г. по теме обыска была опубликована работа преподавателей Волгоградской высшей следственной школы МВД СССР А. А. Закатова и А. Е. Ямпольского. В этом учебном пособии комплексно освещались процессуальные, криминалистические и судебно-психологические особенности обыска при расследовании преступлений, подследственных МВД СССР [23]. Отдельные психологические аспекты производства обыска рассмотрели в своем практикуме М. И. Еникеев и Э. А. Черных «Психология обыска и выемки: Практикум по юридической психологии» (М., 1986) [24]. В 1989 г. Академия МВД СССР издала отдельным изданием лекцию С. М. Астапкиной, посвященную тактике обыска и выемки [25].

Этому следственному действию в последующем посвятили свои работы А. Н. Иванов «Производство обыска: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты» (Саратов, 1999) [8], М. Е. Игнатъев «Фактор внезапности, его процессуальное и криминалистическое значение для расследования преступлений» (М., 2004) [26].

Несомненный интерес вызывает работа О. А. Луценко «Обыск и выемка. Процессуальный порядок, тактика и доказательственное значение» (Ростов н/Д, 2005). В ней рассмотрены основные теоретические вопросы, имеющие отношение к обыску, его тактика излагается вместе с рассмотрением психологических основ его проведения, особенностей фиксации хода и результатов, а также способов и мест сокрытия [27].

В разное время теме обыска посвятили свои кандидатские диссертации: В. А. Оровер «Технические средства, применяемые при производстве обысков (экспериментально-криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование)» (Ленинградский государственный университет, Ленинград, 1972) [28], С. Д. Долгинов «Использование обыска в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений» (Высшая юридическая школа МВД РСФСР, М., 1991) [29], Н. И. Ахмедов «Тактика проведения одновременного обыска по делам о корыстных преступлениях, совершенных группой лиц: по материалам практики следственных подразделений правоохранительных органов Республики Таджикистан» (Московский государственный университет, М., 1995) [30], С. Н. Черкашин «Обеспечение прав и законных интересов личности при производстве обыска и выемки» (Московский университет МВД России, М. 1999) [31], С. Б. Россинский «Производство обыска в форме специальной операции» (Московский университет МВД России, М., 2002) [32], Р. Ш. Валиев «Личный обыск в системе способов и средств обеспечения процесса доказывания по уголовным делам» (Саратовская государственная академия права, Саратов, 2003) [33], О. С. Лейнова «Тактико-психологическое содержание подготовки и производства обыска в помещениях» (Санкт-Петербургский университет МВД РФ, СПб., 2005) [6], А. Т. Валеев «Тактика обыска и выемки при производстве расследования преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы : научные и организационно-правовые основы» (Академия управления МВД РФ, М., 2006) [34], А. В. Варданян «Тактико-психологические основы производства обыска» (Волгоградская Академия МВД России, Волгоград, 2008) [35], А. А. Бакиров «Уголовно-процессуальные аспекты производства обыска и выемки» (Институт права Башкирского государственного университета, Уфа, 2009) [3], И. Л. Бедняков «Обыск: проблемы эффективности и доказательственного значения» (Самарский государственный университет, Самара, 2009) [36].

Все вышеизложенное позволяет сделать заключение о том, что на протяжении всех исторических периодов развития уголовно-процессуального права происходило становление обыска как следственного действия. В результате отдельные, неупорядоченные нормы, регламентирующие собирание доказательств, сформировались в самостоятельный правовой институт, что свидетельствует о последовательном развитии данного института как одного из основных средств собирания доказательств по уголовному делу.

Итак, рассмотрение истории становления и возникновения института обыска связано, прежде всего, с определенной периодизацией (этапностью), отражающей коренные вехи развития нашего государства и его уголовно-процессуального права.

– Первый этап – зарождение обыска – связан с упоминанием обыска в первых исторических памятниках права (Псковская судная грамота, Судебники 1497 и 1550 гг., Статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг., Соборного Уложения 1649 г.). Хронологически этап начинался с 1497 г. и длился по 1801 г. Именно в указанных документах впервые упоминаются термины «обыск», «повальный обыск». В связи с отсутствием в государстве следственных органов, бремя доказывания возлагалось на стороны процесса, которые, чтобы выиграть процесс, должны были предоставить суду как можно больше доказательств своей правоты;

– Вторым этапом – дореформенным (до судебной реформы 1864 г.) – следует считать период с 1801 г. по 1860 г., с принятием Свода законов 1832 г., где впервые законодательно закреплён обыск как средство доказывания в судопроизводстве. Этот период характеризуется преобладанием административно-правового регулирования деятельности органов власти и должностных лиц по выявлению поличного, а также различных следов преступления, захвату скрывшихся от органов власти лиц, а также разделением обыска и выемки по способам проведения;

– Третьим этапом – послереформенным – можно считать период с 1860 г. по 1880 г. В это время уголовно-процессуальная деятельность регламентировалась разными нормативными актами, которые имели свои особенности. Период становления и развития со-

временного состязательного процесса, начало которому было положено принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г., базирующийся на основных положениях о приоритете прав граждан, неприкосновенности жилища и собственности, уважении тайны личной жизни и коммерческой тайны и др., их законодательном, а в последующем международно-правовом и конституционно-правовом закреплении, разделении функций органов дознания, предварительного следствия и суда;

– Четвертый этап, с 1880 г. по 1917 г., это период начала научного исследования процессуальных и криминалистических особенностей обыска в научных трудах И. Я. Фойницкого, В. Д. Спасовича, Я. И. Баршева, В. К. Случевского, Н. Н. Розина, Г. Гросса. В этих работах впервые рассматриваются уголовно-процессуальные особенности производства этого следственного действия, а также отдельные тактические приемы различных видов обыска (в помещении, личный обыск);

– Пятый этап – советский (с 1917 по 1953 гг.). Этот период характеризуется первым законодательным закреплением обыска как следственного действия (Уголовно-процессуальные кодексы 1922 и 1923 гг.). Отсутствием в отдельные годы (сталинские репрессии 1933–1953 гг.) процессуального порядка производства обыска (документы Особых совещаний НКВД и НКГБ, нарушающие конституционные гарантии граждан);

– Шестой этап начался в 1954 г. и длился по 1965 г. Характеризуется этот этап тем, что с принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1959 г. законодательно закреплены особенности производства обыска в жилище. Для производства данного следственного действия требуется санкция прокурора;

– Седьмой этап начался в 1970 г. и длился до 1990 г. Период массового издания учебной и методической литературы по проведению различных видов обысков;

– Восьмой этап – современный – начался с 1990 г. и по настоящее время. Этот период связан с изменением политической и экономической ситуации в Республике Беларусь, изменением уголовно-процессуального законодательства, а также с развитием и привлечением в следственную деятельность новых информационных технологий.

Комплексный анализ института обыска в уголовно-процессуальном праве дореволюционного, советского и современного периодов позволяет, на наш взгляд, определить основные тенденции и перспективы развития этого следственного действия и сформулировать научно-практические положения относительно его совершенствования.

Мы считаем, что исследование прошлого может и должно служить средством познания настоящего, предвидения будущего и осмысления на этой основе развития любой науки как отражения целенаправленного исторического процесса.

Список использованных источников

1. Мисюта, И. А. О развитии института обыска и выемки в розыском уголовном процессе [Электронный ресурс] / И. А. Мисюта // История государства и права. – 2015. – № 20. – С. 30–34 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.
2. Руденко, А. Н. История развития института обыска / А. Н. Руденко // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 9 (11). – С. 33–36.
3. Бакиров, А. А. Порядок производства обыска по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года / А. А. Бакиров // Актуальные вопросы государства и гражданского общества на современном этапе : Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию вхождения Башкирии в состав России (10–11 апр. 2007 г.) / отв. ред. З. Д. Еникеев. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2007. – С. 32–37.
4. Бакиров, А. А. Уголовно-процессуальные аспекты производства обыска и выемки : моногр. / А. А. Бакиров; под науч. ред. З. Д. Еникеева. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 191 с.
5. Бакиров, А. А. Уголовно-процессуальные аспекты производства обыска и выемки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. А. Бакиров; Ин-т права Башкир. гос. ун-та. – Уфа, 2009. – 25 с.

6. Лейнова, О. С. Тактико-психологическое содержание подготовки и производства обыска в помещениях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.-Петерб. ун-т МВД РФ. – СПб., 2005. – 186 л.
7. Осипов, А. В. Исторические аспекты производства обыска : от Русской Правды до Соборного уложения 1649 г. / А. В. Осипов // Правовая система общества : преемственность и модернизация : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Барнаул, 4 – 5 окт. 2012 г. – Барнаул : Изд. АГУ, 2013. – С. 212.
8. Иванов, А. Н. Обыск как средство поиска и предварительного исследования материальных источников криминалистической информации : дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Иванов. – Саратов, 1999. – 196 л.
9. Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 2. – М. : Юрид. лит., 1985. – С. 57.
10. Хлус, А. М. Значение Статутов Великого Княжества Литовского в становлении криминалистических знаний и разработке методов расследования и розыска / А. М. Хлус // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зб. навук. прац, прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння праф. І. А. Юхо. – Мінск : БГУ, 2012. – С. 486–487.
11. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – Нов. изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М. : ЛексЭст, 2002. – С. 169–170.
12. Титов, Ю. П. Создание ВЧК, ее правовое положение и деятельность / Ю. П. Титов. – М. : ВЮЗИ. – 1981. – 61 с.
13. Ратьковский, И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году / И. С. Ратьковский. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 286 с.
14. О распространении действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР второго издания на территорию Белоруссии : постановление II сессии Центрального Исполнительного Комитета С.С.Р. Белоруссии IV созыва, 30 марта 1923 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства ССР Белоруссии. – 1923. – № 4. – Ст. 41.
15. Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР // Собр. узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – июнь 1922 года. – № 20-21. – Ст. 230.
16. Якимов, И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений / И. Н. Якимов // Одобр. Отд. Уголовного Розыска Центр. Административного Упр. НАРКОМВНУДЕЛ. – М. : Изд. `ЗАГОТХОЗА` Милиции Республики, 1924. – 218 с.
17. Никифоров, В. М. Обыск / В. М. Никифоров. – Ашхабад : Воен.-юрид. акад. РККА, 1943. – 76 с. (Б-ка воен. юриста).
18. Лившиц, Е. М. Тактика и техника производства обыска на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. М. Лившиц; МГУ. – М., 1954. – 28 с.
19. Попов, В. И. Обыск / В. И. Попов; Казах. гос. ун-т им. С. М. Кирова, Юрид. фак. – Алма-Ата, 1959. – 68 с.
20. Ратинов, А. Р. Обыск и выемка / А. Р. Ратинов; под ред. и с предисл. А. И. Винберга; Прокуратура СССР. Всесоюз. науч.-исследоват. ин-т криминалистики. – М. : Госюриздат, 1961. – 220 с.
21. Михайлов, А. И. Обыск / А. И. Михайлов, Г. С. Юрин; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1971. – 91 с. (Б-ка следователя).
22. Леви, А. А. Обыск. Справочник следователя / А. А. Леви, А. И. Михайлов. – М. : Юрид. лит., 1983. – 95 с.
23. Закатов, А. А. Обыск : учеб. пособие / А. А. Закатов, А. Е. Ямпольский. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1983. – 44 с.
24. Еникеев, М. И. Психология обыска и выемки. Практикум по юридической психологии : учеб. пособие / М. И. Еникеев, Э. А. Черных. – М. : ВЮЗИ, 1986. – 80 с.
25. Астапкина, С. М. Тактика обыска и выемки : Лекция / С. М. Астапкина; Акад. МВД СССР. – М., 1989. – 22 с.
26. Игнатъев, М. Е. Фактор внезапности, его процессуальное и криминалистическое значение для расследования преступлений : моногр. / М. Е. Игнатъев. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 144 с.
27. Луценко, О. А. Обыск и выемка. Процессуальный порядок, тактика и доказательственное значение / О. А. Луценко. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 63 с.
28. Оровер, В. А. Технические средства, применяемые при производстве обысков (экспериментально-криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. А. Оровер; ЛГУ. – Ленинград, 1972. – 18 с.

29. Долгинов, С. Д. Использование обыска в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. Д. Долгинов; Высш. юрид. заоч. шк. МВД РСФСР. – М., 1991. – 22 с.
30. Ахмедов, Н. И. Тактика проведения одновременного обыска по делам о корыстных преступлениях, совершенных группой лиц : по материалам практики следственных подразделений правоохранительных органов Республики Таджикистан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. И. Ахмедов. – М. : МГУ, 1995. – 229 л.
31. Черкашин, С. Н. Обеспечение прав и законных интересов личности при производстве обыска и выемки : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. Н. Черкашин; Моск. ун-т МВД России. – М., 1999. – 157 л.
32. Россинский, С. Б. Производство обыска в форме специальной операции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. Б. Россинский; Моск. ун-т МВД России. – М., 2002. – 244 л.
33. Валиев, Р. Ш. Личный обыск в системе способов и средств обеспечения процесса доказывания по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р. Ш. Валиев; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2003. – 204 л.
34. Валеев, А. Т. Тактика обыска и выемки при производстве расследования преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы : научные и организационно-правовые основы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Т. Валеев; Акад. упр. М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – М., 2006. – 27 с.
35. Варданян, А. В. Тактико-психологические основы производства обыска : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Варданян : Волгогр. акад. МВД России. – Волгоград, 2008. – 224 л.
36. Бедняков, Л. И. Обыск : проблемы эффективности и доказательственного значения / Л. И. Бедняков. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 176 с.

Дата поступления: 27.02.2018

A. P. Patskevich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

**RETROSPECTIVE AND CRIMINALISTIC ANALYSIS
OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE SEARCH INSTITUTE**

The research of the institute of search as an investigative action necessitates the study of the historical prerequisites of its origin and development in the criminal proceedings of our country. This is due to the fact that the norms of the modern criminal process, regulating the peculiarities of the search institute, are inextricably linked with the process of development of our state, the peculiarities of its political structure and largely due to the historical factor.

Keywords: investigative actions, searches, historical monuments law, criminal process, criminalistics.

УДК 343.98

А. М. Хлус

кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь
E-mail: hkus.home@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ («ОТМЫВАНИЯ») СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

В статье представлены различные взгляды на понимание структурных элементов криминалистической характеристики легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем. Проблемы криминалистической характеристики, ее абстрактный характер определяют необходимость поиска иного пути построения модели данного преступления. Автор предлагает формирование информационной модели рассматриваемого преступления на основе выделения и криминалистического анализа элементов его материальной структуры.

Ключевые слова: легализация средств, полученных преступным путем; информационная модель; криминалистическая характеристика преступлений; материальная структура преступления.

Деяния, связанные с легализацией («отмыванием») средств, полученных преступным путем, являются высоколатентными, на что указывают незначительные статистические показатели количества раскрытых и расследованных преступлений, и до сих пор сохраняют свою актуальность.

В действующем Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь под легализацией («отмыванием») средств, полученных преступным путем, понимается «совершение финансовых операций со средствами, полученными заведомо преступным путем, для придания правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению указанными средствами в целях утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности указанных средств» (ч. 1 ст. 235 УК).

Данное преступление признается коррупционным при условии его совершения должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 и ч. 3 ст. 235 УК).

Для Республики Беларусь криминализация в ст. 235 УК легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем – это новый вид современной высокоразвитой транснациональной организованной преступности, имеющей сферы широкомасштабного применения [1, с. 5].

В отечественной научной литературе имеется незначительное количество работ, посвященных проблеме раскрытия и расследования легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем. В то же время в специальных работах, посвященных борьбе с коррупционными преступлениями, данному виду коррупционных проявлений не уделено внимания [2]. В ряде отечественных работ расследование легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем, основывается на ее криминалистической характеристике [1; 3], признаваемой информационной моделью преступления [4, с. 46].

Результативность борьбы с данным видом преступлений зависит от многих факторов, одним из которых является наличие современной, научно разработанной методики расследования. Построение методики на основе криминалистической характеристики не обеспечивает ее эффективность. Объясняется это абстрактным характером данной криминалистической категории и отсутствием единообразия в ее понимании.

Много внимания криминалистической характеристике уделено российскими учеными при разработке методики данного вида преступлений. В то же время они не едины в представлениях о ее структуре.

В качестве элементов криминалистической характеристики указанных деяний, например, Е. В. Щеглова выделяет типичную информацию о (об): личности преступника, способах подготовки и совершения преступления (механизм преступления), обстановке и средствах совершения преступления, особенностях предмета преступного посягательства и следах преступления [5, с. 9].

А. В. Коляда в криминалистической характеристике данного деяния выделил следующую совокупность элементов: 1) место, время и способ совершения преступления; 2) типичные следственные ситуации; 3) типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения; 4) данные о личности подозреваемого, обвиняемого [6, с. 183].

По мнению Ю. В. Крачуна, элементами криминалистической характеристики рассматриваемого преступления являются: способ преступления; особенности механизма следообразования, субъекта легализации, обстановки совершения преступления и предмета преступного посягательства [7, с. 52].

Иначе представлена структура криминалистической характеристики легализации средств, полученных преступным путем, В. А. Абакановой и Н. М. Сологубом. В качестве ее элементов названы предмет и субъект посягательства (его физическая и психическая деятельность), место и время посягательства, внутренние и внешние связи, обстановка посягательства [8, с. 230].

Представленные взгляды на структуру криминалистической характеристики легализации средств, полученных преступным путем, имеют существенное различие. Но результаты исследований указанных и других ученых могут быть использованы при осуществлении иного подхода к построению информационной модели рассматриваемого вида преступлений.

Обозначенные и неразрешенные до настоящего времени проблемы криминалистической характеристики легализации средств, полученных преступным путем, а также абстрактность научной категории «криминалистическая характеристика преступления», наводят на мысль о необходимости поиска иного пути познания данного преступления. И такой путь предлагается с учетом того обстоятельства, что практическая деятельность по раскрытию и расследованию непосредственно связана с выявлением и исследованием материальных объектов преступной системы. Следовательно, частная методика расследования также должна основываться не на абстрактной информации о преступлении, а на сведениях о реальных для данного вида преступлений материальных элементах их структуры.

Материальная структура данного вида преступлений является усложненной, включающей в себя следующие элементы: 1) субъект совершения преступления; 2) объект преступного посягательства; 3) средство совершения преступления; 4) предмет преступления; 5) предмет преступного посягательства. Предмет преступления и предмет преступного посягательства с позиции криминалистики различные понятия, о чем пойдет речь далее. Система знаний об этих элементах, количество которых в конкретном преступлении может варьироваться, образует информационную модель преступления, на основе которой осуществляется процесс его раскрытия и расследования.

Последовательность изучения этих элементов в процессе расследования конкретного преступления зависит от следующих обстоятельств: следственной ситуации, способа совершения преступления, а также наличия фактических данных о преступном характере получения легализуемых средств.

Если факт преступного приобретения средств легализации установлен в процессе предварительного расследования либо в ходе судебного рассмотрения дела, то изучение элементов материальной структуры целесообразно начинать с субъекта совершения преступления. В практике расследования чаще складываются ситуации, определяющие такой путь познания структуры преступления.

Доследственная проверка предполагает изучение преступной структуры с познания объекта, средств посягательства и предмета преступления, которые отражают информацию о деятельности субъекта и его целевую направленность на предмет посягательства. Это более сложный путь, требующий применения метода криминалистического анализа на этапе выявления признаков преступления. В представленной последовательности мы и рассмотрим элементы материальной структуры преступления.

Объектом данного преступления является материальная система, на которую направлено преступное посягательство. Такой элемент в криминалистической характеристике рассматриваемого преступления не упоминается. Некоторые авторы, например, Ю. В. Крачун, в криминалистической характеристике исследуемого преступления в качестве ее элемента упоминает место легализации средств, полученных преступным путем. В его пределах происходит и отображается преступная деятельность по осуществлению операций, создающих видимость законности средств, полученных преступным путем [7, с. 75–78].

Место совершения и объект преступного посягательства при легализации средств, приобретенных преступным путем, соотносятся как общее и частное. Объект посягательства для данного вида преступлений это всегда определенное место его совершения, но не каждое место может рассматриваться в качестве объекта, на который посягает виновный.

Типичными объектами преступного посягательства при легализации (отмывании) средств, полученных преступным путем, являются банковские либо иные финансовые учреждения, государственные, коммерческие или иные организации, а также государственные органы власти, реализующие различные полномочия (регистрационные, контрольно-надзорные и др.). Как правило, объект преступного посягательства ограничивается тем пространством, где совершались действия, непосредственно легализующие преступный доход. Например, регистрировалась сделка о праве собственности на недвижимость или в банке были размещены на депозитном счете незаконно полученные денежные средства.

Анализ объекта преступного посягательства позволяет выявить первичную информацию о субъекте совершения преступления и его действиях. Дальнейшее ее накопление происходит за счет изучения средства, при помощи которого оказывалось воздействие на объект посягательства, а для рассматриваемого преступления более характерно установление связи с ним.

Средства совершения преступления обеспечивают достижение цели легализации. Их выбор зависит от способа совершения преступлений. Способы (схемы) легализации могут быть как самыми простыми, так и сложными. Многие из них предполагают использование внешних операций. Например, незаконные доходы перечисляются на счета подставных фирм, конвертирующих национальную валюту. Затем они переводят валюту за рубеж в качестве оплаты импортных контрактов. На территории иностранного государства происходит дальнейшая манипуляция валютой. Она перечисляется с одного счета на другой до тех пор, пока не приобретет легальный вид.

Такие фирмы создаются на короткий срок по подложным документам и на подставных граждан. На счета фирмы поступают денежные средства от организаторов преступной схемы. В дальнейшем эти фирмы прекращают свою деятельность, а организаторы не предъявляют претензий за неисполненные контракты.

Предприниматели покупают или учреждают за границей фирмы, открывают на своей родине их представительства или филиалы и переводят по импортным контрактам значительные суммы валюты [9, с. 43–50].

В связи с приведенным одним из многочисленных примеров способов легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем, можно утверждать, что средством совершения данного вида преступлений являются фирмы (организации, предприятия, учреждения). Такое мнение аргументируется тем, что данные фирмы (иные организации) создаются или приобретаются путем купли-продажи без цели осуществления предпринимательской деятельности, но с криминальной целью. Возражая этому, А. Е. Гучок утверждает, что в качестве средств совершения преступлений используются «не сами юридические лица, а материальные объекты (документы, печати), при помощи которых преступники совершают свои действия» [10, с. 53].

По-нашему мнению, для данного случая документы (печати), являясь прямым средством совершения преступления, все же играют второстепенную роль по отношению к основному средству – фирме (иной организации), без которой была бы невозможна преступная легализация. Такую позицию можно подтвердить примером из криминальной истории появления рассматриваемого вида преступлений. Он связан с именем главаря чикагской мафии Аль Капоне. Для придания законности владения огромными суммами денег он создал сеть прачечных, в которых установил низкую оплату, привлекая большое количество потребителей этих услуг, учет которых фактически не велся. К официальным доходам от деятельности прачечных постепенно прибавлялись, указывались в учетно-отчетной документации и вносились на счет в банке денежные средства, полученные в результате совершения преступлений [11].

В то же время следует заметить, что для многих способов совершения легализации средств, полученных преступным путем, характерно наличие различных документов в качестве основного средства совершения преступлений. Их криминалистический анализ позволяет судить о механизме отражения следов преступной деятельности. Именно в документах содержатся дополнительные сведения, способствующие поиску иных носителей криминалистически значимой информации. Документы, использованные в качестве средства совершения данного преступления, можно разделить на несколько групп.

Первую группу образуют правоустанавливающие и иные документы, отражающие факт совершения сделки или операции.

Ко второй группе относятся первичные и иные бухгалтерские документы, отражающие непосредственно конкретную финансовую операцию или иную сделку.

Предмет преступления, как элемент его материальной структуры, содержит информацию о начальном этапе реализации в отношении его финансовых операций и иных сделок, а также сопутствующих им других действиях.

Предмет преступления взаимосвязан со способом совершения легализации и имеет не только методологическое, но и практическое значение. Знания о нем позволяют сформировать версии о лицах, причастных к преступлению.

Предмет преступления не четко определен в уголовном законе: средства, под которыми понимаются денежные средства, ценные бумаги, электронные деньги, иное имущество, в том числе имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (ст. 235 УК). При этом законодатель не разграничивает такие понятия, как «предмет преступления» и «предмет преступного посягательства».

В ряде случаев предмет преступления взаимосвязан с таким элементом материальной структуры, который назван «предметом преступного посягательства» [10, с. 52]. Данные элементы в материальной структуре преступления различаются.

Предмет преступного посягательства указывает на конечную цель преступной деятельности. Он содержит информацию о реализованных в отношении него финансовых и иных сделках, а также сопутствующих им других действиях, создающих видимость законной принадлежности средств (имущества) конкретному лицу.

Для легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем, предмет посягательства специфичен, т. к. с позиции субъекта совершения преступления определяет непосредственную целевую направленность деяния. Эта специфика обусловлена наличием предшествующего легализации одного или серии преступлений (называемых предикатными), в результате которых получен преступный доход. В структуре предикатного преступления он, чаще всего, является предметом преступного посягательства. В дальнейшем, в процессе легализации этого предмета, он играет роль предмета преступления. Осуществляя преступную легализацию, виновные не посягают на этот предмет, т. к. он находится в их распоряжении, хотя и незаконно. Следовательно, с позиции рассмотрения материальной структуры на начальном этапе данного преступления, правильно говорить не о «предмете преступного посягательства», а о «предмете преступления». Но в материальной структуре легализации средств, полученных преступным путем, возможно появление такого элемента, как предмет преступного посягательства. Это происходит в том случае, когда предмет легализации на последующих этапах трансформируется в предмет преступного посягательства. Поясним на примере: на полученные в процессе совершения предикатного преступления деньги приобретает недвижимость, которая в дальнейшем используется преступником в личных целях. Но трансформации предмета легализации может не произойти, если он не видоизменяется на заключительном этапе преступления. Так, например, денежные средства, полученные в результате взяточничества, размещаются на депозитных счетах нескольких банков.

Рассматривая предмет преступного посягательства, следует учитывать условность термина «посягательство», т. к. фактически виновный не посягает на этот предмет при обычном толковании этого слова, а преобразует незаконно принадлежащий ему предмет преступления (например, деньги, полученные в результате взяточничества) в другой предмет, который и является в нашем понимании предметом преступного посягательства (на деньги, полученные в результате преступной деятельности приобретаются акции предприятия).

Предмет преступного посягательства может иметь отношение к различным сферам экономики. Наиболее криминально активными в данном аспекте являются кредитно-финансовая сфера, потребительский рынок, недвижимость. Следует прогнозировать, что в ближайшее время в качестве предмета преступного посягательства все чаще будет выступать криптовалюта, т. е. цифровые монеты, которые хранят в электронных кошельках, а также осуществляют перевод между ними. Впервые она появилась в 2009 г. под названием Bitcoin. Появление такой валюты и возможности обмена представляет интерес для организованной преступной деятельности, потому что ее выпуск и движение никто (ни банки, ни другие государственные контролирующие и надзорные органы) не имеет возможности контролировать.

Изучение вышеназванных элементов материальной структуры преступной легализации позволяет получать и накапливать необходимую информацию о субъектах совершения преступления.

Субъекты рассматриваемых преступлений являются высокоинформативными элементами криминалистической характеристики, сведения о которых в обязательном порядке необходимо использовать при анализе субъекта конкретного преступления.

В криминалистическом аспекте субъектов, причастных к легализации («отмыванию») средств, полученных преступным путем, исследователи классифицируют, во-первых, в зависимости от выполняемой ими функции в процессе совершения преступления; во-вторых, в зависимости от наличия у них определенных способностей.

В первую группу входят субъекты-руководители, которым предоставлено право управления организацией, распоряжения ее денежными и иными материальными средствами, а также заключения сделок от имени юридического лица.

Вторую группу составляют субъекты, реализующие определенные функции данной организации (например, учет, контроль, распоряжение и др.), а также лица, которые осуществляют юридически значимые функции (нотариусы, государственные регистраторы).

К иным субъектам легализации средств, полученных преступным путем, можно отнести, например, специалистов в области информационных технологий, привлеченных к совершению финансовых операций.

Познание должностных полномочий лиц, совершивших данное преступление, осуществляется на основе изучения кадровых и служебных документов. Эти документы позволяют установить: 1) правовой статус должностного лица организации, причастной к легализации; 2) процедуру проведения финансовых или иных служебных операций; 3) правила и порядок их соблюдения при проведении операций; 4) правосубъектность должностного лица и обоснованность принятия им решений; 5) наличие с его стороны нарушений и их влияние на возможность совершения преступления.

На основе вышеизложенного можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, учитывая разноплановые взгляды на категорию «криминалистическая характеристика преступлений», абстрактность этого понятия, представляется целесообразным, при разработке теоретической части частной методики расследования легализации средств, полученных преступным путем, осуществить иной подход к построению информационной модели данного преступления. Данный подход предполагает анализ структуры преступления.

В-вторых, познание структуры преступления, связанного с легализацией средств, полученных преступным путем, необходимо осуществлять на основе выделения его материальных элементов. Их изучение целесообразно осуществлять с учетом положений разработанной и единообразно понимаемой криминалистической характеристики данного деяния.

В-третьих, знание элементов материальной структуры преступления и их взаимосвязи позволяет определить методы и способы поиска информации о них, необходимой для раскрытия и расследования преступлений данной категории.

Список использованных источников

1. Маркова, О. В. Теоретико-правовые и прикладные аспекты расследования легализации (отмывания) материальных ценностей, приобретенных преступным путем : моногр. / О. В. Маркова // Минск, 2008. – 233 с.
2. Методика расследования коррупционных преступлений : науч.-практ. пособие для следователей и оперативных работников правоохранительных органов / С. В. Войцеховская [и др.]; под общ. ред. В. Х. Кадырова. – Минск, 2005. – 307 с.
3. Жук, М. Г. Криминалистические аспекты борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств (или иного имущества), приобретенного незаконным путем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М. Г. Жук // Гродно, 1999. – 113 л.
4. Чурилов, С. Н. Методика расследования преступлений. Общие положения : моногр. / С. Н. Чурилов. – М. : Юстицинформ, 2009. – 310 с.
5. Щеглова, Е. В. Криминалистическое обеспечение расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. В. Щеглова. – М., 2009. – 204 л.
6. Коляда, А. В. Расследование легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Коляда. – М., 2010. – 208 л.
7. Крачун, Ю. В. Совершенствование методики расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю. В. Крачун. – Тула, 2015. – 266 л.

8. Абаканова, В. А. Методика расследования легализации (отмывания) преступных доходов / В. А. Абаканова, Н. М. Сологуб // Курс криминалистики : в 3 т. Т. III. Криминалистическая методика : Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений / Под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. – СПб., 2004. – С. 228–235.
9. Шулековский, В. Легализация доходов: способы осуществления и меры борьбы / В. Шулековский. – Режим доступа : URL : <https://www.nbrb.by/articles/1132.pdf>. – Дата доступа : 22.12.2017.
10. Гучок, А. Е. Криминалистическая структура преступления / А. Е. Гучок. – Минск : БГУ, 2007. – 151 с.
11. Прачечные для мафии. Демпинг от Аль Капоне. – Режим доступа : URL : <https://e.fd.ru/article.aspx?aid=312650/>. – Дата доступа : 13.01.2018.

Дата поступления: 12.02.2018

A. M. Khlus

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Belarusian State University
Minsk, Belarus

TO THE QUESTION OF THE BUILDING OF THE INFORMATIONAL MODEL OF LEGALIZATION («LAUNDERING») OF MEANS OBTAINED BY THE CRIMINAL WAY

The article presents various views on the understanding of the structural elements of the criminalistic characteristics of legalization («laundering») of funds obtained by criminal means. Problems of forensic characteristics, its abstract character determine the need to find a different way to build a model of this crime. The author proposes the formation of an information model of the crime under consideration on the basis of the isolation and forensic analysis of the elements of its material structure.

Keywords: money laundering; information model; criminological characteristics of crimes; the material structure of the crime.

УДК 343.985.8

Д. Н. Лахтиков

кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: dzymitriy@yandex.by

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРИМИНАЛЬНОЙ МИЛИЦИЕЙ

В статье анализируются особенности и обосновывается необходимость совершенствования взаимодействия при осуществлении профилактической деятельности криминальной милицией, от уровня которого в определенной степени зависит эффективность и качество функционирования системы профилактики преступлений. Показано, что развитие взаимодействия является актуальным направлением совершенствования этой деятельности в современных условиях.

Ключевые слова: взаимодействие, криминальная милиция, оперативные подразделения, профилактика преступлений, профилактическая деятельность.

Предупреждение преступлений является задачей, требующей комплексного разновекторного воздействия, но в то же время системного и согласованного. От уровня и состояния организационной составляющей в любой деятельности во многом зависит конечный результат, без дальнейшего совершенствования соответствующих организационных основ эффективная ее реализация невозможна. Профилактическая деятельность криминальной милиции имеет свои специфические особенности, в соответствии с которыми и должна разрабатываться организация ее осуществления.

Понятие «организация» включает два взаимосвязанных аспекта: структурный, подразумевающий строение, продуманное устройство, и функциональный, обеспечивающий упорядоченность работы по управлению [1, с. 18–19]. Под термином «организация» профилактической деятельности криминальной милиции понимается формирование системы и обеспечение процесса функционирования, включающие определение целей и задач профилактики преступлений, расстановку имеющихся сил и средств, информационно-аналитическое обеспечение, планирование профилактических мероприятий, обеспечение взаимодействия субъектов, контроль за исполнением, кадровое, материально-техническое и иное обеспечение [2, с. 95].

Необходимо отметить, что цели любой деятельности первичны, а структура органов, ее осуществляющих, вторична, что вызывает необходимость своевременной адаптации структуры для достижения целей [3, с. 18]. В современных условиях актуальность решения задачи предупреждения преступлений оперативными подразделениями криминальной милиции возрастает, поэтому существующий организационно-структурный механизм должен соответствовать возникающим вызовам и угрозам и в полной мере обеспечивать достижение поставленных перед оперативными подразделениями целей.

Профилактика преступлений является неотъемлемой частью повседневной деятельности криминальной полиции почти всех стран мира, в оперативных подразделениях многих государств (США, Франция, ФРГ, Швеция, Великобритания) это направление деятельности является ключевым [4, с. 96, 113]. В частности, в ФРГ профилактика преступлений является основой программы внутренней безопасности, где наблюдается тенденция роста специализации по отдельным направлениям противодействия преступности, в структуре криминальной полиции существуют подразделения профилактики преступлений [5, с. 77; 6, с. 60]. Также в этой стране функционирует консультативная комиссия криминальной полиции, которая занимается вопросами повышения эффективности профилактической работы.

Интересен и отечественный опыт. В 1919 г. в ряде регионов СССР в подразделениях уголовного розыска были созданы отделы предупреждения преступлений, подразделявшиеся на секретную и активную части. В 30-х гг. XX в. в подразделениях уголовного розыска некоторых республик Советского Союза были сформированы бригада-мобили, осуществлявшие профилактику замышляемых преступлений путем разведки и осведомления, которые позже были преобразованы в активные отделы с более широкой компетенцией [7, с. 14–18]. В 1970-е гг. также существовала специализированная служба профилактики, которая входила в структуру уголовного розыска и включала в себя, в том числе, службу участковых инспекторов милиции и инспекции по делам несовершеннолетних, сотрудники профилактической службы осуществляли ОРД не в полном объеме.

Профилактическая деятельность криминальной милиции имеет собственные организационные закономерности, где проявились новые элементы их характеристики в современных условиях. Так, ранее ее осуществляли только подразделения уголовного розыска, затем в эту сферу были включены подразделения по борьбе с экономическими преступлениями, по борьбе с организованной преступностью. В настоящее же время эта функция рассосредоточена по различным оперативным подразделениям ОВД, при этом они не находятся друг с другом в отношениях подчиненности, но, включаясь в профилактическую деятельность, должны действовать согласованно, ибо без этого условия их совместная деятельность будет лишена целенаправленности.

Эффективно осуществлять профилактическую деятельность криминальной милицией невозможно без взаимодействия, потребность в котором обусловлена требованиями законодательства, которое, с одной стороны, устанавливает единые цели участников деятельности, а с другой – наделяет их различными полномочиями, а также такими факторами, как нестабильность оперативной обстановки, криминализация отдельных сфер жизни общества и др.

В рамках криминальной милиции на республиканском, областном и районном уровнях отраслевые оперативные подразделения профилактическую деятельность осуществляют без обособленного организационно-структурного обеспечения. При этом современное состояние оперативно-розыскной практики имеет ряд нерешенных проблем, касающихся вопросов осуществления совместной деятельности подразделений криминальной милиции.

В системе ОВД Республики Беларусь функционируют различные оперативные подразделения, в той или иной мере осуществляющие профилактическую деятельность. Изучение оперативно-розыскной практики позволяет выделить ряд проблемных моментов при осуществлении взаимодействия в профилактическом направлении, к ним следует отнести противоречие между комплексным характером решаемой задачи и структурной разобщенностью оперативных подразделений; в отдельных случаях несогласованность усилий, прилагаемых в одном направлении; невозможность эффективного решения задачи предупреждения преступлений, стоящей перед отдельными оперативными подразделениями, собственными силами и средствами; проблемы организационно-психологического характера, присущие узкоотраслевому подходу, невозможность восприятия проблемы в целом, преувеличение значения «своего» оперативного подразделения в решении общей задачи; постоянная необходимость интеграции профессиональных возможностей

нескольких оперативных подразделений для решения единой задачи. В определенных случаях возникает проблема дублирования профилактической работы других служб, преимущественно милиции общественной безопасности, и практики привлечения оперативных подразделений к выполнению профилактических мероприятий, не носящих оперативно-розыскного характера.

Оперативные подразделения ОВД по-разному оценивают назначение профилактической деятельности, эти оценки варьируются в зависимости от стоящей перед ними задачи и тем самым от субъекта, на которого непосредственно возложено выполнение задачи, что в определенных случаях влечет к разбалансированности системы профилактики преступлений в ОВД, снижению ее эффективности. Безусловно, что профилактическую деятельность в той или иной мере осуществляют различные самостоятельные оперативные подразделения ОВД, однако какими бы независимыми они не были, нельзя допускать их полной разобщенности. При этом ключевым аспектом совершенствования взаимодействия в данном направлении является равенство всех участников.

Профилактическую деятельность с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов в пределах своей компетенции осуществляют только оперативные подразделения. Их деятельность по осуществлению этого вида оперативно-розыскной работы должна рассматриваться с позиции системного подхода, поскольку все они участвуют в решении общей комплексной задачи присущими только им оперативно-розыскными возможностями и должны действовать как единая эффективная система, являющаяся составной частью ОВД. При этом они могут рассматриваться как единая система лишь тогда, когда их совместные усилия будут согласованы, т. е. соответствующим образом налажен процесс взаимодействия. В процессе организации профилактической деятельности определены субъекты ее осуществления, установлены их взаимосвязи, определены и налажены каналы информации между ними, в результате чего эта динамическая система функционирует. В последующем же возникает необходимость в поддержании и усовершенствовании состояния упорядоченности всей динамической системы, а также коммуникаций между субъектами, тогда и возрастает значение взаимодействия.

Множественность элементов системы, выполняющих одновременно и в одном месте несогласованные действия, приводит к снижению эффективности функционирования системы в целом. Определенная дифференциация функций элементов системы профилактики преступлений способна предотвратить дублирование применяемых мер, чрезмерную концентрацию сил и средств на одних участках профилактической работы и рассредоточение на других. Вместе с тем, эффективность профилактической работы прямо зависит от имеющегося уровня взаимодействия, поскольку предупреждение преступлений является проблемой, требующей комплексного согласованного воздействия.

Ранее вопросам взаимодействия в профилактическом направлении деятельности оперативных подразделений ОВД уделялось недостаточно внимания, что было оправдано незначительным количеством оперативных подразделений. В настоящее время их количество возросло, что предопределяет целесообразность совершенствования форм и подходов взаимодействия при реализации профилактической функции.

Под взаимодействием в общем виде понимается взаимная связь, взаимная поддержка. С философской точки зрения понимается категория, с помощью которой отражаются процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимная обусловленность. Также взаимодействие – это урегулированная комплексная деятельность всех взаимодействующих субъектов, осуществляемая в пределах их компетенции, характеризующаяся способностью привлекать ресурсные возможности друг друга [8, с. 14], совместная деятельность субъектов, интересы и цели которых полностью или частично совпадают [9, с. 31], в свою очередь, взаимодействие может осуществляться как в форме сотрудничества, так и соперничества.

Взаимодействие при осуществлении профилактической функции криминальной милиции – это весьма сложное направление деятельности, требующее всестороннего подхода к пониманию проблем каждого подразделения, постоянного внимания к осуществлению профилактической деятельности ОВД в целом, что в определенных случаях может позволить оперативно реагировать на происходящие процессы. Одним из ключевых элементов взаимодействия является координация. В наиболее общем виде под координацией понимается согласование действий, установление целесообразного соотношения между полномочиями либо действиями, согласование и наиболее правильное решение задач с наименьшей затратой сил и средств, согласование, приведение в соответствие, установление взаимосвязи между действиями и т. п. [10, с. 148]. В сфере профилактики преступлений под координацией понимается «согласование действий тактически самостоятельных субъектов системы профилактики преступлений... по разным элементам деятельности при наличии равноправных связей между ними, общей цели деятельности, для повышения ее эффективности» [11, с. 35–36]. Анализ обозначенных понятий позволяет сделать вывод о том, что при взаимодействии участники должны ощущать распределение конкретных обязанностей, целесообразно наличие постоянно действующего координационного центра. Координация содержит в себе элементы подчинения оперативных подразделений координирующему центру, который управляет всей системой и упорядочивает ее. При взаимодействии оперативные подразделения не всегда имеют главной целью согласование своих действий, выработку единых мер.

По мнению ряда ученых, ценность координации состоит в том, что она является наиболее эффективным средством объединения субъектов на основе общности целей, и не только потому, что обеспечивает единство разнохарактерных действий субъектов, но и потому, что выявляет и устраняет отрицательные проявления совместной работы (предупреждение самой возможности дублирования, «нечестной конкуренции» и т. п.). При осуществлении координации самостоятельные действия субъектов могут испытать направленное влияние еще до того, как они вступили в стадию реализации, поэтому легче «устранить отрицательные последствия, возможно временное прерывание начатой совместной деятельности, усовершенствование ее, смещение акцентов профилактического воздействия» [11, с. 46]. Для координации можно использовать два апробированных практикой подхода. Первый заключается в том, что ее осуществляет руководитель, которому подчинены все оперативные подразделения ОВД. Второй выражается в деятельности специально уполномоченного координатора. При существующей системе оперативных подразделений ОВД более приемлемым является второй подход, так как руководителем, осуществляющим эту функцию, является первый заместитель министра внутренних дел, у которого кроме необходимости ее реализации имеется большой спектр разноректорных задач, а также в связи с тем, что координационная работа требует соответствующей технической, организационной и информационно-аналитической работы. В современных условиях координация в рассматриваемой сфере должна наполняться качественно новым содержанием, должна быть более динамичной по процедурам выработки и выполнения согласованных решений.

Совершенствование взаимодействия при осуществлении профилактической деятельности криминальной милиции позволяет активизировать деятельность оперативных подразделений в этой сфере, устранить разобщенность, объединить усилия и устранить рассредоточение сил, что приведет к обеспечению ее конкретности, расширению возможностей получения полной информации о ее состоянии, будет способствовать возможности влиять на возникающие проблемы.

При осуществлении профилактической деятельности криминальной милицией выбор направлений взаимодействия конкретизирует данную деятельность, придает ей целенаправленность, при этом он весьма широк и, по нашему мнению, должен осуществляться с учетом их актуальности, обуславливаться анализом результатов оперативной обстановки, ее дина-

мики, возможных осложнений и т. п. Приоритетными направлениями в этой сфере можно определить те, которые требуют первоочередных мер в сфере деятельности нескольких оперативных подразделений ОВД по безотлагательной защите жизненно важных интересов граждан, общества и государства по наиболее распространенным, опасным либо имеющим тенденцию к росту преступлениям. Актуальными направлениями данной деятельности могут быть профилактика отдельных видов преступлений (например, связанных с педофилией, незаконным оборот наркотиков, оружия, преступлений в сфере высоких технологий и т. п.); профилактика преступлений среди отдельных категорий лиц (несовершеннолетние, иностранцы); профилактика преступлений в отдельных отраслях экономики и т. д.

Взаимодействие в данной сфере может осуществляться в различных формах: согласование планируемых мероприятий; совместное исполнение намеченных мероприятий; совместное составление и реализация различных планов комплексных мероприятий (операций); обмен силами и средствами; оказание взаимной помощи; обмен опытом работы; подготовка кадров и др. В процессе взаимодействия на первый план выступают вопросы обмена информацией, оперативные сотрудники в ходе повседневной оперативно-служебной деятельности получают оперативную информацию, которая может быть использована в профилактической деятельности других оперативных подразделений ОВД. В свою очередь, возникает необходимость совершенствования таких форм взаимодействия, как формирование единого информационного пространства.

Проблема взаимодействия оперативных подразделений территориальных ОВД с учреждениями уголовно-исполнительной системы также является весьма актуальной, позволяет решать такие задачи, как предупреждение роста криминального профессионализма, слияния общеуголовной, экономической и организованной преступности и др. Все это вызывает необходимость системного подхода и эффективного взаимодействия с территориальными ОВД в работе с лицами, содержащимися в учреждениях уголовно-исполнительной системы, обмен информацией о содержащихся и освобождающихся лицах и т. п.

Активное использование при решении задач профилактики преступлений современных информационных технологий, в частности, информационного воздействия, можно рассматривать как актуальное направление, при котором возрастает роль взаимодействия со средствами массовой информации. Целесообразна выработка организационных и правовых мер, которые бы позволяли использовать обозначенные возможности не только для установления обстоятельств совершения преступлений, розыска лиц, но и в более широком плане.

Для осуществления профилактической деятельности необходима высокая осведомленность оперативных подразделений, что осуществить без взаимодействия с гражданами затруднительно. Традиционно в теории ОРД и при осуществлении правоприменительной деятельности выделяется, а также активно используется негласное и гласное содействие граждан. Между тем, на современном этапе практика убедительно доказывает необходимость более активного использования анонимного содействия граждан в решении задач профилактики преступлений. Следует отметить, что возможность предоставления гражданами анонимной информации, не означает решение проблемы совершенствования информационного обеспечения профилактической деятельности оперативных подразделений. Необходимо целенаправленное информирование о такой возможности граждан (в первую очередь, молодежной среды), разъяснение целесообразности занимать активную гражданскую позицию, формирование нетерпимости к преступным проявлениям, гарантирование сохранения анонимности во всех случаях, а также проработка открытого механизма вознаграждения за предоставление информации. Подобные меры могут привести к налаживанию новых каналов поступления оперативной информации и улучшению криминогенной обстановки в целом.

Совершенствование взаимодействия при осуществлении профилактической деятельности криминальной милиции в современных условиях, безусловно, – необходимый шаг, учитывающий высокий потенциал консолидации усилий в этом направлении деятельности. Данное положение полностью согласуется с теоретическими основами построения организационных систем, в частности с законом синергии, который выражается в приросте энергии организации, превышающей силу индивидуальных усилий участников этой организации. Любая сложная динамическая система стремится получить максимальный эффект за счет своей целостности, максимально использовать возможности кооперирования для достижения эффектов, при этом сумма свойств организованного целого не равна арифметической сумме свойств каждого из его элементов в отдельности, сумма свойств организационного целого превышает арифметическую сумму свойств каждого из его элементов в отдельности [12, с. 271]. Другими словами, сложение усилий оперативных подразделений ОВД со временем преобразовывается в умножение эффекта. Решение этих задач позволит обеспечить более качественное осуществление профилактической деятельности, максимально возможно активизировать и использовать ресурсный потенциал оперативных подразделений в профилактическом направлении, более эффективно решать и другие задачи, стоящие перед оперативными подразделениями ОВД, что станет основой создания оптимальных условий обеспечения дальнейшего развития системы профилактики преступлений.

Таким образом, совершенствование взаимодействия профилактической деятельности криминальной милиции позволяет обеспечивать более качественное ее осуществление, максимально возможное активизирование и использование ресурсного потенциала оперативных подразделений в этом направлении, более эффективное решение других задач, стоящих перед ними, что станет основой создания оптимальных условий обеспечения дальнейшего развития профилактического направления в ОРД.

Список использованных источников

1. Козлов, Ю. М. Научная организация управления и право / Ю. М. Козлов, Е. С. Фролов. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 245 с.
2. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений : учебник / Л. В. Барина [и др.] ; под ред. В. Д. Малкова, А. Ф. Токарева. – М. : Акад. упр. М-ва внутр. дел России, 2000. – 322 с.
3. Бочаров, М. К. Наука управления: новый подход. Точка зрения ученого / М. К. Бочаров. – М. : Знание, 1990. – 62 с.
4. Полиция и борьба с преступностью за рубежом : [информ. сб.] / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т М-ва внутр. дел СССР. – М. : [Б. и.], 1991. – 205 с.
5. Харевич, Д. Л. Негласное расследование в Германии / Д. Л. Харевич; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 287 с.
6. Участие полиции зарубежных стран в профилактике преступности / Всерос. науч.-исслед. ин-т М-ва внутр. дел России; редкол.: М. Ю. Васьков [и др.]. – М. : ВНИИ МВД России, 2007. – 156 с.
7. Суслов, В. М. Профилактическая функция советской милиции: становление и развитие 1917–1936 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. М. Суслов ; Акад. М-ва внутр. дел СССР. – М., 1981. – 21 с.
8. Потапова, С. А. Организация взаимодействия органов внутренних дел с другими правоохранительными органами по противодействию экономической преступности: по материалам Дальневосточного федерального округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / С. А. Потапова; Акад. упр. М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – М., 2010. – 25 с.
9. Логвин, В. М. Правовые и организационные аспекты взаимодействия следователей и оперативных работников органов внутренних дел при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. М. Логвин ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 1999. – 18 с.

10. Лунев, А. Е. Теоретические проблемы государственного управления / А. Е. Лунев. – М. : Наука, 1974. – 247 с.

11. Литвинов, А. Н. Профилактика преступлений: от теории к практике : науч.-практ. пособие / А. Н. Литвинов, Т. С. Гавриш. – М. : ЭКМОС, 2003. – 159 с.

12. Муратов, А. С. Синергизм и эмерджентность: генезис их гармонизации в экономике и управлении / А. С. Муратов, И. П. Поварич // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2012. – № 1. – С. 271–275.

Дата поступления: 05.04.2018

D. N. Lakhtikov

Candidate of Juridical Sciences

Academy of the MIA of the Republic of Belarus

Minsk, Belarus

PECULIARITIES OF INTERACTION IN THE IMPLEMENTATION OF PREVENTIVE ACTIVITY BY CRIMINAL POLICE

The article analyzes the peculiarities and substantiates the need to improve the interaction in the implementation of preventive activities by criminal militia, on the level of which the effectiveness and quality of the functioning of the crime prevention system depends to a certain extent. It is shown that the development of interaction is an actual direction of improving this activity in modern conditions.

Keywords: interaction, criminal militia, operational units, crime prevention, preventive activities.

УДК 343.985

С. В. Пилюшин

Академия МВД Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: SVnovo79@yandex.by

Источники информации, КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Статья посвящена отдельным аспектам деятельности подразделений по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел при осуществлении оперативного обслуживания. Подчеркивается значение информационного обеспечения оперативных подразделений и его эффективность в противодействии борьбе с преступлениями экономической направленности. Приведены научные взгляды на проблему информационного обеспечения, на основании чего выделены его основные элементы. Отдельное внимание уделено источникам оперативно-розыскной информации, как одному из элементов информационного обеспечения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативное обслуживание, информационное обеспечение, источники оперативно-розыскной информации.

Выявление преступлений экономической направленности напрямую зависит от наличия соответствующей информации, преимущественно относимой в теории оперативно-розыскной деятельности к оперативно-розыскной. Именно ее наличие привлекает внимание сотрудника подразделения по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел (далее – БЭП ОВД) к определенному объекту оперативного обслуживания. В свою очередь дальнейшее ее изучение и проверка предопределяет характер последующих действий.

Эффективность деятельности подразделений БЭП зависит от четко выстроенных оперативными сотрудниками информационных потоков, бесперебойное функционирование которых за счет всевозможных источников в научной среде принято определять термином «информационное обеспечение».

Проявление научного интереса к разработкам актуальных проблем совершенствования информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов наблюдается в научных трудах с конца 70-х гг. XX столетия. На этом фоне можно выделить исследования Б. В. Бойцова, Б. Е. Богданова, А. Л. Ковачева, В. П. Кувалдина, В. Н. Кудрявцева, А. Г. Лекаря, В. А. Лукашова, С. С. Овчинского, Э. П. Масленникова, Г. К. Синилова и ряда других ученых. В них детально рассмотрены теоретические основы использования информации при организации деятельности оперативных подразделений, изложены соображения об основных направлениях информационного поиска, возможностях накопления, анализа и хранения полученных данных.

В самом общем смысле под информационным обеспечением принято понимать обеспечение компетентных органов фактическими данными об определенных явлениях и процессах, создание автоматизированных систем, аккумулирующих информацию различных видов, либо использование информации для конкретной профессиональной или иной деятельности [1, с. 130].

В связи с этим поисковая деятельность подразделений БЭП по выявлению экономических преступлений на объектах оперативного обслуживания предполагает, с одной стороны, поиск ранее не известной информации о лицах, причастных к совершению данных преступлений, с другой – активное использование уже имеющейся оперативно-розыскной информации.

Информационное обеспечение это своего рода процесс собирания, обобщения, оценки различного рода информации, относящейся к изучаемому событию, и последующего использования ее в изобличении лиц, причастных к противоправной деятельности [2, с. 82]. Данный информационный процесс должен быть интенсифицирован таким образом, чтобы, получая информацию, оперативные сотрудники могли прогнозировать направления развития событий и своевременно принимать соответствующие решения [3, с. 47].

По мнению Н. Б. Егорова, процесс информационного обеспечения требует своего рассмотрения через призму статики и динамики. И если в статике оно проявляется в совокупности различных видов информации, то в динамике – это процесс оперирования информацией. В этом смысле информационное обеспечение охватывает: источники информации, каналы передачи, формы, средства и методы оперирования информацией, ее получателей и потребителей, наконец, саму информацию в двух состояниях – в виде массива или потока [4, с. 11].

Видя в оперировании информацией комплекс определенных мер, А. Л. Ковачев рассматривает информационное обеспечение с позиции реализации этих мер, в целях создания системы информации, необходимой и допустимой для успешного решения задач по оперативному обслуживанию различных объектов, борьбе с преступлениями экономической направленности, практической реализации процессов получения, переработки и использования этой информации, а также создания необходимых условий для реализации указанных процессов [5, с. 13].

Как видно, специалистами в теории ОРД предлагаются различные подходы к определению содержания информационного обеспечения, ввиду чего анализ научной литературы позволяет делать вывод о наличии в структуре информационного обеспечения следующих основных составных элементов: источники информации; анализ информации; системы накопления и хранения оперативно-розыскной информации.

Каждый из выделенных нами элементов довольно широко освещен в научной литературе [6–8]. Вместе с тем, проведенное интервьюирование сотрудников подразделений БЭП показало, что на практике имеются проблемы по четкому определению источников информации, выстраиванию бесперебойных информационных каналов, способствующих ее своевременному получению. В связи с чем, представляет научную актуальность более детально рассмотреть в настоящей статье такой элемент информационного обеспечения как источники оперативно-розыскной информации.

К числу одной из первых попыток сформулировать более или менее подробный перечень источников информации, рекомендуемых к использованию сотрудниками подразделений БХСС (в настоящее время – БЭП) в практической деятельности, можно отнести подготовленное в 1956 г. рядом научных деятелей учебное пособие, обобщающее практический опыт по выявлению замаскированных способов хищений, имеющих место на объектах оперативного обслуживания [9].

С течением времени и развитием научных взглядов, относительно детализации поиска, его предметности, определения направлений поисковой работы, расширялся и перечень источников оперативно-розыскной информации, что соответственно нашло свое отражение в ряде научных исследований.

Так, например, Е. И. Терентьев, определяя перечень источников оперативно-розыскной информации, выделил должностных лиц субъектов хозяйствования, представителей общест-венности, граждан, а также руководителей и сотрудников оперативных подразделений ОВД, лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, сотрудников иных правоохранительных структур [10, с. 135–144].

В свою очередь Н. Б. Егоров к источникам информации предлагает относить любую систему, подразделение, должностное или иное лицо, располагающее необходимой информацией, или объект, содержащий необходимые сведения [11, с. 11]. То есть, наиболее характерными источниками информации, по мнению ученого, являются люди и различного рода документы.

Имеют место также научные взгляды других исследователей проблем информационного обеспечения, отстаивающих позицию деления источников информации на три группы. В первую группу входят лица (не должностные), предоставляющие информацию гласно, анонимно и на конфиденциальной основе. К числу второй группы относятся должностные лица, сообщающие сведения официального характера. К третьей – информационные системы [12, с. 60–61]. Появление третьей группы источников обусловлено развитием автоматизированных систем на основе информационных технологий.

И. Н. Кузнецов, Р. Ронин пути подхода к определению источников информации определяют исходя из того, что в силу своей специфики информация может быть открытой, полужакрытой (не секретной) и соответственно секретной. В связи с чем, главными носителями перспективных материалов всегда являются: осведомленные люди; документы; средства беспроводной и проводной связи; электронные системы обработки информации; разные отслеживаемые факторы [6, с. 220; 13, с. 7–8].

Как показал анализ научной литературы, на различных временных этапах исследователями предпринимались попытки определить перечень источников оперативно-розыскной информации, предать им классификацию на основе выстраиваемых взаимоотношений оперативных сотрудников подразделений БЭП с представителями органов государственной власти, субъектов хозяйствования, гражданами и т. д.

По нашему мнению, приведенные в качестве примера научные взгляды более приемлемы к особенностям функционирования отдельно взятых объектов либо сфер экономики. В связи с чем, попытки определить исчерпывающий перечень источников информации, представляющих оперативный интерес, который будет носить, в свою очередь, универсальный характер, выглядят малоэффективными в силу их неограниченного количества и многообразия.

В то же время специфика выявления замаскированных (латентных) преступлений требует наличия как активных, так и пассивных источников, что соответственно достигается тактикой оперативно-розыскной деятельности. Данной позиции также придерживается С. С. Овчинский, одновременно подчеркивающий, что перечень источников оперативно-розыскной информации, по существу, ограничений не имеет [7, с. 28].

Определению (установлению) источников оперативно-розыскной информации способствует прежде всего поисковая деятельность, осуществляемая оперативным сотрудником в рамках оперативного поиска. Учитывая, что оперативный поиск представляет собой действия оперативных сотрудников, направленные на получение информации о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, то в данном случае можно обоснованно полагать, что объекты оперативного поиска, по сути, и являются источниками оперативно-розыскной информации, выступающими в качестве предмета познания.

При этом необходимо обратить внимание, что понятие объектов оперативного поиска намного шире понятия источников оперативно-розыскной информации. В определенном смысле, к числу последних целесообразно относить уже выделенные объекты, сконцентрировавшие на себе внимание оперативного сотрудника и, как правило, прошедшие предварительную проверку.

Следует также отметить, что организацию информационного обеспечения составляет основа, формирующаяся исходя из направлений деятельности сотрудников оперативных подразделений ОВД в процессе организации оперативного обслуживания. В свою очередь

данную основу как раз и представляет собой разнообразная информация, поступающая в оперативные подразделения из многочисленных источников и дающая возможность составить представление о состоянии оперативной обстановки на конкретном объекте оперативного обслуживания [14, с. 12].

В связи с этим, опираясь на приведенные доводы, и несмотря на разобщенность научных взглядов по определению перечня источников оперативно-розыскной информации в среде функционирования подразделений БЭП, все же большинство авторов придерживается следующего сложившегося традиционного подхода – весь массив источников получения информации делить на гласные и негласные.

Негласные источники получения оперативно-розыскной информации, имеющей значение в системе информационного обеспечения деятельности подразделений БЭП, представляют собой сведения, получаемые в ходе негласного осуществления оперативно-розыскной деятельности, а именно, при сотрудничестве с гражданами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и т. д.

В классическом понимании к гласным либо, как часто встречается в научной литературе, открытым источникам информации, преимущественно могут быть отнесены доступные широкой общественности такие источники информации, как, например, газеты, журналы, радио и телевидение [15, с. 266], а также, что стало наиболее актуальным на современном этапе – глобальная сеть Интернет.

В то же время на фоне гласных источников следует различать открытую информацию, являющуюся достоянием общественности, доступ к которой имеют все, от информации, широкий доступ к которой может быть ограничен, в виду специфики содержащихся в ней сведений. Источники такой информации также являются объектом поисков, подлежат исследованию при определенных условиях допуска к ним [16, с. 53].

Применительно к специфике деятельности подразделений БЭП, источники, содержащие такую «ограничительную» информацию, условно можно разделить на две группы. Такое деление основывается на возможности получения доступа к необходимым источникам при условии наличия санкции прокурора и соответственно без требования наличия таковой, но по соответствующему официальному запросу.

Так, к группе источников, при обращении к которым не требуется санкции, например, можно отнести сведения, отражающие штатную структуру субъекта хозяйствования, особенности технологического процесса, результаты документальных проверок и многое другое. Ко второй, при наличии санкции – сведения о телефонных соединениях абонента, движение денежных средств по расчетному счету и т. д.

На последующих этапах, определив источники получения оперативно-розыскной информации, чрезвычайно важное значение для оперативного сотрудника будет представлять возможность ее анализа, систематизации и хранения, с целью последующего использования в оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

- четко выстроенная система информационного обеспечения подразделений БЭП ОВД неразрывно связана с результативностью их деятельности в противодействии преступлениям экономической направленности, эффективности борьбы с преступностью в целом;

- одним из основных элементов информационного обеспечения является наличие соответствующих источников, позволяющих своевременно получать оперативно-розыскную информацию о состоянии оперативной обстановки по объектам оперативного обслуживания, на более высоком уровне решать задачи оперативно-розыскной деятельности;

– источники оперативно-розыскной информации по своему содержанию схожи с объектами оперативного поиска и должны быть установлены при проведении поисковых мероприятий. При этом исчерпывающий перечень источников информации не может быть четко определен. Выбор соответствующих источников зависит от направления поисковой работы, специфики объектов оперативного обслуживания и ряда других как субъективных, так и объективных факторов.

Список использованных источников

1. Чуб, Б. А. Информационное обеспечение управления / Б. А. Чуб // Экономика Российской Федерации в условиях реформирования : сб. науч. тр.; под общ. ред. В. В. Бандурина. – М. : ОАО «Экономика», 2002. – С. 128–142.
2. Башан, А. В. Теоретико-правовые и прикладные аспекты оперативно-розыскного обеспечения противодействия коррупции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Башан; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2005. – 163 л.
3. Борин, Б. В. Об отдельных элементах содержания оперативного обслуживания строительного комплекса / Б. В. Борин // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 2 (43). – С. 45–48.
4. Егоров, Н. Б. Организация информационного обеспечения деятельности руководителя аппарата БХСС МВД, УВД : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. Б. Егоров; Акад. МВД СССР. – М., 1981. – 20 с.
5. Ковачев, А. Л. Информационное обеспечение деятельности аппаратов БХСС горрайорганов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Л. Ковачев; Акад. МВД СССР. – М., 1990. – 20 с.
6. Кузнецов, И. Н. Учебник по информационно-аналитической работе: информация, сбор, защита, анализ / И. Н. Кузнецов. – М. : ООО Изд-во Яуза, 2001. – 320 с.
7. Овчинский, С. С. Оперативно-розыскная информация : моногр. / С. С. Овчинский; под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 367 с.
8. Сенилов, Г. К. Правовые, информационные и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции : моногр. / Г. К. Сенилов. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1975. – 244 с.
9. Служба БХСС : учеб. пособие / под общ. ред. В. Я. Кокуева. – М. : Высш. шк. МВД СССР, – 1956. – 336 с.
10. Терентьев, Е. И. Источники оперативно-розыскной информации / Е. И. Терентьев // Вопросы совершенствования оперативной работы органов внутренних дел : тр. Омской ВШ МВД СССР. – 1977. – Вып. 25. – 212 с.
11. Егоров, Н. Б. Организация информационного обеспечения деятельности руководителя аппарата БХСС МВД, УВД : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. Б. Егоров; Акад. МВД СССР. – М., 1981. – 20 с.
12. Рабунский, В. Е. К вопросу о системе информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В. Е. Рабунский, Г. А. Мацаков // Теоретические и практические проблемы оперативно-розыскной деятельности : сб. ст. – Калининград : Калинингр. юрид. ин-т МВД России, 1999. – 152 с.
13. Ронин, Р. Своя разведка: способы вербовки агентуры, методы проникновения в психику, форсированное воздействие на личность, технические средства скрытого наблюдения и съемка информации : практ. пособие / Р. Ронин. – Минск : Харвест, М. : АСТ, 2000. – 368 с.
14. Крестинский, М. В. Оперативное обслуживание подразделениями БХСС объектов и отраслей народного хозяйства : учеб. пособие / М. В. Крестинский. – М. : УУЗ и НИУ МССШМ МВД СССР, 1987. – 30 с.
15. Полмар, Н. Энциклопедия шпионажа / Н. Полмар, Т. Б. Аллен; пер. с англ. В. Смирнова. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1999. – 816 с. – (Сер. «Экспресс»).
16. Хант, Ч. Разведка на службе вашего предприятия : информация – основа – успех / Ч. Хант, В. Зартарьян; пер. с франц. В. В. Тименко, В. В. Урчукин. – Киев, 1992. – 159 с.

S. V. Pilyushin

Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

SOURCES OF INFORMATION AS ONE OF THE ELEMENTS OF INFORMATION SUPPORT

The article is devoted to separate aspects of the activity of the units combating economic crimes of internal affairs bodies in the implementation of operational services. The importance of information support of operational units and its effectiveness in counteracting the fight against economic crimes are underlined. Scientific views on the problem of information support are given, on the basis of which its basic elements are singled out. Separate attention is given to the sources of detective information, as one of the elements of information support.

Keywords: detective activity, operative service, information support, sources of detective information.

УДК 343.985

Д. В. Костюкевич

адъюнкт научно-педагогического факультета

Академии МВД Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: valevachi@tut.by

ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ С ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена анализу принципов взаимодействия следователей с оперативными подразделениями органов внутренних дел. Изложены основные научные подходы к определению принципов взаимодействия. Автором проводится разграничение между принципами и условиями взаимодействия. Выведена и обоснована собственная классификация принципов взаимодействия следователей с оперативными подразделениями органов внутренних дел на следующие группы: общеправовые, отраслевые (межотраслевые) и специальные. Раскрывается сущность и значение специальных принципов взаимодействия между следователями и оперативными подразделениями органов внутренних дел.

Ключевые слова: принципы, условия, взаимодействие, следователь, оперативные подразделения, совместная деятельность.

Принципы являются одной из основных категорий, отражающих содержание любого правового явления, и находят свое закрепление как на конституционном уровне, так и на иных законодательных уровнях. Анализ справочной и научной литературы свидетельствует, что термин «принцип» (от лат. *principium* – начало, основа) определяется как основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки мировоззрения, политической организации и так далее; внутреннее убеждение человека, определяющее его отношение к действительности, нормы поведения и деятельности; основные особенности устройства какого-либо механизма, прибора [1, с. 588]. В правовой науке рассматриваются как основополагающие начала, отправные положения, руководящие идеи, характеризующие сущность права, его содержание и назначение в обществе [2, с. 182]. Значение принципов права заключается в том, что они являются той первоосновой, базисом, квинтэссенцией, на которой строятся все существующие отрасли права в Республике Беларусь, при этом представляют собой максимально абстрактно выраженные основные содержательные моменты, которые сформулированы в предельно сжатой форме.

В теории уголовного процесса, как отмечает А. П. Гуляев, принято выделять принципы применительно ко всему процессу либо ко всему процессу и отдельным его стадиям [3, с. 32]. Следуя данному мнению, считается целесообразным выделение принципов взаимодействия между следователем и оперативными подразделениями органов внутренних дел в отдельную группу, так как это будет способствовать углубленному научному исследованию вопросов взаимодействия и позволит более детально изучить специфику данной деятельности и определить проблемные вопросы с практической и теоретической точек зрения.

Одной из главных проблем, возникающих при определении совокупности принципов взаимодействия между следователями и оперативными подразделениями, является отсут-

ствие их четкого законодательного закрепления и рассредоточенности отдельных принципов в различных нормативных правовых актах, либо полное отсутствие законодательного закрепления и существование таких принципов в качестве научной абстракции, однако от этого не становящихся менее важными.

Обобщая, Н. А. Аменицкая отмечает, что принципы взаимодействия следователей и оперативных подразделений предопределены уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью, вытекают из их сущности и закономерностей и обусловлены ими [4, с. 33].

Ученые не раз пытались сформулировать принципы взаимодействия, однако не было достигнуто единства мнений по данному вопросу, и из-за этого происходит отождествление или смешивание понятий принципов и условий взаимодействия [5, с. 25; 6, с. 6]. Чтобы окончательно определиться, какой именно термин уместнее употреблять, следует обратиться к значению данных дефиниций, если термин «принципы», как нами было указано ранее, это основные исходные положения, то значение термина «условия» определяется как совокупность объектов (вещей, процессов, отношений), необходимых для возникновения, существования или изменения данного объекта (обуславливаемого) [7, с. 286]. Таким образом, это разные, однако не взаимоисключающие, а дополняющие друг друга категории, так как без создания определенных условий, принципы не могут быть реализованы. Резюмируя сказанное, следует согласиться с мнением В. М. Логвина, который считает, что отличием принципа от условия является устойчивость, неизменность, обязательность его выполнения. Игнорирование выполнения принципов лишает всякую деятельность смысла, чего нельзя сказать об условиях [8, с. 30].

Анализируя приведенные в научной литературе мнения ученых касательно системы, количества и содержания принципов взаимодействия между следователями и оперативными подразделениями органов внутренних дел, следует отметить, что одни авторы (к примеру, Н. Г. Шурухов, Ю. В. Гаврилин) называют четыре принципа взаимодействия: строгое соблюдение законности всеми участниками взаимодействия; разграничение компетенции субъектами взаимодействия; организующая роль следователя при взаимодействии с другими службами; комплексное использование сил, средств и методов, которыми располагает следователь и работники других подразделений органа внутренних дел [9, с. 39]; другие авторы (Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская) выделяют пять принципов взаимодействия: соблюдение законности; соблюдение подследственности; руководящая и организующая роль следователя; целеустремленность взаимодействия; плановость и динамичность взаимодействия [10, с. 478]; третьи (В. Ф. Статкус, В. А. Алферов) называют семь принципов взаимодействия: соблюдение законности, конституционных прав и свобод граждан; комплексное использование сил и средств органов внутренних дел; персональная ответственность следователя за проведение и результаты следственных действий; самостоятельность следователя в принятии решений; самостоятельность сотрудников оперативных подразделений в выборе средств и методов оперативно-розыскной деятельности; согласованность планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; непрерывность взаимодействия в организаторской деятельности, расследовании и раскрытии преступлений до принятия решения по уголовному делу [11, с. 19–20], четвертые (В. А. Михайлов) утверждают, что принципов взаимодействия как минимум десять: четкое уяснение участниками взаимодействия его целей и задач; процессуальная самостоятельность следователей и органов дознания; самостоятельность сотрудников оперативных подразделений в выборе средств и тактических приемов; соблюдение законности; комплексное использование сил и средств; непрерывный обмен информацией участников взаимодействия; согласованное планирование и выполнение следственных действий; процессуальный контроль и руководство взаимодействием; ведомственный контроль и ведомственное руководство взаимодействием; прокурорский надзор и судебный контроль за взаимодействием [12, с. 291–292]. В частности, В. М. Логвин выделяет одиннадцать принципов взаимодействия между следователями и оперативными подразделениями и приводит их деление на общие (соблюдение законности при взаимодействии; планирование совместного сотрудничества; научность взаимодействия) и специальные (стро-

гое разграничение компетенции субъектов взаимодействия; организующая роль следователя в процессе сотрудничества с оперативными работниками и его процессуальная самостоятельность в принятии решений; самостоятельность оперативных работников в выборе средств и методов, используемых для осуществления розыскных мероприятий в ходе взаимодействия; недопустимость разглашения данных предварительного следствия, а также сведений, раскрывающих средства, приемы и методы оперативно-розыскной деятельности; поддержание между сотрудничающими сторонами атмосферы взаимопомощи; возможность осуществления совместного сотрудничества; прокурорский надзор за совместным сотрудничеством следователей и оперативных работников органов внутренних дел) [8, с. 30].

Перечисленные принципы ученых могут как существенно различаться в своих формулировках, так и некоторые могут совпадать (например, принципы законности, научности, планирования совместной деятельности, организующей роли следователя, строгого разграничения компетенции между взаимодействующими субъектами и др.).

Проведенный комплексный анализ уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, научной литературы по теории управления, уголовного процесса, криминалистики, теории оперативно-розыскной деятельности, позволяет нам выделить следующие группы принципов взаимодействия следователей с оперативными подразделениями органов внутренних дел: общеправовые, отраслевые (межотраслевые) и специальные. Общеправовыми принципами взаимодействия являются принципы, которые распространяют свое действие на все отрасли существующего в Республике Беларусь законодательства и к ним следует относить: законность, гуманизм, научность, закрепление и обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Отраслевые (межотраслевые) принципы взаимодействия следователей с оперативными подразделениями органов внутренних дел определяются спецификой субъектов совместной деятельности. Если следователи действуют в рамках уголовного процесса и их деятельность регулируется нормами Уголовно-процессуального кодекса, то природа оперативных подразделений органов внутренних дел двояка, с одной стороны, они могут выступать в качестве органа дознания и их деятельность регулируется уголовно-процессуальным законодательством, с другой – они являются органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и их деятельность регулируется нормами оперативно-розыскного законодательства, часть которых ограниченного доступа. Вторым важным моментом является то, что и следователи и оперативные подразделения органов внутренних дел являются представителями различных не соподчиненных ведомств, которые имеют отдельное нормативное правовое регулирование, состоящее из Закона Республики Беларусь от 17.07.2007 № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [13] и Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 № 403-З «О Следственном комитете Республики Беларусь» [14]. Принципы, содержащиеся в перечисленных нормативных правовых актах и относящиеся как к следственной, так и к оперативно-розыскной деятельности, и будут отраслевыми (межотраслевыми) принципами взаимодействия. Такими принципами являются: независимость от деятельности других государственных органов, политических партий, общественных объединений и иных организаций; оценка доказательств по своему внутреннему убеждению; прокурорский надзор; сочетание гласных и негласных методов и средств деятельности при взаимодействии; единства системы Следственного комитета и органов внутренних дел Республики Беларусь и централизации управления.

Специальные принципы относятся непосредственно к рассматриваемому нами процессу взаимодействия между следователями и оперативными подразделениями органов внутренних дел, и составляют совокупность общеобязательных правил, которым должна быть подчинена совместная деятельность для наиболее эффективного и полного раскрытия и расследования преступлений. К ним относятся:

1. Организация и процессуальное руководство со стороны следователя. Этот принцип является одним из основных условий совместной деятельности и предполагает, что инициатива и организация совместной деятельности, как правило, исходит от следователя. Имен-

но он, с учетом конкретных обстоятельств дела, определяет, в каких случаях, когда, и на каком этапе необходимо привлечь сотрудников оперативных подразделений и для выполнения каких именно задач.

2. Самостоятельность сотрудников оперативных подразделений в выборе приемов и методов оперативно-розыскной деятельности. Суть принципа в том, что оперативный работник осуществляет необходимые оперативно-розыскные мероприятия по своему усмотрению, и следователь не вправе давать указания, какие именно негласные мероприятия необходимо проводить с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

3. Плановость взаимодействия. Проведение совместных действий как следственных, так и оперативно-розыскных, согласно единому плану расследования, составленному следователем. Данный план составляется следователем, однако должно быть учтено и мнение оперативных подразделений касательно расследуемого преступления. Представляется целесообразным составлять план расследования после изучения следователем аналогичного плана оперативно-розыскных мероприятий, составленного сотрудниками оперативных подразделений. Это позволит наиболее эффективно задействовать имеющиеся силы и средства на раскрытие и расследование преступлений, и позволит избежать дублирования одной и той же работы, как проводимой со стороны следователя, так и оперативных подразделений органов внутренних дел.

4. Непрерывность взаимодействия следователей с оперативными работниками при расследовании и раскрытии преступлений означает, что оно начинается с момента получения первичной исходной информации о преступной деятельности и продолжается на протяжении всего предварительного следствия, до принятия следователем окончательного решения по уголовному делу. Интенсивность взаимодействия предопределяется обстоятельствами дела и сложившейся на момент расследования следственной ситуацией.

5. Строгое разграничение компетенции субъектов взаимодействия. Это недопустимость осуществления деятельности каждой из взаимодействующих сторон за пределами отведенных законом полномочий.

6. Недопустимость разглашения данных предварительного следствия и сведений, полученных оперативно-розыскным путем, предполагает то, что сотрудники оперативных подразделений должны сохранять в тайне сведения, полученные по уголовному делу в ходе совместной деятельности, а следователь, в свою очередь, должен держать в тайне сведения о средствах и методах оперативно-розыскной деятельности, и не разглашать сведения, установленные в ходе оперативно-розыскной деятельности и не получившие процессуального оформления в виде доказательств.

7. Согласованность взаимной деятельности. Предполагает, что и следователь, и сотрудник оперативного подразделения достигли единого мнения о главных направлениях их совместной деятельности и тактике всего хода расследования по уголовному делу.

8. Наиболее рациональное и эффективное использование специальных сил и средств, находящихся в распоряжении субъектов взаимодействия. Основывается на разумном использовании в соответствии со складывающейся следственной ситуацией имеющихся в арсенале как у следователя, так и сотрудника оперативного подразделения специальных сил и средств, с целью достижения желаемого результата.

9. Создание и поддержание атмосферы делового сотрудничества и оказания взаимной помощи между субъектами взаимодействия. Предполагает наличие между сотрудниками взаимной заинтересованности и желания совместно работать.

10. Непрерывный взаимный обмен информацией между взаимодействующими субъектами, заключается в том, что и следователь, и сотрудник оперативного подразделения при получении какой-либо значимой информации, относящейся к расследуемому преступлению, извещают друг друга и знакомят с ней. Такой обмен может быть как процессуально оформлен в виде рапортов, уведомлений, так и не иметь процессуального оформления, происходить в виде совместного обсуждения, консультаций.

11. Быстрота и оперативность при осуществлении взаимодействия между следователями и сотрудниками оперативных подразделений. Любые совместные действия и решения должны осуществляться в максимально сжатые сроки и быть наиболее эффективными применительно к конкретной следственной ситуации.

12. Принцип персональной ответственности за результаты взаимодействия. Предполагает, что ответственность за раскрытие и расследование преступления должен нести не только следователь, проводивший расследование по уголовному делу, но и сотрудник оперативного подразделения органов внутренних дел, который осуществлял оперативное сопровождение по уголовному делу. Данное положение послужит дополнительным стимулом для сотрудников оперативных подразделений реально осуществлять работу в рамках взаимодействия, а не ограничиваться формальным исполнением своих должностных обязанностей.

13. Принцип инициативности любого из субъектов взаимодействия. Этот принцип подразумевает, что деловая инициатива должна исходить не только от следователей, но и от сотрудников оперативных подразделений, которые со своими предложениями относительно расследуемого уголовного дела могут обращаться к следователю, и совместно с ним выбирать определенные направления взаимодействия. Главным условием при реализации данного принципа является строгое разграничение компетенции между субъектами взаимодействия и недопущение замены руководящей роли следователя при расследовании преступлений сотрудником оперативного подразделения органов внутренних дел.

14. Принцип интеграции. Данный принцип нами был позаимствован из науки менеджмента, в которой он означает интегрированность внутри системы управления различных способов отношений и взглядов сотрудников, а вне фирмы может происходить разделение на свои миры [15, с. 82]. Применительно к взаимодействию между следователями и оперативными сотрудниками это означает, что во время взаимодействия все интересы как следователей, так и сотрудников оперативных подразделений должны сводиться к одной цели – полному и объективному расследованию преступления вне зависимости от сложившихся межличностных отношений, темпераментов, деловых качеств каждого.

Приведенный обобщенный перечень принципов взаимодействия между следователями и оперативными подразделениями органов внутренних дел не является исчерпывающим и может быть дополнен в зависимости от формы взаимодействия.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы:

- под принципами взаимодействия следователей и оперативных работников следует понимать основополагающие начала, отправные положения, руководящие идеи, характеризующие содержание совместной деятельности между следователями и оперативными подразделениями органов внутренних дел и получившие свое законодательное закрепление, а также теоретическое обоснование, реализация которых зависит от определенных условий;

- различие между принципами и условиями взаимодействия заключается в том, что принципы являются основными, руководящими положениями, характеризующимися такими признаками, как устойчивость, неизменность, обязательность выполнения, а условия упрощенно представляют собой благоприятные предпосылки, необходимые для реализации принципов взаимодействия;

- выделение и обособление принципов взаимодействия между следователями и оперативными подразделениями на общеправовые, отраслевые (межотраслевые) и специальные обосновано специфичностью данной деятельности, необходимостью конкретизации основных положений, на которые должен опираться как следователь, так и сотрудник оперативного подразделения при осуществлении совместной деятельности;

- каждый из перечисленных принципов отражает такую сторону взаимодействия между следователями и оперативными подразделениями органов внутренних дел, без которой невозможно наиболее полное и объективное раскрытие и расследование преступлений;

- значение принципов взаимодействия состоит в их регулятивном воздействии на совместную деятельность следователей и оперативных подразделений органов внутренних дел, а также в создании вектора направления совместной деятельности при отсутствии должного нормативно-правового регулирования.

Список использованных источников

1. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / А. М. Прохоров (гл. ред) [и др.]. – М. : 1969 – 1978. – Т. 20. – 1975. – 607 с.
2. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права: учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский; под. общ. ред. проф. В. А. Кучинского. – М. : Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2004. – 640 с.
3. Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе / А. П. Гуляев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 192 с.
4. Аменицкая, Н. А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. А. Аменицкая. – Нижний Новгород, 2006. – 201 л.
5. Гапанович, Н. Н. Основы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений : учеб. пособие / Н. Н. Гапанович, И. И. Мартинович. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 104 с.
6. Чуприна, Е. П. Теоретические аспекты проблемы взаимодействия участников расследования преступлений [Электронный ресурс] / Е. П. Чуприна. – Режим доступа : <http://law.bsu.by/pub/24/Chupryna-1.pdf>. – Дата доступа : 05.12.2017.
7. Философская энциклопедия : в 5 т. / редкол.: Ф. В. Константинов (гл. ред.) [и др.]. – М. : Ин-т философии, 1960–1970. – Т. 5. – 1970. – 740 с.
8. Логвин, В. М. Правовые и организационные аспекты взаимодействия следователей и оперативных работников органов внутренних дел при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. М. Логвин. – Минск, 1999. – 179 л.
9. Гаврилин, Ю. В. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений : Курс лекций / Ю. В. Гаврилин, Н. Г. Шурухнов; под ред. Н. Г. Шурухнова. – М. : Книжный мир, 2004. – 468 с.
10. Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : НОРМА, 2007. – 944 с.
11. Расследование преступлений в сфере экономики. Руководство для следователей / И. Н. Кожевников [и др.]; под ред. : И. Н. Кожевникова. – М. : Спарк, 1999. – 415 с.
12. Волынский, А. Ф. Криминалистика : учебник / Под. ред. проф. А. Ф. Волынского. – М. : Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 615 с.
13. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З : в ред. от 19 июля 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
14. О Следственном комитете Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-З : в ред. от 23 авг. 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
15. Кабушкин, Н. И. Основы менеджмента : учеб. пособие для студентов вузов / Н. И. Кабушкин. – 5-е изд., стер. – Минск : Новое знание, 2002. – 335, [1] с.

Дата поступления: 22.03.2018

D. V. Kostyukevich

Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty
of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

**PRINCIPLES OF INTERACTION BETWEEN INVESTIGATORS AND OPERATIONAL UNITS OF
INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

This article is devoted to the analysis of the principles of interaction between investigators and operational divisions of internal affairs bodies. The basic scientific approaches to the definition of the principles of interaction are outlined. The author draws a distinction between the principles and conditions of interaction. The own classification of the principles of interaction between investigators and operational divisions of internal affairs bodies has been derived and substantiated to the following groups: general legal, sectoral (interbranch) and special. The essence and importance of special principles of interaction between investigators and operational divisions of law-enforcement bodies are revealed.

Keywords: principles, conditions, interaction, investigator, operational units, joint activities.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

УДК 343.98

Е. П. Орехова

кандидат юридических наук
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь
E-mail: orekhovaep@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ НАЗНАЧЕНИЯ ПОВТОРНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

В статье с учетом имеющихся теоретических исследований, на основании анализа норм процессуального законодательства рассматриваются проблемы назначения повторных экспертиз; определяются и исследуются основания их назначения. Анализируется соответствующее законодательство некоторых зарубежных стран. В статье делается предложение по унификации норм процессуального законодательства, регламентирующего порядок назначения повторной экспертизы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, повторная экспертиза, уголовный процесс, административный процесс, гражданский процесс, хозяйственный процесс.

Вопросы, связанные с назначением повторной экспертизы, всегда имели и имеют важное процессуальное значение. Однако возможность решения многих экспертных задач при проведении повторных экспертиз возникла гораздо позже, чем начали проводиться соответствующие исследования в рамках первичных экспертиз. Это связано, в первую очередь, с развитием возможностей предметных наук (физики, химии и т. д.). Первоначально специалистами при исследовании ряда объектов использовались только разрушающие методы, что не позволяло повторно проводить экспертизу. Однако развитие судебной экспертизы привело к разработке и внедрению неразрушающих методов экспертного исследования и запрету на законодательном уровне использовать разрушающие методы исследования без соответствующего разрешения органа, назначившего экспертизу.

Назначение повторной экспертизы является достаточно сложным процессуальным действием, которое сопровождается установлением, сохранены ли признаки и свойства объектов, предоставляемых на экспертизу; выбором судебно-экспертного учреждения или эксперта, которым будет поручено производство экспертизы, а также определением основания назначения повторной экспертизы. По статистике, в 2014 г. в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь было проведено 997 повторных экспертиз, в 2015 г. – 812, а за 4 месяца 2016 г. – 208 [1].

В научной литературе основания назначения судебных экспертиз активно дискутируются, начиная с середины прошлого столетия. Первая на постсоветском пространстве диссертация, посвященная повторным экспертизам, была защищена А. Я. Палиашвили [2]. В дальнейшем основания назначения повторных экспертиз исследовались Т. В. Аверьяновой, А. В. Дуловым, В. П. Ивановым, Е. Р. Россинской, А. С. Рубисом, Г. А. Цимакурдзе, М. С. Штейнгауз, А. Р. Шляховым и др.

Относительно вопроса назначения повторной экспертизы М. А. Чельцов, Н. В. Чельцова (1954 г.) одни из первых указали, что по уголовным делам обычно она назначается в тех случаях, когда следователь считает неправильной примененную экспертом методику или явно ошибочным выдвинутое им опытное положение [3, с. 166–167], однако не раскрыли, что имеется в виду под указанными основаниями.

Н. А. Селиванов (1959 г.) [4, с. 12–13] выделил семь поводов для назначения повторной экспертизы:

- заключение эксперта является неконкретным, неопределенным или неясным;
- заключение эксперта является, по мнению следователя, необоснованным;
- эксперт, по мнению следователя, применил неправильную методику исследования, либо не применил методов, доступных данной экспертизе на современном уровне развития науки;
- заключение эксперта находится в серьезном противоречии с другими материалами дела;
- качество экспертизы дает основание сомневаться в компетентности эксперта;
- возникает сомнение в беспристрастности эксперта;
- выявляются ошибки, допущенные при собирании материалов для первичной экспертизы.

Затем некоторыми учеными (А. В. Дуловым (1962 г.), Б. Л. Зотовым (1964 г.) [5, с. 303; 6, с. 366]) выделялись обязательные, существенные основания назначения повторной экспертизы. Другими же авторами было предложено классифицировать основания к назначению рассматриваемого вида исследований. Например, Г. А. Цимакуридзе выделил пять групп оснований [7, с. 185–194]. Большинство же ученых пошли по пути детализации указанных в законодательстве оснований назначения повторной экспертизы (например, Э. М. Прасолова, Т. В. Аверьянова [8, с. 24; 9, с. 323]).

Согласно процессуальному законодательству Республики Беларусь, повторная экспертиза назначается в случаях, когда:

- 1) заключение эксперта, проводившего первоначальную экспертизу, недостаточно обосновано;
- 2) выводы заключения эксперта вызывают сомнения;
- 3) представленные эксперту материалы признаны недостоверными;
- 4) имеются противоречия между заключениями нескольких экспертов;
- 5) были нарушены правила проведения экспертизы.

Первых два указанных выше основания для назначения повторных экспертиз изложены во всех четырех процессуальных кодексах – ч. 2 ст. 239 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [10] (далее – УПК); ч. 2 ст. 10.22 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [11] (далее – ПИКоАП); п. 2 ст. 228 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь [12] (далее – ГПК); п. 2 ст. 95 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь [13] (далее – ХПК). Четвертое основание – в ГПК и ХПК. Третье и пятое основания закреплены только в ХПК.

Стоит отметить, что в ХПК определен самый широкий перечень оснований для назначения повторной экспертизы по сравнению с соответствующими нормами УПК, ПИКоАП, ГПК.

Рассмотрим каждое из оснований назначения повторной экспертизы.

1. Заключение эксперта, проводившего первоначальную экспертизу, недостаточно обосновано. Это означает, что имеются основания полагать: эксперт исследовал не все представленные ему объекты или признаки объектов; не учел наличие некоторых свойств и признаков объекта, что выявляется при оценке заключения эксперта, а также при вызове эксперта органом, ведущим процесс, для дачи необходимых пояснений по представленному им заключению в соответствии со ст. 237 УПК, ст. 10.21 ПИКоАП, п. 2 ст. 227 ГПК, п. 6 ст. 94 ХПК.

Первое основание для назначения повторной экспертизы тесно связано со вторым, следующим, основанием.

2. Сомнения в выводах заключения эксперта могут быть вызваны научно-методическими, расчетными, логическими ошибками. К таковым ошибкам относится использование недостаточно правильной и эффективно применяемой методики исследования, недостаточная аргументация проведенных исследований и отсюда – возникновение отдельных неточно-

стей в полученных выводах; нелогичность проведенных исследований и выводов; неточное изложение разработанных научных положений, используемых при производстве экспертизы [8, с. 24], не использование в процессе исследований всех имеющихся исходных данных; непроведение необходимых исследований, в результате чего не обнаружилась действительная сущность исследуемых объектов, скрытая от следствия и суда [5, с. 303]. Во избежание научно-методических ошибок Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь успешно внедряется система менеджмента качества [14], предполагающая в том числе и проведение стандартизации методик экспертного исследования и ведение реестра методик [15]. К слову, как отмечает Председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь А. И. Швед, созданная система контроля качества экспертиз способствовала значительному сокращению случаев, когда при производстве повторной экспертизы были изменены выводы первичных экспертиз (Выводы изменяются в пределах двух десятков в год) [1].

Первых два основания назначения повторных экспертиз наиболее распространенные в зарубежном законодательстве, например, в процессуальном законодательстве Республики Молдова (ч. 2 ст. 148 Уголовно-процессуального кодекса [16]; ч. 2 ст. 159 Гражданского процессуального кодекса [17]); Республики Польша (ст. 201 Уголовно-процессуального кодекса [18]); Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 86 Экономического процессуального кодекса [19], ч. 2 ст. 220 Уголовно-процессуального кодекса [20], ч. 2 ст. 89 Гражданского процессуального кодекса [21]) и др. Однако, стоит отметить, что в законодательстве Польши и Молдовы указывается, что повторное исследование проводится, если выявленные недостатки первичной экспертизы не могут быть устранены посредством заслушивания эксперта. Данное уточнение, на наш взгляд, является целесообразным. В Беларуси только в уголовно-процессуальном законодательстве четко перечислены основания для вызова эксперта на допрос. Так, в соответствии с частью 2 пункта 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [22], вызов эксперта в судебное заседание может иметь место в случаях, когда:

а) на предварительном расследовании не была проведена экспертиза для установления обстоятельств дела с помощью специальных знаний эксперта, возникла необходимость и имеется возможность ее проведения по результатам судебного разбирательства;

б) при проведении экспертизы в ходе предварительного расследования не были поставлены вопросы, необходимые для рассмотрения дела судом;

в) имеются противоречия между исследовательской частью заключения и выводами эксперта;

г) в основу выводов эксперта положены противоречивые исходные данные;

д) выводы эксперта находятся в противоречии с другими обстоятельствами по делу и это противоречие не может быть устранено без участия эксперта;

е) эксперты, участвовавшие в проведении экспертизы, пришли к различным выводам;

ж) в деле появились новые данные, которые не были известны эксперту, проводившему экспертизу на предварительном следствии;

з) стороны не согласны с выводами эксперта, обосновывают это заслуживающими внимания доводами и ходатайствуют о вызове эксперта в суд;

и) в связи со сложностью рассмотрения дела выводы эксперта имеют важное значение для всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела и в иных случаях.

В административном, гражданском, хозяйственном процессуальном законодательстве закреплена возможность суда заслушать объяснения эксперта (ст. 10.21 ПИКоАП, ст. 227 ГПК, абз. 4 п. 3 ст. 184 ХПК), хотя основания вызова эксперта в суд четко не оговорены в законодательстве. Полагаем, что изложенные выше основания для вызова эксперта на допрос (опрос) могут быть применены не только в уголовном процессе, но и в гражданском, хозяйственном, административном.

3. Представленные эксперту материалы признаны недостоверными. Данное основание предполагает, что при производстве первичной экспертизы на исследование были представлены материалы, в отношении которых в дальнейшем в ходе судопроизводства было установлено, что они недостоверны, т. е., например, получены из недостоверного источника или не из того, из которого считалось, что получают; либо не относятся к материалам дела и т. п. Однако это не касается производства экспертизы, поскольку эксперт провел первичную экспертизу в соответствии со всеми требованиями и для него представленный на исследование объект является допустимым. Назначенная в таком случае повторная экспертиза будет проводиться уже по другим объектам, что противоречит сущности повторной экспертизы.

4. Имеются противоречия между заключениями нескольких экспертов, что можно рассмотреть двояким образом. В первом смысле – наличие противоречий между двумя и более заключениями эксперта. Во втором смысле – наличие противоречий между заключениями нескольких экспертов может пониматься как возникновение разногласий между экспертами при производстве комиссионной экспертизы – и в результате составление отдельных заключений по вопросам, вызвавшим разногласия, т. е. предоставление особого мнения эксперта (ст. 218 ГПК, п. 8 ст. 96 ХПК). Согласно гражданскому процессуальному и хозяйственному процессуальному законодательству (п. 1 ст. 241 ГПК, п. 1 ст. 108 ХПК), суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании доказательств, имеющихся в деле. Иными словами, суд должен оценить заключение эксперта и при необходимости вызвать эксперта для дачи пояснений (объяснений) (ст. 227 ГПК, пп. 5, 6 ст. 94 ХПК). Если оба заключения эксперта вызывают сомнения, то тогда возможно назначение повторной экспертизы. В противном случае следует в качестве средства доказывания принимать заключение эксперта, не вызвавшее сомнений. К тому же при производстве повторной экспертизы, назначенной по данному основанию, будут сформулированы выводы, противоречивые выводам хотя бы одного из имеющихся уже в деле заключений эксперта. При этом, как правильно отмечают А. С. Рубис и И. А. Мороз, «эксперту не предоставлено право оценки выводов других экспертов. Закон обязывает эксперта оценить (специальная оценка) обоснование вывода» [23, с. 66], не давая при этом оценку заключения эксперта как средству доказывания. Учитывая, что стоимость производства судебной экспертизы включается в судебные расходы, возмещаемые по решению суда заинтересованными в исходе дела сторонами (гл. 15 ГПК, гл. 11 ХПК), то, полагаем, суд сначала должен оценить все имеющиеся в деле доказательства, в том числе заключения эксперта. Назначать повторную экспертизу суд может тогда, когда сохранилась необходимость в специальных познаниях для разрешения дела, но при этом во всех имеющихся в деле заключениях эксперта суд усомнился.

5. Нарушение правил проведения экспертизы предполагает нарушение норм хозяйственного процессуального права, регламентирующих порядок назначения и производства судебной экспертизы, выход эксперта за пределы своей компетенции, отсутствие подписки эксперта о том, что ему разъяснены его права и обязанности, и он предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения эксперта, отказ либо уклонение без уважительных причин от исполнения возложенных на эксперта обязанностей (ст. ст. 401, 402 Уголовного кодекса Республики Беларусь [24]). Нарушение правил проведения экспертизы может повлечь признание заключения эксперта недопустимым или недостоверным доказательством. Недостоверность заключения эксперта тесно связана с двумя первыми названными выше основаниями для назначения повторной экспертизы.

Как отмечает Председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь А. И. Швед, «отдельные особенности процессуальной регламентации порядка проведения экспертиз обусловлены скорее несовершенством процессуального регулирования и отсутствием единых взвешенных подходов, чем видовыми особенностями судопроизводства. Следует также отметить, что к порядку проведения экспертиз, применению

методик экспертного исследования, оформлению его результатов правовыми актами Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь предъявляются единые требования» [25, с. 165]. Это указывает на необходимость дальнейшей унификации подходов к процессуальному регулированию порядка назначения повторных экспертиз.

Анализ норм процессуального законодательства Российской Федерации (ч. 2 ст. 87 Арбитражного процессуального кодекса [26], ч. 2 ст. 87 Гражданского процессуального кодекса [27], ч. 2 ст. 207 Уголовно-процессуального кодекса [28]) указывает на единообразие оснований для назначения повторных экспертиз, в качестве которых закреплены 1) возникновение сомнений в обоснованности заключения эксперта, 2) наличие противоречий в выводах эксперта или комиссии экспертов.

Приблизительно одинаковые основания назначения повторных экспертиз изложены в процессуальном законодательстве Республики Казахстан (ч. 3 ст. 90 Гражданского процессуального кодекса [29] (регулирует в том числе процессуальные отношения, возникающие между юридическими лицами), ч. 3 ст. 287 Уголовно-процессуального кодекса [30]), а именно: предыдущее заключение эксперта недостаточно обосновано; его выводы вызывают сомнение; существенно нарушены порядок и методика производства экспертизы.

Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств был принят Модельный Уголовно-процессуальный кодекс [31], согласно которому повторная экспертиза производится, когда заключение эксперта недостаточно обосновано или вызывает сомнение или признаны недостоверными доказательства, на которые оно опирается, или были нарушены процессуальные правила производства экспертизы (ч. 2 ст. 293). Названный акт является рекомендательным законодательным актом, на который государства-участники Содружества Независимых Государств могут ориентироваться при принятии национальных нормативных правовых актов.

Таким образом, представляется целесообразным унифицировать основания назначения повторных экспертиз в уголовном, административном, гражданском, хозяйственном процессах Республики Беларусь, указав, что повторная экспертиза может быть назначена в случае необоснованности заключения эксперта, наличия сомнений в его правильности, если эти недостатки не могут быть устранены посредством заслушивания эксперта. Данные изменения и дополнения предлагается внести в процессуальные кодексы Беларуси, а также иные акты, регламентирующие порядок назначения повторных экспертиз.

Список использованных источников

1. Полномочия судебного эксперта должны быть расширены [Электронный ресурс] // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. – Режим доступа : http://sudexpert.gov.by/ru/list_news_occurrence_n.html?news_id=2028. – Дата доступа : 10.02.2018.
2. Палиашвили, А. Я. Повторная криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Я. Палиашвили; ВНИИСЭ МЮ РСФСР. – М., 1958. – 15 с.
3. Чельцов, М. А. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе / М. А. Чельцов, Н. В. Чельцова. – М. : Госюриздат, 1954. – 279 с.
4. Виноградов, И. В. Экспертиза на предварительном следствии / И. В. Виноградов, Г. И. Кочаров, Н. А. Селиванов. – М. : Юрид. лит., 1959. – 248 с.
5. Дулов, А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы / А. В. Дулов; под ред. Д. С. Карева. – Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 408 с.
6. Криминалистика : учебник / Р. С. Белкин [и др.], под ред. С. П. Митричева, М. П. Шаламова. – М., 1964. – 544 с.
7. Цимакурдзе, Г. А. Процессуальные и методические вопросы криминалистической экспертизы в Грузинской ССР / Г. А. Цимакурдзе. – Тбилиси : Изд-во Сабчота Сакартвело, 1967. – Кн. 1. – 202 с.

8. Прасолова, Э. М. Теория и практика криминалистической экспертизы : учеб. пособие / Э. М. Прасолова. – М. : Изд-во УДН, 1985. – 72 с.
9. Эксперт: руководство для экспертов органов внутренних дел / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. – М. : КноРус : Право и закон, 2003. – 591 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г., № 93-3 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
11. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г., № 95-3 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
12. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г., № 94-3 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
13. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г., № 19-3 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
14. Евмененко, С. А. СМК как инструмент обеспечения качества работы и доверия к результатам экспертизы / С. А. Евмененко, С. Н. Нефедов // Право и государство. – 2016. – № 2 (71). – С. 90–94.
15. Нефедов, С. Н. Стандартизация методического обеспечения судебно-экспертной деятельности / С. Н. Нефедов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол. : А.С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2017. – Вып. 2 (42). – С. 61–72.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 14 марта 2003 г., № 122-XV : принят Парламентом : в ред. Закона Респ. Молдова от 21.07.2017 г. // Registrul de stat al actelor juridice al Republicii Moldova. – Режим доступа : <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=3501719>. – Дата доступа : 07.02.2018.
17. Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 30 мая 2003 г., № 125-XV : принят Парламентом : в ред. Закона Респ. Молдова от 12.06.2014 г. // Registrul de stat al actelor juridice al Republicii Moldova. – Режим доступа : <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=286229&lang=2>. – Дата доступа : 07.02.2018.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Польша [Электронный ресурс] : Dz.U. 1997 Nr 89, poz. 555: t.j. Dz.U. z 2017 r. poz. 1904 // Legalis – Режим доступа : <https://sip.lexalis.pl/document-full.seam?documentId=mfrxilrtg4ytcnjtha4dcltvmvzc4mjxgu3dg#id=mfrxilrtg4ytcnjtha4dcltqmfyfc4nbqgiytamjsgexhmzlsfytonbvge>. – Дата доступа : 07.02.2018.
19. Экономический процессуальный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : 5 янв. 2008 г., № 15 : принят Парламентом: в ред. Закона Респ. Таджикистан от 30.05.2017 г. // Законодательство стран СНГ. – Режим доступа : http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=21129. – Дата доступа : 07.02.2018.
20. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : 3 дек. 2009 г., № 12 : принят Парламентом : в ред. Закона Респ. Таджикистан от 24.02.2017 г. // Законодательство стран СНГ. – Режим доступа : http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=30692. – Дата доступа : 07.02.2018.
21. Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : 5 янв. 2008 г., № 14 : принят Парламентом : в ред. Закона Респ. Таджикистан от 14.05.2016 г. // Законодательство стран СНГ. – Режим доступа : http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=21129. – Дата доступа : 07.02.2018.
22. О судебной экспертизе по уголовным делам [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2001 г., № 1: в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 г., № 1 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

23. Рубис, А. С. К вопросу о компетенции эксперта в решении вопросов правового характера / А. С. Рубис, И. А. Мороз // Криминалистика. – 2010. – № 1. – С. 60–68.

24. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г., № 53-З // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

25. Швед, А. И. Подходы к определению понятий «судебная экспертиза» и «судебно-экспертная деятельность» / А. И. Швед // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 окт. 2016 г. / БГУ, Юрид. фак.; редкол. : С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 163–167.

26. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 14 июня 2002 г. : одобр. Советом Федерации 10 июля 2002 г. : в ред. Федер. закона от 28.12.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

27. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 11 нояб. 2002 г., № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г. : одобр. Советом Федерации 30 окт. 2002 г. : в ред. Федер. закона от 28.12.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

28. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 31.12.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

29. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 31 окт. 2015 г., № 377-V : в ред. Закона РК от 12.12.2017 г. // Параграф. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053#pos=0. – Дата доступа : 13.01.2018.

30. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 4 июля 2014 г., № 231-V : в ред. Закона РК от 28.12.2017 г. // Параграф. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=0. – Дата доступа : 13.01.2018.

31. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (рекомендательный законодательный акт) [Электронный ресурс] : принят постановлением Межпарлам. Ассамблеи, 17 февр. 1996 г. – Режим доступа : <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/ipa.pdf>. – Дата доступа : 07.02.2018.

Дата поступления: 30.03.2018

К. Р. Orekhova

Candidate of Juridical Sciences

Belarusian State University

Minsk, Belarus

TO THE QUESTION OF A SECOND FORENSIC EXAMINATION

In the article, taking into account the available theoretical studies, on the basis of the analysis of the norms of the procedural legislation, problems of a second forensic examination are considered. The relevant legislation of some foreign countries is analyzed. The article makes a proposal on the unification of the norms of the procedural legislation regulating the procedure of a second forensic examination.

Keywords: forensic examination, second forensic examination, criminal process, administrative process, civil process, economic process.

УДК 343.98

Г. А. Павловец

кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: pga241083@mail.ru

Е. Л. Лужинская

Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: lygikova_7@mail.ru

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассматриваются вопросы зарождения, становления портретной экспертизы. На основе исторического анализа выделяются четыре периода: «описательно-регистрационный», «аналитико-синтетический», «период экспертного исследования» и «верификационно-сравнительный», и раскрывается содержание каждого из них. Описываются методы исследования внешнего облика человека, объекты, характерные для каждого временного этапа. Также в статье проведен обзор научных источников, заложивших теоретическую и методическую базу портретной экспертизы.

Ключевые слова: внешний облик человека, «описательно-регистрационный», «аналитико-синтетический», «период экспертного исследования» и «верификационно-сравнительный», методы исследования, портретная экспертиза.

Под портретной экспертизой традиционно понимается одна из форм идентификации личности человека, которая базируется на теоретических основах исследования внешнего облика человека. Представляется, что для выявления пробелов, существующих в настоящее время в портретной экспертизе, а также для совершенствования данного вида исследований важно иметь представление о том, что явилось предпосылкой зарождения исследований внешнего облика человека в целом, проследить процесс эволюции портретной экспертизы, проанализировать современное ее состояние и спрогнозировать перспективы дальнейшего совершенствования и развития.

На пути становления исследований внешнего облика человека использовались различные по своей природе методы, менялась правовая регламентация отождествления человека по определенным признакам, появлялись новые объекты исследования. Все это обусловило необходимость рассмотрения данного вида исследования на различных исторических этапах. Так, на основании анализа различных литературных источников предлагается выделять такие периоды, как: «описательно-регистрационный», «аналитико-синтетический», «период экспертного исследования» и «верификационно-сравнительный».

Исследование внешнего облика имеет долгую историю. Уже в глубокой древности у людей сформировалось осознание необходимости вербального описания внешности человека с последующим его узнаванием (опознанием) по данному описанию. Так, первое упоминание об описаниях преступников содержится в письменных источниках времен римского правления, созданных более 2 тысяч лет назад. В одном из документов, составленном в 4 в. до н. э., было дано следующее описание сбежавшего раба: «Молодой раб Аристогена,

сына Хризиппа, бежал в Александрию. Имя раба – Герман, прозвище – Нейлос. Он уроженец Сирии. Рабу 18 лет. Он среднего роста, безбородый, с прямыми ногами. На лице – рубец через левый угол рта, чечевицеобразная бородавка на левой стороне носа, ямочка на подбородке. На правом запястье татуировка варварскими буквами. Одет в хламиду и кожаный фартук» [1, с. 6].

Р. Гейндль привел данные об использовании специализированного описания признаков внешности человека методом «Кулай-Пулай», применяемым в Древнем Египте 300 лет до нашей эры. Описание велось подробное (Кулай): имя, возраст, рост, особенности фигуры, цвет кожи, волос, глаз, форма лица, особые приметы (бородавки, шрамы) и т. п. и краткое (Пулай): возраст и особые приметы [2, с. 19].

Длительный период времени в развитии описания внешности человека ознаменован накоплением эмпирической базы. Происходит аккумулирование знаний о внешности человека, развитие навыков описания, формируется умение выделять особые приметы (шрамы, бородавки и др.) и предавать им качественные характеристики, ассоциирующиеся у людей с предметами обихода, а также развивается система фиксации признаков внешности (письмо, рисунок). Хотя уже с древних времен целью описания внешности был учет преступников, который и лег в дальнейшем в основу криминалистической регистрации, однако он носил бессистемный и фрагментарный характер. Свое становление как система учета преступников, путем их описания, получил в средние века.

Накопленный эмпирический материал, появление системы в учете преступников явились предпосылками к формированию «*описательно-регистрационного*» периода в развитии портретной экспертизы, начало которого можно отнести к XIII в. н.э.

Первые сведения в истории России, говорящие о регистрации преступников, связаны с клеймением и датируются 1270 г., когда между городом Новгородом и Гопландом, немецким городом, был составлен договор, в котором указывалось, что «вор вещи ценой полу-гривны наказывает розгами и клеймением в щеку» [3].

В XVII в. клейма налагались калёным железом, а со времен Петра I – особыми штемпелями с насаженными стальными иглами, которые образовывали буквы; иглы повреждали слои кожи и получались раны, которые до 1846 г., для неизгладимости, затирались порошком, а с 1846 г. – смесью индиго и туши [4].

Также для опознания и регистрации лиц, которые ранее совершили преступления, применяли членовредительство, т. е. указанной категории лиц отрезали ухо, вырывали ноздри, отрубали кисть и т. д.

В Указе Петра I от 15 января 1724 г. «О вынимании у каторжных колодников ноздрей до кости» было написано: «...Его императорское величество указал: во всех местах, из которых в каторжную вечную работу присылаются, вынимать ноздри до кости, дабы, когда случится таким сбежать, чтоб везде утаиться было не можно, и для лучшей поимки были знатны...» [5, с. 833]. Из Указа видно, что членовредительство применялось исключительно в целях отметки или регистрации преступников.

С середины XVIII в. приметы внешности преступников стали повсеместно применяться и при уголовной регистрации [6, с. 24]. Так, в XIX в. на территории Беларуси начали формироваться сыскные отделения [6, с. 25]. В данных подразделениях заводились реестры учета преступников. Реестр состоял из двух частей: анкетные данные и основные приметы задерживаемых и разыскиваемых преступников.

С учетом изложенного, необходимо отметить, что «описательно-регистрационный» период характеризуется применением метода описания внешности человека с целью его идентификации. Однако длительный период времени его применение было малоэффективно и недостаточно [7, с. 74]. Это объясняется рядом причин: во-первых, при описании внешности человека и последующем сравнении использовались только качественные ха-

раактеристики, которые носили субъективный характер (один и тот же признак внешности мог восприниматься каждым человеком по-разному), во-вторых, отсутствовали единые термины описания (использовались слова из обиходного языка); в-третьих, отсутствовала системность (внешность описывалась в хаотичном порядке, что затрудняло при прочтении описания внешности сформировать в сознании человека целостность образа лица, с дальнейшей возможностью его опознать).

Для объективизации процесса идентификации человека по признакам внешности требовалось наличие точных размерных характеристик, с последующим установлением их соотношений со словесными эквивалентами.

Выделение следующего периода развития «портретной экспертизы» – «*аналитико-синтетического*» – предлагается связать с именем французского криминалиста А. Бертильона и разработанных им методов «антропометрической идентификации», «словесного портрета», а также способов сигналетической фотосъемки. Началом периода следует считать середину XIX в. Такое название периода, как «аналитико-синтетический», в большей степени, отражает его сущность, поскольку, благодаря разработанным методам, внешний облик человека представлялся в виде системы элементов (частей тела, «деталей»), которые первоначально в ходе анализа изучались каждый по отдельности, а впоследствии синтезировались в единый образ, который и подлежал сопоставлению с живым человеком (трупом), либо его фотографией.

Невозможно не отметить в данном периоде такой результат научно-технического прогресса, как изобретение фотографии и дальнейшее ее использование в розыскных целях, следственной и затем в экспертной практике. Ведь появление фотографии является первым материально-фиксированным, лишенным субъективизма, отображением внешности человека, которое впоследствии, становится одним из самых распространенных объектов портретной экспертизы.

А. Бертильон разработал способ точного фотографирования преступников, получивший название сигналетической фотосъемки (до этого использовались приемы художественной фотографии).

Благодаря данному методу фотосъемки, стало возможным проводить измерения по фотоснимкам, сделанным с соблюдением специальных правил. Человек фотографировался с трех ракурсов: в профиль и анфас в 1/7 натуральной величины и во весь рост в 1/20 натуральной величины [8].

Помимо разработки сигналетической фотосъемки, А. Бертильоном был усовершенствован метод «антропометрической идентификации» и разработан метод «словесного портрета».

Метод «антропометрической идентификации» основывался на разработках бельгийского ученого Кетле Ламбера Адольфа Жака, утверждавшего, что нет двух индивидов, равных друг другу по размерам частей тела [9].

При регистрации заключенных А. Бертильон предложил измерять рост стоя, сидя; длину распростертых рук; длину и ширину головы; расстояние между скуловыми костями; длину и ширину правого уха; длину левой стопы; длину среднего пальца и мизинца левой руки; длину левого предплечья. Данные заносились в специальную антропометрическую картотеку [10, с. 6].

Большое значение для развития «портретной экспертизы» имел разработанный А. Бертильоном метод «словесного портрета». Данный метод представлял собой упорядоченную систему описания внешнего облика человека с использованием единой научной терминологии. Все признаки внешности человека делились им на основные (подлежащие обязательной фиксации) и дополнительные (подлежащие фиксации в случае их отклонения от средних величин) [11].

Заложенные А. Бертильоном основы метода «словесного портрета» получили свое дальнейшее развитие в работе швейцарского криминалиста Р. А. Рейсса «Словесный портрет. Описание и отождествление личности по методу Альфонса Бертильона».

В данной работе существенно упростилась система описания внешности, а также были конкретизированы сферы использования словесного портрета, в числе которых указывались: 1) розыск; 2) отождествление фотографических карточек, изготовленных в полиции; 3) сравнение карточки словесного портрета с фотографиями, и последних между собой; 4) сравнение субъекта (арестованного) с его фотографической карточкой; 5) опознание фотографии; 6) опознание на расстоянии; 7) опознание трупа; 8) розыскной альбом [8].

В ходе изучения «аналитико-синтетического» периода установлено, что яркая динамика, выразившаяся в появлении новых методов исследования внешнего облика человека, наблюдалась лишь с конца XIX до начала XX в. Далее происходило развитие и совершенствование метода «словесного портрета» и внедрение его в практическую деятельность. Данное направление на протяжении длительного времени развивали В. И. Лебедев [12], С. Н. Трегубов [13], А. Даае и Х. Мадсен (А. Daae, Н. Madsen) [14], Д. П. Кавальери (D. P. Cavaliere) [15]. Труды вышеназванных зарубежных и отечественных ученых в целом основывались на идеях А. Бертильона и Р. А. Рейсса, кардинально значимых изменений в метод «словесного портрета» не вносили и, в большей степени, носили обзорно-прикладной характер.

Несмотря на то, что «метод словесного портрета» стремительно внедрялся в практическую деятельность правоохранительных органов путем решения задач оперативного распознавания разыскиваемых в следственной и оперативно-розыскной работе, отсутствовало процессуальное оформление результатов использования специальных познаний (в том числе и «метода словесного портрета»), используемых в целях идентификации личности по внешнему облику.

Изложенный исторический опыт идентификации личности, а также применяемые методы исследования внешности требовали четкой процессуальной формы, которая впоследствии явилась бы одним из доказательств в суде.

Так, В. Е. Корноухов справедливо отмечает, что «...судебно-экспертное исследование является важнейшей формой применения специальных познаний в судопроизводстве, в результате чего в распоряжении следствия и суда оказывается новая информация, имеющая доказательственное значение, которая не может быть получена другими процессуальными средствами» [16].

Вместе с тем, появление процессуального статуса «эксперт» и выделение в качестве доказательств заключения эксперта не повлекло за собой процессуального закрепления специальных знаний исследования внешнего облика человека. Необходимо было выделение нового вида криминалистических экспертиз. Так, первое упоминание в литературных источниках о проведении экспертного исследования, носившего название «идентификация личности по методу словесного портрета», в научно-техническом отделе при МВД датируется 1944 г. [17].

Что касается научных источников, то, впервые, в учебнике по криминалистике, вышедшем в 1950 г. под редакцией А. И. Винберга и С. П. Митричева, были упомянуты «вопросы криминалистического отождествления личности по фотокарточкам» [18].

В 1953 г. была опубликована работа А. П. Краснова и В. И. Зубкова «Идентификация личности по фотокарточкам», которая положила начало специальному изучению вопросов экспертного отождествления личности по признакам внешности [19] и, как следствие, новому историческому этапу развития «портретной экспертизы» – «периоду экспертного исследования».

Нужно отметить, что при появлении новых объектов, процессов, явлений зачастую возникает неоднозначность в определении их наименования. Это коснулось и портретной экспертизы. Так, начиная с 1944 г., данное исследование называлось «идентификация личности по методу словесного портрета», далее – во времена существования ЭКЦ, созданного в 1994 г., а впоследствии ГЭКЦ МВД Республики Беларусь, экспертиза носила название «портретная идентификация и фотопортретная экспертиза», в настоящее время в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь – это «портретная экспертиза».

В теории, на протяжении длительного времени также не было четкой позиции о названии данного вида экспертизы. Так, «портретную экспертизу» предлагалось называть: «сравнительное исследование внешности по фотокарточкам», «судебно-портретная экспертиза», «судебная экспертиза в целях установления личности по чертам внешности», «идентификация личности по фотокарточкам в процессе производства криминалистической экспертизы», «отождествление личности по фотоснимкам экспертным путем», «экспертное отождествление человека по фотоснимкам (фотопортретная идентификационная экспертиза)», «криминалистическая портретная экспертиза», «криминалистическая фотопортретная экспертиза» и др.

Обобщая вышеизложенные научные и практические позиции, полагаем наиболее удачным названием считать существующее в настоящее время – «портретная экспертиза». Данное название является наиболее широким и включающим в себя все предыдущие. Так, к примеру, термин «криминалистическая» в наименовании «криминалистическая портретная экспертиза» априори является классом экспертиз, в который входит такой вид, как портретная, и, по нашему мнению, не требует дублирования в наименовании; наименование «портретная идентификация», на наш взгляд, не в полной мере раскрывает содержание данного вида исследования, в частности, не охватывает диагностические вопросы, решаемые портретной экспертизой; термин «судебная» также узок, так как проведение экспертного исследования внешнего облика человека может проводиться отдельно от судебного разбирательства (не в рамках уголовного процесса), например, по заявлению отдельных граждан на платной основе; термин «фотопортретная экспертиза» используется только в случаях исследования внешности лиц по фотоизображениям, в настоящее время круг объектов портретной экспертизы более широк – это и видеозаписи, интегрированные изображения, 3-D модели изображений головы человека.

Большую научную значимость для выделения рассматриваемого третьего периода «экспертного исследования» и становления портретной экспертизы имела диссертация А. А. Гусева «Установление личности по признакам внешности», представленная в 1954 г. на соискание ученой степени кандидата юридических наук, поскольку в ней обстоятельно была проведена грань между судебно-портретной экспертизой и использованием данных о внешности человека в оперативно-розыскной деятельности.

Существенный вклад в развитие экспертной идентификации человека по признакам внешности внесла кандидатская диссертация В. А. Снеткова «Экспертное отождествление личности по чертам внешности», которая стала сводом методического обеспечения судебно-портретного отождествления человека по признакам внешности. Также В. А. Снетковым был подготовлен первый учебник по дисциплине «Габитоскопия», изданный в 1978 г. в Волгограде.

Дальнейшее развитие судебно-портретная экспертиза получила благодаря огромному вкладу профессора А. М. Зинина, посвятившего этому виду криминалистических экспертиз более 50 лет плодотворной научно-практической деятельности, который и в настоящее время активно пополняет аналитический, тактический и методологический материал «портретной экспертизы».

Что касается методологической базы в период «экспертного исследования», то она основана на трансформации и адаптации интегрированных знаний из других наук и аккумуляции методов, использованных в предыдущих периодах. Методы, интегрированные из других наук, в данном периоде характеризуются ориентацией на максимальную объективизацию процесса исследования внешнего облика, и на снижение доли субъективизма при оценке признаков внешности человека.

Значительным прорывом в развитии методологической базы портретной экспертизы является появление методов, основанных на использовании антропологических константных точек (т. е. стабильных, постоянных) на лице человека, заимствованных из судебной меди-

цины (краниофациальные исследования черепа), с помощью которых проводились различные геометрические построения, с последующим определением их перспективного соответствия или несоответствия, а также измерения линейных, угловых, векторных величин.

Так, одним из первых разработчиков метода, основанного на использовании константных точек, был рижский криминалист Р. Э. Эльбур, который в 60-х гг. предложил метод, имевший название «графический идентификационный алгоритм» [20]. Суть метода заключалась в использовании константных точек для геометрических построений, с последующим определением их перспективного соответствия или несоответствия. При наличии соответствия, делался вывод о тождестве лиц, запечатленных на фотоснимках.

Идея применения константных точек для разработки измерительных методов портретной экспертизы использовалась рядом ученых. В 1969 г. Н. В. Завизист предложила метод угловых измерений [21]. Н. С. Полевым был разработан аналитический метод идентификации личности по разноракурсным фотоснимкам [22, с. 25].

Методы, предложенные Р. Э. Эльбуром, Н. В. Завизист и Н. С. Полевым, в практике проведения портретных экспертиз не были использованы, но стали одними из первых попыток объективизации процесса идентификации личности.

Разработку измерительных методов продолжили английские исследователи К. Ф. Клейнберг и Дж. П. Зиберт. Исследователи предложили метод вычисления векторных величин параметров лица [23], применение которого в рамках проведения портретных экспертиз было ограничено по ряду причин: во-первых, он мог использоваться только для изображений, выполненных в анфас, во-вторых, изображения лиц должны быть высокого качества, в-третьих, необходимо точное определение местоположения антропометрических точек (точность определения местоположения зависит от опытности эксперта).

Наиболее точным и достоверным зарекомендовал себя метод сопоставления относительных величин размерных признаков, активно используемый в экспертной практике и в настоящее время. Данный метод был предложен в 1960 г. Е. Ю. Брайчевской и Н. М. Зюскиным [24]. Сущность метода заключалась в измерении абсолютных расстояний между двумя парами антропометрических точек на двух одномасштабных фотоснимках, с последующим делением меньшего значения на большее, в результате расчетов получалась относительная величина. После вычислений, все полученные результаты на одном изображении сопоставлялись с аналогичными расчетами на другом фотоснимке. Если относительные величины различались не более чем на некоторую малую величину (0,04–0,05), то делался вывод о тождестве. Метод рекомендовался в качестве вспомогательного, поскольку для формирования идентификационного комплекса признаков внешности человека не достаточно только количественных критериев. Полноценное исследование внешнего облика человека включает в себя «качественно-количественное» изучение признаков внешности, с последующей их оценкой.

Идея использования константных точек и систем измерений анатомических признаков лица постепенно стала одной из основополагающих при анализе признаков внешности человека, относящихся к «количественным» и далее реализовывалась при создании программных продуктов информационно-поисковых систем по признакам внешности. Данная идея также легла в основу системы биометрической идентификации.

В процессе развития и расширения методологической базы портретной экспертизы большую роль сыграло появление метода исследования частоты встречаемости признаков внешности. В его разработку внесли свой вклад Е. Ю. Брайчевская и Н. П. Зюскин [24], З. И. Кирсанов [25], П. Г. Орлов [26]. Авторами проводилось исследование по изучению частоты встречаемости признаков внешности на большом массиве фотоизображений лиц мужского пола, относящихся к антропологическому типу «европеоид». Полученные с помощью вероятностно-статистических методов данные были сведены в таблицы, в которых содержались коэффициенты идентификационной значимости признаков внешности. Разра-

ботка и дальнейшее активное использование в экспертной практике данного метода позволило значительно уменьшить субъективную оценку идентификационной значимости признаков внешности человека.

Анализируя вышеизложенные методы, хотелось акцентировать внимание на необходимости знаний точных наук (математики, кибернетики) в процессе идентификации человека по признакам внешности.

Помимо разработки методов объективизации портретных экспертиз в период экспертного исследования изучались особенности проведения исследований по отдельным видам объектов: ретушированным изображениям лиц; изображениям лиц, сфотографированных со значительным разрывом во времени; изображениям лиц, представляющих различные антропологические типы; изображениям лиц с искусственно измененными признаками внешности; изображениям, зафиксированным средствами видеофиксации, и др.

Новым этапом в развитии портретной экспертизы стало появление цифровой фотографии и видеозаписи. Началом зарождения современной истории научно-технического прогресса в области цифровых технологий считается 1969 год. Далее, с начала 80-х гг., начали развиваться цифровые технологии видео- и фотосъемки. Но первые бытовые цифровые фотоаппараты появились на рынке только в 1993-94 гг. В данный период в портретной экспертизе и появляются «новые объекты» – изображения внешнего облика человека, полученные с использованием цифровых средств фото- и видеофиксации.

Интерес к вопросам, касающимся использования цифровых средств фиксации в правоохранительной деятельности, проявили А. В. Белоусов, В. В. Бирюков, Е. А. Григорян, Е. Н. Дмитриев, Т. А. Макарова, Д. В. Муленков, А. А. Сафонов, Н. А. Финогенов, Г. А. Павловец и др. Однако, предмет их исследований посвящен отдельным направлениям использования цифровых средств в процессе фиксации доказательственной информации.

Изучением вопросов исследования изображений человека, полученных при помощи цифровых средств фото- и видеофиксации, занимались А. М. Зинин, Н. Н. Ильин, И. И. Черкашина, Е. В. Давыдов и др.

«Новые объекты» портретной экспертизы, по сравнению с аналоговыми фотоснимками и видеозаписями, имели целый ряд специфичных особенностей, характерных для цифровых изображений, что повлекло за собой необходимость адаптации существующих методик проведения портретных экспертиз, а также разработки новых методов исследования.

Одной из характерных особенностей исследования цифровых изображений явилась необходимость установления достоверности «т. е. верификации» полученного изображения. Это объясняется тем, что изображения, полученные при помощи цифровых средств фото- и видеофиксации, могут подвергаться изменениям, внесенным при помощи программных продуктов. Указанный факт влечет за собой обязательное включение комплекса методов верификации, трансформированных из кибернетики, в процесс исследования цифровых изображений внешности человека. Поскольку в данный период развития портретной экспертизы происходит суммирование методов сравнения, эволюционировавших за весь период становления исследований внешнего облика человека, а также приобретенных методов верификации, поэтому назван он *«верификационно-сравнительным»*.

Существует несколько возможностей внесения изменений в полученные цифровые изображения. Одной из них является внесение изменений в само изображение при помощи графических редакторов, другой – внесение изменений в сам файл, содержащий изображения.

Современные методы верификации цифровых изображений можно поделить на формальные (которые используют математический аппарат ПО), аналитические (анализ содержащихся данных в файлах) и эмпирические (которые эксперт использует без программных продуктов).

Процесс верификации цифрового изображения начинается с аналитического метода, заключающего в себе анализ изучения свойств файла, изучение метаданных, содержащихся в файле.

Далее применяется математический метод, к которому можно отнести подсчет контрольной суммы (хэш-сумы) [27]. Данная операция актуальна, когда на исследование представляется оригинал файла, а также его копии.

После изучения файла при помощи эмпирического метода исследуется само изображение на предмет наличия признаков, свидетельствующих о его изменении. Способы внесения изменений в изображение делятся на: внесение дополнительных элементов (монтаж) и использование различных фильтров (стилизация, цифровая ретушь). Каждый способ характеризуется определенными признаками.

Проведя верификацию вышеизложенными методами в случае наличия изменений, необходимо оценить, насколько они существенны для последующего сравнительного этапа идентификации личности.

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы отметить, что современный этап развития криминалистического исследования внешнего облика человека в рамках портретной экспертизы характеризуется внедрениями новейших технологий. Данное положение подтверждается не только расширением вышеуказанной методологической базы, но и разработкой теоретических основ, с последующим внедрением в практику нетрадиционных подходов к объективизации результатов экспертной деятельности посредством обращения к принципам логики, моделирования, формализации, алгоритмизации, а также иным познавательным процессам.

Список использованных источников

1. Крылов, И. Ф. В мире криминалистики / И. Ф. Крылов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 328 с.
2. Гейндль, Р. Уголовная техника. Из мастерской уголовного розыска / Р. Гейндль; пер. с нем. под ред. П. И. Люблинского. – М. : Право и жизнь, 1925. – 82 с.
3. Рассейкин, Д. П. Очерки истории уголовной регистрации / Д. П. Рассейкин. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1976. – 60 с.
4. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/52514/Клеймение. – Дата доступа : 15.03.2018.
5. Законодательство Петра I / Отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. – М. : Юрид. лит., 1997. – 880 с.
6. Пацкевич, А. П. Криминалистические учеты: история и современность : моногр. / А. П. Пацкевич. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – 171 с.
7. Якимов, И. Н. Криминалистика / И. Н. Якимов. – М. : НКВД РСФСР, тип. «Гудок», 1925. – 431 с.
8. Рейсс, Р. А. Словесный портрет. Описание и отождествление личности по методу Альфонса Бертильона / Р. А. Рейсс; пер. с итал. под ред. К. Г. Прохорова. – М. : Знание, 1911. – 154 с.
9. Теоретические основы криминалистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://infopedia.su/7xb303.html>. – Дата доступа : 15.03.2018.
10. Зинин, А. М. Габитоскопия и портретная экспертиза : курс лекций / А. М. Зинин. – М. : Моск. акад. МВД России, 2002. – 157 с.
11. Bertillon, A. Instructions signaletiques / A. Bertillon. – Melun, 1893. – 148 p.
12. Лебедев, В. И. Искусство раскрытия преступлений / В. И. Лебедев. – Спб., 1909. – Т. 1. – 324 с.
13. Трегубов, С. Н. Основы уголовной техники / С. Н. Трегубов. – М. : ЛексЭст, 2002. – 297 с.
14. Daae, A. Portrait parle, efter M. Alphonse Bertillon / A. Daee, H. Madsen. – Kjobenhavn : Nielsen & Lydiche, 1899. – 78 p.
15. Cavaliere, D. P. Manuale del ritratto parlato – identificazione fotografica e indagine giudiziaria / D. P. Cavaliere. – Libreria internazionle, 1907. – 138 p.
16. Корноухов, В. Е. Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека / В. Е. Корноухов. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1982. – 182 с.
17. Иванов, В. П. Основные направления развития судебной экспертизы Белорусской ССР (1917–1941 гг.) / В. П. Иванов, М. С. Штейнгауз / Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. – Минск : МЮ БССР, НИИСЭ, 1978. – Вып. 4. – 183 с.

18. Криминалистика : учеб. / под ред. А. И. Винберга, С. П. Митричева. – М. : Госюриздат, 1950. – Т. 1. – 303 с.
19. Краснов, А. П. Техника экспертизы документов / А. П. Краснов, В. И. Зубков. – Вып. III. : Идентификация личности по фотокарточкам. – М. : МВД СССР, 1953.
20. Эльбур, Р. Э. Графические алгоритмы и возможности их использования в процессе идентификационных криминалистических экспертиз / Р. Э. Эльбур // Графические алгоритмы; под ред. В. А. Соколова. – Рига, 1965.
21. Завизист, Н. В. Угловые замеры анатомических признаков лица человека в портретно-криминалистической экспертизе / Н. В. Завизист // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1969. – Вып. 6.
22. Полевой, Н. С. Правовая информатика и кибернетика / Н. С. Полевой. – М., 1970. – 526 с.
23. Kleinber, Krista F. A study of quantitative comparisons of photographs and video images based on landmark derived feature vectors / Krista F. Kleinber, J. Paul Siebert // Forensic Science International (2012). – Pages 248–258.
24. Брайчевская, Е. Ю. О возможностях идентификации личности по чертам внешности / Е. Ю. Брайчевская, Н. М. Зюскин // Вопросы судебной экспертизы. – М., 1960.
25. Кирсанов, З. И. Экспертное отождествление человека по фотопортретам с применением математических методов исследования / З. И. Кирсанов. – М., 1968.
26. Орлов, П. Г. Идентификация личности по фотокарточкам / П. Г. Орлов. – М., 1974.
27. Сильнов, Д. С. О ложных срабатываниях средств защиты информации / Д. С. Сильнов, О. В. Тараканов // Прикладная информатика. – 2012. – № 2(56). – С. 68–78.

Дата поступления: 03.04.2018

G. A. Pavlovets

Candidate of Juridical Sciences
Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

E. L. Lyginskaya

State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

ON THE QUESTION OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF PORTRAIT EXPERTISE

In article questions of origin, formation of portrait examination are considered. On the basis of the historical analysis four periods are allocated: «descriptive and registration», «analitiko-synthetic», «the period of an expert research» and the «verification and comparative» period. Keeping of each of them reveals. The methods of a research of appearance of the person, objects characteristic of each temporary stage are described. Also in article the review of the scientific sources which have put theoretical and methodical base of portrait examination is carried out.

Keywords: appearance of the person, «descriptive and registration», «analitiko-synthetic», «the period of an expert research» and «verification and comparative», research methods, portrait examination.

УДК 343.9

Р. М. Попом

кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: r.r.m.86@mail.ru

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КАЧЕСТВО ОТОБРАЖЕНИЯ ОТТИСКОВ ПЕЧАТЕЙ И ШТАМПОВ, СНАБЖЕННЫХ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОСНАСТКОЙ

Повсеместное распространение печатей и штампов, снабженных автоматической оснасткой, детерминирует необходимость детального изучения особенностей отображения оттисков, получаемых с использованием таких механизмов. При этом в криминалистической литературе недостаточно внимания уделяется рассмотрению факторов, влияющих на качество нанесения оттисков, а предлагаемые учеными критерии оценки условий их нанесения носят бессистемный характер. Такие факторы образуют единую систему, поскольку их влияние на характер отображения признаков в оттиске носит комплексный характер. Каждой группе факторов свойственны свои характерные признаки, которые в обязательном порядке должны учитываться экспертом при установлении условий нанесения оттисков печатей (штампов).

Ключевые слова: оттиски печатей и штампов, качество отображения оттисков, система факторов, условия нанесения оттисков, диагностические признаки, техническая экспертиза документов.

Существующие способы подделки оттисков печатей и штампов (далее – ОПиШ) с присущими каждому из них признаками, а также соответствующие методики исследования достаточно подробно описаны в криминалистической литературе, а применяемые методы позволяют успешно решать большинство идентификационных и диагностических экспертных задач. При этом одним из наиболее сложных этапов экспертного исследования является определение условий, в которых был нанесен подлежащий исследованию оттиск, поскольку некоторые признаки, в случае неправильной их оценки, могут быть в дальнейшем неверно оценены экспертом, что может привести к ошибочным выводам.

В специальной литературе, посвященной исследованию оттисков удостоверительных печатных форм, недостаточно внимания уделяется рассмотрению факторов, влияющих на качество нанесения оттисков, а предлагаемые учеными критерии оценки условий их нанесения носят бессистемный характер [1–4]. В первую очередь, это касается печатей и штампов, снабженных автоматической оснасткой, повсеместное распространение которых детерминирует необходимость детального изучения особенностей отображения оттисков, получаемых с использованием таких механизмов. Кроме того, нередко случаи, когда при изложении методов (методик) исследования их разработчики ограничиваются только констатацией необходимости изучения тех или иных диагностических факторов без должной конкретизации соответствующих признаков, что не способствует повышению эффективности судебно-экспертной деятельности в рассматриваемой области и требует большей основательности при разработке данной проблемы.

В процессе экспертного исследования ОПиШ, как правило, требуется установить ряд факторов, отражающих диагностические особенности нанесения оттисков (наклон, нажим, скорость и т. д.), а также иные особенности (способ изготовления клише, используемые материалы, конструкцию печати (штампа), структуру поверхности бумаги, особенности подложки и пр.), влияющие на качество их отображения. Наличие тех или иных условий при нанесении непосредственно влияет на характер отображения в оттиске его цвето-тоновых параметров, а также индивидуальных признаков. Кроме того, проведенные экспериментальные исследования показали, что определенным факторам свойственны свои характерные признаки.

Отдельную группу образуют факторы, обусловленные технологией изготовления клише. При этом в контексте рассматриваемого предмета мы имеем ввиду признаки, которые отражают общие особенности конкретного способа производства, а также физико-химические свойства материала, из которого изготовлено клише, т. е. носят диагностический характер. Такие признаки могут наблюдаться в оттисках с нестабильной частотой встречаемости, различной степенью выраженности и характером отображения. В этой связи, при определении способа изготовления печатной формы необходимо выделять те признаки, которые не обладают достаточной идентификационной значимостью, носят лишь диагностический характер, но при этом влияют на качество отображения оттиска.

Так, в оттисках, нанесенных печатями и штампами, изготовленными с применением фотополимерной технологии (с использованием жидких композиций), может наблюдаться более интенсивная концентрация штемпельной краски в средней части штриха, вследствие чего образуются слабоокрашенные участки по краям штрихов. Для указанной технологии характерны также наличие достаточного количества красящего вещества по краям штрихов, присутствие отдельных окрашенных точек с неокрашенными вокруг них кольцами [5, с. 79–80]. Однако степень выраженности данных признаков носит неустойчивый характер и может варьироваться от оттиска к оттиску.

Характерными признаками изготовления печатей и штампов способом вулканизации резины с матриц, полученных в процессе гравирования по металлу на специальных станках, являются такие признаки, как прерывистость элемента или его отсутствие в оттиске. Однако степень отображения данных признаков может зависеть от различных факторов: силы давления на печатную форму, условий эксплуатации печати (штампа), вида бумаги и краски [5, с. 78–79].

При исследовании ОПиШ, нанесенных печатями (штампами), изготовленными способом лазерного гравирования, как правило, наблюдается ряд признаков, обусловленных технологией изготовления клише. Так, чаще всего в тонких штрихах имеются разрывы в знаках, а также могут отсутствовать отдельные их элементы. При этом в интенсивно окрашенных оттисках этот признак неустойчив. При увеличении более $24\times$ в штрихах обнаруживаются параллельные окрашенные или слабоокрашенные линии различной длины, отображающие поверхность печатающих элементов. Незначительные фрагменты полос можно наблюдать в сильноокрашенных оттисках и почти невозможно обнаружить их в оттисках с расплывом красящего вещества. Иногда могут присутствовать тонкие, различной длины неокрашенные полосы, пересекающие фрагменты оттиска, представляющие собой несколько углубленных участков на печатающих элементах, которые лежат на одной прямой. При большой силе нажима этот признак не наблюдается [5, с. 82–83]. Ввиду незначительных размерных характеристик указанных особенностей строения печатной формы, а также эластичности и неоднородности материала клише, приведенные признаки могут отображаться с различной степенью выраженности и частотой встречаемости и поэтому могут рассматриваться только в качестве диагностических.

Помимо указанных выше, в штрихах оттисков могут наблюдаться и иные признаки, характерные для той или иной технологии изготовления клише, которые носят только диагностический характер. В большинстве случаев установление такого рода признаков

сопряжено с изучением особенностей строения, структуры и содержания элементов каждого конкретного исследуемого оттиска в совокупности с оттисками в представленных образцах.

Следующей группой факторов, влияющих на характер отображения ОПиШ, являются факторы, отражающие динамику нанесения оттиска, которая обусловлена силой нажима на печатную форму, скоростью и углом наклона печати (штампа).

Как известно, от силы нажима во многом зависит интенсивность окраски оттиска. Поскольку при изготовлении клише печатей и штампов применяются такие эластичные материалы, как резина и (или) фотополимер, то при увеличении нажима в оттиске могут отображаться те его зоны, которые находятся ниже плоскости печатающих элементов (отдельные фрагменты подложки, различные образования на пробельных участках) [5, с. 78].

Например, в оттисках, нанесенных самонаборными печатями, штрихи знаков имеют одинаковую ширину, однако при усилении давления на печатную форму возможно расширение штриха в нижней или верхней части. Кроме того, возможна извилистость знаков из-за деформации печатающих элементов при сильном нажатии на печатную форму. Схожие признаки могут наблюдаться и в оттисках, нанесенных печатями и штампами, изготовленными способом вулканизации резины с матриц, полученных с использованием твердых фотополимеров (регилона и термофлона), когда при сильном давлении, вследствие деформации резиновых печатающих элементов, возможны изменения формы отдельных фрагментов знаков [5, с. 84–85].

Указанные группы признаков и факторы, их обуславливающие, не являются исчерпывающими. Приведенные особенности могут иметь место при любом способе нанесения оттиска на бумагу – ручном или с использованием так называемых автоматических оснасток.

Следует отметить, что конструкция данного вида оснастки изначально предусматривает достаточно устойчивый характер силы нажима клише на бумагу при нанесении оттисков. Однако в условиях ярко выраженного сильного или слабого нажима в оттисках наблюдаются характерные признаки. Это связано с тем, что, например, при слабом нажиме не только уменьшается площадь контакта печатающих элементов с бумагой, но и площадка оснастки, на которой закреплено клише, не поворачивается полностью, ввиду чего могут наблюдаться следующие признаки:

- часть оттиска отсутствует, хотя степень интенсивности окраски может быть высокой;
- оттиск отображен полностью, однако присутствуют нечитаемые (слабопропечатанные) зоны, смещенные к одной из сторон оттиска;
- неровные, зубчатые края штрихов с неравномерным распределением красящего вещества;
- уменьшение размеров знаков, особенно расположенных в нечитаемой (слабопропечатанной) зоне оттиска;
- практически отсутствует красочный бортик по периметру штрихов.

При сильном нажиме на печать (штамп) наблюдаются следующие признаки:

- увеличение размеров знаков, особенно ширины концентрических окружностей печатей (рамок штампов);
- деформация знаков или их элементов;
- сплошное и равномерное распределение красящего вещества в штрихах с незначительной выраженностью красочного бортика – в сильноокрашенных оттисках, неравномерное распределение краски с ярко выраженным красочным бортиком – в средне- и слабоокрашенных оттисках;
- двойность штрихов, особенно тонких длинных линейных элементов оттисков;
- могут наблюдаться посторонние окрашенные элементы, наличие которых объясняется излишним давлением на печатную форму, когда возможно отображение тех участков клише, которые находятся ниже плоскости печатающих элементов.

Печати и штампы, снабженные автоматической оснасткой, обеспечивают, как правило, строго перпендикулярное положение всей конструкции относительно плоскости поверхности, на которую наносится оттиск. Однако не исключены случаи нанесения оттисков с некоторым перекосом (наклоном) печати (штампа), о чем могут свидетельствовать следующие признаки:

- отсутствие части оттиска либо наличие нечитаемых, плохо пропечатанных зон, смещенных к одному краю;
- неравномерное распределение насыщенности окраски на всей площади оттиска с плавным изменением концентрации красителя от менее насыщенных штрихов к более насыщенным;
- нарушение формы, размеров и начертания штрихов знаков, особенно концентрических окружностей, рамок ввиду деформации печатающих элементов клише при нанесении оттиска;
- сдвоенность штрихов в элементах оттиска;
- при незначительном перекосе печати (штампа) присутствуют признаки слабого нажима при нанесении оттиска с тем характерным отличием, что они наблюдаются только в той части оттиска, которая отобразилась менее качественно, тогда как в противоположной части оттиска могут одновременно наблюдаться признаки сильного нажима.

Фактор скорости нанесения ОПиШ вызывает наибольший интерес в тех случаях, когда оттиски были выполнены быстрым движением, поскольку медленный темп не сопровождается какими-либо принципиальными различиями в отображении оттисков по сравнению с обычным темпом нанесения. При высокой скорости нанесения оттисков, как правило, наблюдаются признаки, которые характерны для сильного нажима, с той особенностью, что сдвоенность штрихов и деформация знаков (элементов) оттиска носят наиболее выраженный характер. Помимо указанных особенностей, о высокой скорости нанесения множества оттисков подряд (50 и более) могут свидетельствовать следующие признаки:

- неравномерное распределение насыщенности окраски по всей площади оттиска – сильноокрашенные фрагменты чередуются со слабоокрашенными, причем данный признак становится более выраженным с ухудшением общей насыщенности окраски от оттиска к оттиску;
- наличие разрывов в тонких элементах (особенно в концентрических окружностях, рамках), причем независимо от насыщенности окраски данных элементов в местах разрывов;
- присутствие в слабоокрашенных штрихах отдельных сгустков краски;
- явные признаки высокой печати (красочный бортик, неравномерное распределение красящего вещества).

Следует иметь в виду, что приведенные признаки наиболее характерны для средне- и слабоокрашенных оттисков, тогда как в сильноокрашенных оттисках некоторые из них могут не наблюдаться по причине значительного количества краски и ее текучести. Вместе с тем в сильноокрашенных оттисках при высокой скорости печати может наблюдаться зубчатость краев тонких элементов с расплывами красящего вещества.

Еще одной группой факторов, влияющих на качество отображения ОПиШ, являются свойства используемых материалов: вязкость штемпельной краски, пористость штемпельной подушки, качество бумаги. Указанные факторы как по отдельности, так и в совокупности могут существенным образом влиять на качество отображения оттиска и поэтому должны в обязательном порядке учитываться экспертом.

Свойства краски (особенно ее вязкость) влияют на распределение красящей массы в штрихах оттиска, а следовательно, на выраженность признаков: они могут маскироваться либо появляться другие, как бы нехарактерные для данной печати (штампа). На распределение красящего вещества в штрихах в значительной степени оказывает влияние и качество материала штемпельной подушки. Мелкопористый материал обеспечивает равномерную, а крупнопористый – неравномерную окраску штрихов [5, с. 78].

Как известно, при оформлении документов в большинстве случаев используется писчая (офисная) бумага, которая характеризуется чистотой цвета, гладкостью поверхности, хорошей проклейкой и наличием защитного поверхностного слоя (слоев), обладающего хорошей адгезией. Указанные свойства позволяют получать на такой бумаге достаточно качественные оттиски независимо от различной ее (бумаги) плотности, имеющей показатель, как правило, в пределах 50–250 г/м².

В случае, если оттиск нанесен на бумагу, обладающую значительной шероховатостью и (или) ворсистостью поверхности (слабо проклеенная бумага, техническая бумага, газетная и т. п.) либо имеющую специальное покрытие (мелованное, глянцевое, синтетическое и пр.), необходимо тщательным образом изучить свойства поверхности бумаги на предмет их влияния на качество отображения оттиска.

При исследовании оттиска печати (штампа), выполненного на бумаге, поверхность которой характеризуется значительной шероховатостью и (или) ворсистостью, могут наблюдаться следующие признаки:

- неравномерное распределение красящего вещества в штрихах;
- разрывы в тонких элементах штрихов;
- неровные края штрихов, иногда с расплывами краски;
- непропечатка (неполная пропечатка) мелких элементов;
- «округленность» углов.

При исследовании штрихов оттиска, нанесенного на мелованную матовую бумагу, наблюдается:

- равномерное, сплошное распределение красящего вещества в штрихах;
- несколько увеличенная ширина штрихов;
- высокая проработка деталей знаков.

Для штрихов, расположенных на поверхности глянцевой мелованной бумаги либо бумаги с поверхностью, обладающей защитным слоем, который препятствует быстрому впитыванию краски и обеспечивает повышенное скольжение, характерно:

- значительное увеличение ширины элементов знаков;
- повышенная яркость окраски, реже – блеск;
- неравномерность распределения красящего вещества с образованием в пределах одного знака нескольких рядов сгустков краски, повторяющих начертание элемента (такие сгустки напоминают сдвоенность штрихов, однако находятся в границах элемента);
- смазанность оттиска или его отдельных элементов.

Эксплуатация печати (штампа) сопряжена с ее непосредственным обслуживанием, особенности которого также могут влиять на качество отображения оттисков. Одним из определяющих обстоятельств выступает процесс ручной заправки штемпельной подушки, который характеризуется количеством заправляемой краски, а также характером ее распределения по всей площади подушки.

В оттисках, нанесенных печатями или штампами, обильно смоченными краской, наблюдаются расплывы в штрихах, маскирующие характерные признаки. В среднеокрашенных штрихах признаки удостоверительных печатных форм отображаются более четко. Сильноувлажненная подушка также способствует неравномерному распределению красящего вещества в штрихах, которое отображается в виде сгустков, неокрашенных участков. Последние часто имеют круглую форму, что должно учитываться при оценке признаков [5, с. 77–78].

Равномерность пропитки штемпельной подушки при заправке также может влиять на характер распределения красителя в штрихах оттиска. Данное обстоятельство обусловлено свойствами материалов, из которых изготавливают современные штемпельные подушки. Дело в том, что при ручном режиме заправки подушка пропитывается, как правило, неравномерно, в результате чего некоторые зоны клише могут промокаться краской с разной степенью насыщенности, что отображается в оттисках следующим образом:

– неравномерное распределение красящего вещества по площади оттиска (присутствуют зоны и (или) отдельные малые участки с различной концентрацией краски, обычно такие участки сосредоточены по краям) при общей равномерности окраски всего оттиска;

– в широких элементах штрихов знаков наблюдается неравномерная окраска, локализация которой носит устойчивый характер от оттиска к оттиску;

– с увеличением количества оттисков от момента заправки происходит устойчивое увеличение неравномерности с расширением (разрастанием) неоднородно окрашенных зон (т. е. такие участки становятся более заметными на общем фоне ввиду того, что в соответствующих местах штемпельной подушки изначально было сосредоточено меньше краски и поэтому она раньше заканчивается);

– в областях оттиска с меньшей насыщенностью окраски может иметь место различное отображение одноименных знаков и (или) их элементов, по сравнению с такими же знаками в более насыщенных участках, что выражается в различной ширине, высоте, начертаниях углов и окружностей знаков, особенно это характерно для мелких знаков.

В тех случаях, когда штемпельная подушка заправлялась различной по цвету (оттенку цвета) краской, в оттисках будут наблюдаться следующие характерные признаки:

– неравномерная по цвету (оттенку цвета) окраска элементов оттиска;

– окраска на границе смешения цветов приобретает радужный эффект в результате диффузии красителей;

– в области цветовых переходов могут наблюдаться дополнительные цвета, возникшие в результате смешения двух основных цветов.

В процессе эксплуатации печати (штампа) возможны ситуации, когда штемпельная подушка длительное время (несколько месяцев и более) постоянно находится в корпусе оснастки в неизменном положении. Как правило, это первые месяцы (иногда и годы) с момента приобретения печати (штампа), когда заправленная изготовителем штемпельная подушка изначально находится в корпусе оснастки в прижатом к поверхности клише положении. В таких условиях происходит продавливание подушки выступающими элементами клише, что со временем выражается в более четких наносимых оттисках. Однако в процессе последующих заливок ориентация штемпельной подушки может быть изменена (перевернута на 180°), в результате чего будет также изменена зона контакта печатающих элементов клише с поверхностью штемпельной подушки. Указанное обстоятельство может выражаться в следующих признаках:

– нечеткость краев элементов, особенно линейных;

– расплывы краски;

– увеличение либо уменьшение некоторых размеров элементов, особенно подстрочных, надстрочных, засечек, звездочек;

– изменение начертания округлых и угловатых элементов (угловатые элементы могут «округляться», а округлые приобретать незначительную «угловатость»);

– сохранение взаиморасположения частных признаков с изменением их очертания, формы и размерных характеристик.

Использование в качестве подложки неровной поверхности либо наличие посторонних предметов, расположенных под бумагой в момент нанесения оттиска, могут также вызывать изменения в качестве его отображения. Как правило, присутствие такого рода факторов выражается во фрагментарном отображении оттиска, явном искажении формы и размеров штрихов знаков, наличии посторонних окрашенных элементов в оттиске.

О присутствии плоских предметов толщиной до 1 мм (листы бумаги, тонкие измерительные линейки, пластиковые карты типа банковских), которые расположены таким образом, что их края (границы) условно пересекаются лишь с частью оттиска, могут свидетельствовать следующие признаки:

– присутствие зон с различным характером распределения красящего вещества и наличием четкой границы перехода одной зоны в другую (причем данный признак может наблюдаться в рамках одного знака или штриха);

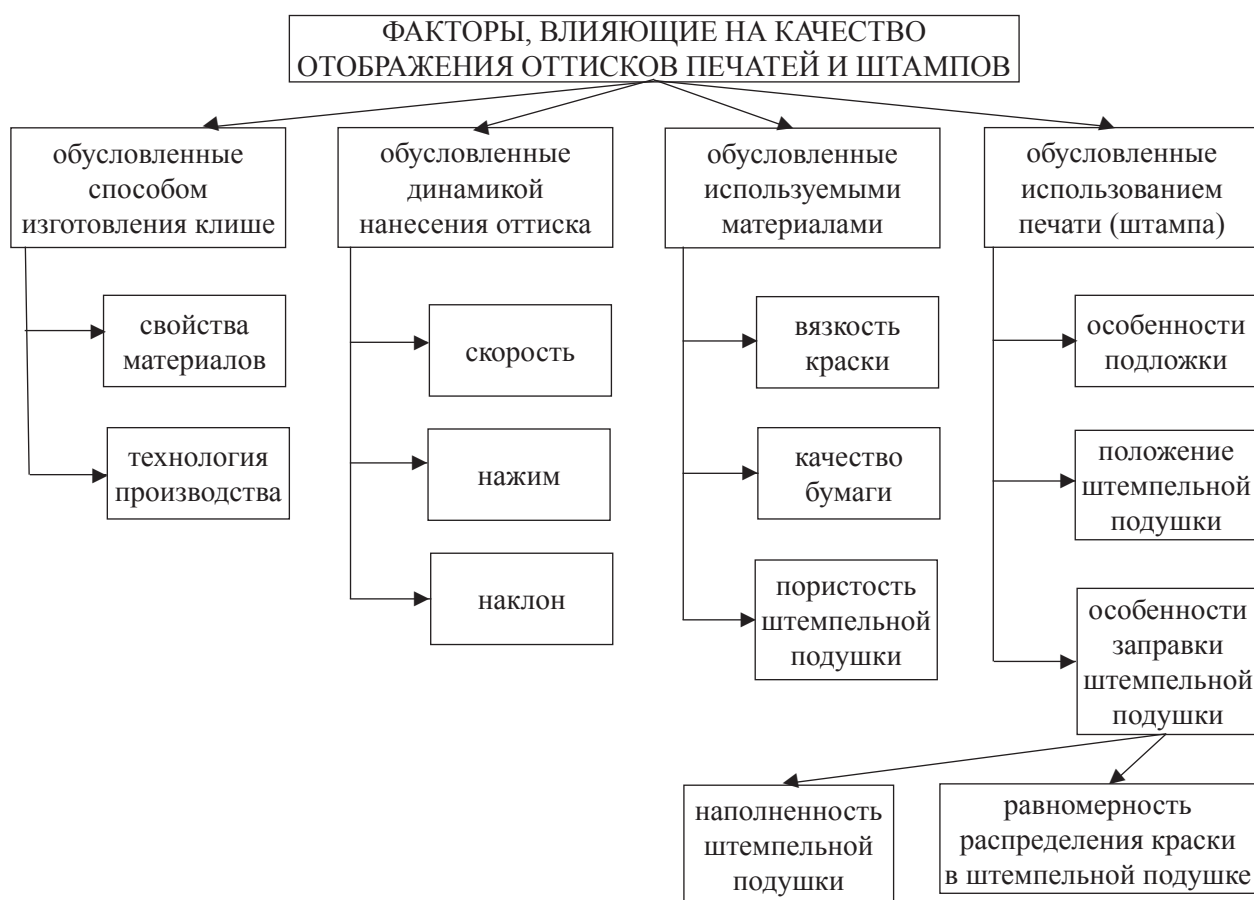
– наличие участков правильной геометрической формы, отражающих единообразное изменение (условную границу изменения) характера распределения красителя в штрихах в конкретной части всего оттиска.

При наличии посторонних плоских предметов толщиной более 1,5 мм под бумагой в области нанесения оттиска могут наблюдаться следующие признаки:

- наличие пробельных и (или) нечитаемых (слабопротечатанных) зон в оттиске;
- чередование участков с различной степенью распределения красящего вещества в штрихах;
- смещение знаков, изменение формы, размеров и начертания элементов (их частей) знаков, сдвоенность штрихов;
- возможна локальная деформация бумаги, наличие небольших складок, трещин, микронадрывов.

Необходимо иметь в виду, что степень выраженности приведенных признаков зависит от формы, размеров и структуры поверхности предмета, расположенного под бумагой в области нанесения оттиска. Кроме того, возможно наличие иных признаков, отражающих особенности строения постороннего предмета и выражающихся в явном, как правило локальном, снижении качества оттиска.

Таким образом, факторы, влияющие на качество отображения оттисков удостоверительных печатных форм, могут быть структурированы следующим образом:

Следует отметить, что все преречисленные группы факторов и закономерно обусловленные ими характерные признаки были достоверно установлены путем проведения автором многократных экспериментальных исследований, в процессе которых было изучено

более 10000 оттисков, нанесенных в различных условиях (скорость, наклон, нажим и т. д.), с использованием различных оснасток, бумаги, типов клише, штемпельных подушек и марок штемпельной краски, включая тушь, чернила и пр. [6].

Приведенные факторы образуют единую систему, поскольку их влияние на характер отображения признаков в оттиске носит комплексный характер. Каждой из групп факторов свойственны свои характерные признаки, которые в обязательном порядке должны учитываться экспертом при установлении условий нанесения оттисков печатей (штампов). Знание и умелое диагностирование данных признаков, а также верная их оценка являются значимым условием успешного решения идентификационных и диагностических экспертных задач при исследовании оттисков достоверительных печатных форм.

Список использованных источников

1. Дятлов, О. М. Признаки подделки документов / О. М. Дятлов, С. Г. Котов. – Минск : ПКФ «Экаунт», 1995. – 91 с.
2. Ефименко, А. В. Актуальные вопросы исследования оттисков печатей и штампов, изготовленных по современным технологиям / А. В. Ефименко, В. Ф. Финогенов // Информационная безопасность регионов. – 2010. – №2(7). – С. 121–125.
3. Волков, А. А. Возможности диагностического исследования оттисков самонаборных печатных форм / А. А. Волков, О. А. Косыгин, В. Ф. Финогенов // Эксперт-криминалист. – 2007. – №4. – С. 3–6.
4. Шведова, Н. Н. Особенности исследования оттисков печатей, изготовленных фотополимерным способом / Н. Н. Шведова, А. Г. Задоров // Судебная экспертиза. – 2007. – № 2 (10). – С. 73–74.
5. Ефременко, Н. В. Криминалистическое исследование изготовленных по современным технологиям достоверительных печатных форм и их оттисков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. В. Ефременко. – Минск, 2009. – 209 л.
6. Ропот, Р. М. Установление давности образования следов-отображений в судебной экспертизе (на примере исследования оттисков печатей и штампов) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Р. М. Ропот. – Минск, 2015. – 200 л.

Дата поступления: 12.03.2018

R. M. Ropot

Candidate of Juridical Sciences

Academy of the MIA of the Republic of Belarus

Minsk, Belarus

FACTORS AFFECTING THE QUALITY OF DISPLAY OF PRINTS OF SEALS AND STAMPS EQUIPPED WITH AUTOMATIC TOOLING

The widespread distribution of seals and stamps equipped with automatic equipment determines the need for a detailed study of the features of displaying prints obtained using such mechanisms. At the same time in the forensic literature, insufficient attention is paid to the consideration of factors affecting the quality of the application prints, and the criteria for assessing the conditions of their application proposed by scientists are of an unsystematic nature. Such factors form a unified system, since their influence on the character of the display of features in the print is complex. Each group of factors is characterized by its own characteristic features, which must necessarily be taken into account by the expert when establishing the conditions for applying seals (stamps).

Keywords: prints of seals and stamps, print impression quality, system of factors, conditions of application of prints, diagnostic features, technical examination of documents.

УДК 343.98

О. Г. Макась

магистр технических наук

E-mail: oksanazaluzhnaya@gmail.com

А. М. Кривицкий

кандидат технических наук

E-mail: michaelkrivitskij@gmail.com

Г. И. Залужный

кандидат технических наук

E-mail: genazaluzhnu@gmail.com

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

В статье рассмотрены основные вопросы, связанные с использованием 3D-технологий по фиксации объектов, транспортных средств и следов для реконструкции обстоятельств дорожно-транспортных происшествий. Показаны возможности современных компьютерных технологий, направленных на повышение качества осмотра места ДТП.

Ключевые слова: автотехническая экспертиза, осмотр места ДТП, реконструкция, использование 3D-технологии, лазерное сканирование.

Количество транспортных средств в личной собственности граждан Республики Беларусь возрастает с каждым годом. Так, в стране на 2016 год зарегистрировано 3 100 535 транспортных средств, что при населении 9,507 миллиона создает уровень автомобилизации 32 автомобиля на 100 человек. Данная статистика свидетельствует о большой интенсивности движения в республике, влияющей на количество дорожно-транспортных происшествий (ДТП) [1].

За последние годы обстановка в сфере обеспечения безопасности дорожного движения остается сложной. Только в Минске, по данным УГАИ ГУВД Мингорисполкома, за 2017 год произошло 488 ДТП, в результате которых погибло 40 человек и получили ранения 538 [2]. В этой связи особое значение приобретает объективное, всестороннее, по возможности более быстрое расследование данной категории преступлений.

Расследование ДТП имеет специфические особенности, обусловленные необходимостью привлечения значительного объема специальных знаний, производством разнообразных по природе, в том числе сложных в техническом отношении, видов экспертиз. В целом, эффективность расследования и рассмотрения уголовных и гражданских дел, а также административного материала этой категории находится в прямой зависимости от следующих факторов:

- достоверности и полноты исходных данных и материалов, характеризующих обстоятельства происшествия и представляемых на исследование;
- своевременного проведения автотехнической экспертизы;
- правильности вопросов, поставленных перед экспертом;
- полноты и достоверности их исследования.

Одним из основных источников получения исходных данных является осмотр места ДТП. Поэтому чрезвычайно актуальным сейчас является дальнейшее развитие теории, методов и средств проведения осмотра места ДТП и разработка на их основе практических рекомен-

даций. Одним из недостатков сбора исходной информации являются значительные затраты материальных и трудовых ресурсов. Кроме того в протоколе осмотра места ДТП зачастую отсутствует необходимая подробная информация о месте происшествия, а именно, точная схема взаимного пространственного положения потерпевших и транспортных средств участников ДТП, не фиксируется должным образом информация о повреждениях ТС.

Технология осмотра с фиксацией объектов на месте ДТП включает два этапа:

- общий осмотр с фиксацией объектов непосредственно на проезжей части дороги (необходимо решить задачу оперативного осмотра и фиксации объектов на месте ДТП с целью освобождения проезжей части дороги);
- детальный осмотр отдельных объектов (фиксация имеющихся следов может производиться после эвакуации данных объектов с проезжей части дороги).

Эффективным подходом в организации осмотра места ДТП и проведении автотехнической экспертизы, меняющих ситуацию в лучшую сторону, является использование специальных компьютерных программ и инструментальных средств по визуализации дорожно-транспортных ситуаций. С развитием компьютерной техники появились новые возможности по созданию специализированных технических средств и программных продуктов, к которым относятся 3D-технологии. Положительный эффект использования данного направления в следственной и судебно-экспертной деятельности сегодня не вызывает сомнения. Технологии такого рода позволяют сократить время осмотра и создать объективную цифровую модель места происшествия. При этом в расследовании ДТП их значение носит более определенный характер:

- фиксация объектов, ТС и следов, а также расстояний между ними на месте ДТП;
- моделирование при проведении следственных экспериментов и сложных экспертиз;
- моделирование с целью компьютерной презентации доказательств.

Одним из примеров современных специализированных средств измерений на месте ДТП является фотограмметрический аппаратно-программный комплекс «Ракурс». Данное устройство является наглядным примером того, как развитие цифровых технологий и методов компьютерной обработки изображений позволило значительно усовершенствовать методы измерений по фотографии. Указанный выше комплекс состоит из фотокамеры цифрового формата и программного обеспечения для проведения расчетов измерений по готовому снимку (иллюстрации). Технология съемки на месте происшествия связана с использованием мерного шаблона, имеющего заданные размеры и градацию их в разных плоскостях. Мерный шаблон позволяет масштабировать в трех плоскостях. Кроме того, мерный шаблон позволяет производить расчеты в изометрическом изображении отдельных объектов и расстояний между ними.

Эффективность применения фотограмметрических методов при осмотре места ДТП наиболее выгодно отражает показатель времени при заданной надежности фиксации, обработки и сохранения информации, связанной с измерениями. Вторым, факультативным критерием эффективности, может выступать показатель стоимости решения типовой задачи по фиксации информации, связанной с измерениями на месте происшествия.

Примером современных специализированных средств 3D-моделирования в форме 3D-фиксации объектов является метод наземного лазерного сканирования. Лазерное сканирование предоставляет сходное с фотографическим изображение, но в трехмерном виде, с возможностью свободно менять ракурс и проводить точные измерения, предполагает полное покрытие съемкой всего места и всех объектов происшествия без пробелов, что позволяет реконструировать картину ДТП в любой момент и увеличить информативность [3].

По принципу действия лазерные сканеры разделяют на импульсные, фазовые и триангуляционные. Импульсные сканеры рассчитывают расстояние как функцию времени прохождения лазерного луча до измеряемого объекта и обратно. Фазовые оперируют со сдвигом фаз лазерного излучения, в триангуляционных 3D-сканерах приемник и излучатель разнесены на определенное расстояние, которое используется для решения треугольника излучатель-объект-приемник.

Система наземного лазерного сканирования состоит из сканера и компьютера со специализированным программным обеспечением. Сканер состоит из лазерного дальномера и блока развертки лазерного луча. В процессе сканирования фиксируется направление распространения лазерного луча и расстояние до точек объекта. Результатом работы наземного лазерного сканера является растровое изображение – скан, значения пикселей которого представляют собой элементы вектора со следующими компонентами: измеренным расстоянием, интенсивностью отраженного сигнала и RGB-составляющей, характеризующей реальный цвет точки [4]. Технология лазерного сканирования позволяет выполнять измерения непосредственно по массиву точек лазерных отражений от объектов, находящихся в поле зрения сканера, так как каждая точка имеет уникальный набор координат X, Y, Z.

Поскольку область применения наземного лазерного сканирования велика (строительство и эксплуатация инженерных сооружений, горная промышленность, фиксация ДТП и мест преступлений и др.), то существует множество вариаций в их исполнении в зависимости от задач, решаемых конкретной моделью (рисунок 1) [5].

					
TRIMBLE TX8		Z+F IMAGER@5016		LEICA SCANSTATION P40	
					
RIEGL VZ-400i		FARO FOCUS 3D X330		CALLIDUS CP3200	
Фирма-изготовитель	Марка	Измеряемые расстояния, м	Поле зрения, градусы	Линейная точность (для 50 м), мм	Скорость сканирования, точек в секунду
TRIMBLE	TX8	0.6-120	360/317	2	1016000
Z+F	IMAGER5016	0.3-365	360/320	0.5	1094000
LEICA	SCANSTATION P40	0.1-120	360/270	1.2	1000000
RIEGL	VZ-400i	0.5-800	360/100	5	500000
FARO	FOCUS 3D X330	0.6-330	360/300	0.2	97000
CALLIDUS	CP3200	0.15-80	360/140	5	1750

Рисунок 1 – Наиболее распространенные наземные лазерные сканеры

Мобильное лазерное сканирование – один из самых технологичных методов съемки. В отличие от наземного лазерного сканирования фиксация производится при движении сканера, установленного на транспортное средство (рисунок 2) [6]. Мобильное лазерное сканирование лучше всего подходит для выполнения измерений линейно-протяженных объектов, и в первую очередь, – автомобильных дорог. Сканирование производится, как правило, со скоростями от 10 до 90 км/ч в зависимости от требуемой плотности облака точек.

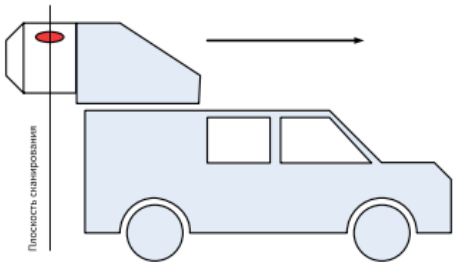
	
Принцип работы мобильного лазерного сканера	Мобильный лазерный сканер фирмы Riegl
	
Мобильный лазерный сканер фирмы IGI	Мобильный лазерный сканер фирмы Ortech
	
Мобильный лазерный сканер фирмы Топсон	Мобильный лазерный сканер фирмы MDL

Рисунок 2 – Наиболее распространенные мобильные лазерные сканеры

Применительно к автотехнической сфере широкое распространение получил комплекс Faro Focus 3D [7–9], который позволяет фиксировать взаимное расположение транспортных средств с привязкой к реальным условиям местности, следы торможения, осыпи грунта, осколки стекла, повреждения ТС, определять расстояния с точностью до 2мм.

Порядок действий при работе с наземным 3D-сканером включает в себя два основных этапа: полевой этап и этап камеральной обработки результатов измерений. В зависимости от поставленной задачи, каждый из этапов может включать в себя отдельные подэтапы. Место расположения сканера необходимо выбрать таким образом, чтобы покрыть весь объем съемки, а также обеспечить возможность перекрытия областей сканирования. Сканер должен быть установлен на расстоянии, не превышающее техническое значение для задан-

ной точности построения. При сканировании из нескольких точек перенос оборудования осуществляется без демонтажа. После проведения измерений необходимо обработать полученные данные с помощью специальных программ, подробный анализ которых изложен в работе [10]. Большинство производителей сканеров выпускают программное обеспечение непосредственно для своего оборудования, хотя существуют и универсальные программные комплексы. Специальные программные комплексы осуществляют предварительную обработку результатов с целью исключить точки, не принадлежащие объекту, далее строится векторная 3D-модель объекта по облаку точек. В случае, если лазерное сканирование объекта производится с нескольких точек, на стадии постобработки облака точек сшиваются, для чего на стадии съемки используются специальные маркеры, по которым затем производится сшивка полученных облаков точек в одну точечную модель. Финальное редактирование проводят в средах САД или специальных программах по обработке подобных моделей.

Преимущество метода наземного лазерного сканирования перед традиционными способами съемки состоит в быстрой трехмерной визуализации, высокой точности и полноте результатов, обеспечении безопасности при съемке труднодоступных и опасных объектов.

Также важным источником получения исходных данных в расследовании ДТП является следственный эксперимент. К сожалению, большинство справочных нормативно-технических данных имеют существенный разброс рекомендуемых значений, что делает в некоторых случаях результаты экспертизы недостаточно корректными. В то же время, использование современных технологий фиксирования доказательственной информации, а также новых способов ее извлечения и обработки позволяют оперативно получать необходимые для реконструкции ДТП исходные данные непосредственно в ходе проведения следственного эксперимента, существенно повышая, таким образом, объективность и достоверность расследования.

Заключительным этапом автоматизации судебно-экспертной технологии является презентация 3D-моделирования, особенно на судебной стадии, что позволяет сделать сложные процессы более понятными. Поэтому, при всей неоднозначности вопрос об использовании 3D-моделирования в процессе доказывания следует решать положительно, так как у анимации есть определенные преимущества.

Таким образом, использование современных 3D-технологий, в частности при осмотре места ДТП, позволит повысить качество проведения автотехнических экспертиз и сократить временные затраты, особенно в случае масштабных и сложных ДТП, с большим количеством участников, повреждениями дорожной инфраструктуры и транспортных средств. Указанные тенденции требуют повышения квалификации экспертов и перехода от инженерного класса их деятельности и методов решения поставленных задач к научному, сопровождаемому увеличением объема обрабатываемой и анализируемой информации, освоением практических навыков работы по фиксации объектов, следов и расположения ТС на месте ДТП с использованием современной инструментальной базы и программных средств.

Список использованных источников

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа : 16.03.2018.
2. УГАИ ГУВД Мингорисполкома [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gaiminsk.by/statistika>. – Дата доступа : 16.03.2018.
3. Страховое обозрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ininfo.ru/mag/2007/2007-09/2007-09-007.html>. – Дата доступа : 16.03.2018.
4. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Наземное_лазерное_сканирование. – Дата доступа : 16.03.2018.
5. Михайлов, А. П. Фотограмметрия : учебник для вузов / А. П. Михайлов, А. Г. Чибуничев; под общ. ред. А. Г. Чибуничева. – М. : Изд-во МИИГаик, 2016. – 294 с.

6. Сарычев, Д. С. Мобильное лазерное сканирование / Д. С. Сарычев // САПР и ГИС автомобильных дорог. – Томск : О-во с огранич. отв. «ИндорСофт», 2013. – С. 36–41.
7. Сретенцев, А. Н. Некоторые аспекты использования современных технических средств фиксации при осмотре места дорожно-транспортного происшествия / А. Н. Сретенцев, Д. А. Бадиков // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 4 (34). – С. 79–82.
8. Современные возможности использования фотограмметрии в судебно-медицинской практике и научных исследованиях / В. А. Фетисов [и др.] // Судебная-медицинская экспертиза. – М. : Изд-во Медиа Сфера, 2016. – Том 59. – № 6. – С. 41–47.
9. Маслов, Н. В. Организация технико-криминалистического обеспечения осмотров мест дорожно-транспортных происшествий на современном этапе развития технологий / Н. В. Маслов // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук : Материалы XXXV междунар. науч.-практ. конф. – М. : Науч.-информ. издат. центр «Институт стратегических исследований», 2017. – С. 136–143.
10. Шевченко, Г. Г. Анализ программного обеспечения для обработки данных наземного лазерного сканирования / Г. Г. Шевченко, Д. А. Гура, Р. Е. Глазков // Современное промышленное и гражданское строительство. – Макеевка : Донбас. нац. акад. стр-ва и архит., 2016. – Том 12. – № 3. – С. 127–140.

Дата поступления: 02.04.2018

O. G. Makas

Master of Technical Sciences

A. M. Krivitski

Candidate of Technical Sciences

G. I. Zaluzhny

Candidate of Technical Sciences

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

TECHNOLOGY ASPECTS AND CURRENT TRENDS OF DEVELOPMENT OF RECONSTRUCTION OF THE ROAD ACCIDENTS

The authors consider the possibility of use 3D-technologies for fixing of objects, vehicles and traces at the solution of expert tasks. Possibilities of the current computer technologies directed to improvement of quality of judicial and expert activity are shown.

Keywords: autotechnical expertise, inspection of plact of road, traffic accident, 3D-technologies, laser scanning.

УДК 343.98

С. В. Чащин

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
Минск, Беларусь

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ «С УЧИТЕЛЕМ» ДЛЯ АТРИБУЦИИ ТЕКСТА: ОТДЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРОВ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Объектом исследования является научно-исследовательская деятельность по определению автора спорного текста.

В процессе работы проведен анализ подходов, методов и признаков, используемых при определении автора спорного текста, в судебно-экспертной деятельности. Выдвинуты предположения о возможности применения местоимений в качестве признаков, используемых для определения автора спорного текста методами машинного обучения, приведены предварительные результаты исследования.

Ключевые слова: машинное обучение, атрибуция, авторство спорного текста, местоимения, идентификация.

Атрибуция текста – исследование текста с целью установления авторства или получения каких-либо сведений об авторе и условиях создания текстового документа. Задачи атрибуции можно разделить на идентификационные и диагностические [1; 2].

Идентификационные задачи позволяют осуществить проверку авторства:

- подтвердить авторство определенного лица;
- исключить авторство определенного лица;
- проверить тот факт, что автором всего текста был один и тот же человек;
- проверить тот факт, что написавший текст является при этом его настоящим автором.

Идентификационные задачи решаются из предположения, что автор текста известен.

В качестве примеров (хотя и вне судебного расследования) можно отметить решение вопросов об авторстве (атрибуции текста): «Тихого Дона» М. Шолохову или М. Шолохову и Ф. Крюкову [3, с. 22], анонимных и псевдонимных произведений, приписываемых А. С. Пушкину [4], «Элегии» Вильяму Шекспиру [5, с. 244–245] и др.

Диагностические задачи позволяют определить личностные характеристики автора (образовательный уровень, родной язык, знание иностранных языков, происхождение, место постоянного проживания и др.) и/или факт сознательного искажения письменной речи. Диагностические задачи решаются из предположения, что автор текста неизвестен. В этих случаях обычно невозможно сопоставить исследуемый текст с текстами автора.

Методы атрибуции позволяют исследовать текст на пяти уровнях: пунктуационном, орфографическом, синтаксическом, лексико-фразеологическом, стилистическом [1].

Пунктуационный уровень помогает выявить особенности употребления автором знаков препинания, характерные ошибки. В условиях распространения систем автоматической коррекции текста исследование текста на данном уровне представляется малоинформативным.

Орфографический уровень выявляет характерные ошибки в написании слов. По указанной выше причине – распространении систем автоматической коррекции текста – исследование текстов на данном уровне также представляется нецелесообразным.

Синтаксический уровень позволяет определить особенности построения предложений, предпочтение тех или иных языковых конструкций, употребление времен, активного или пассивного залога, порядок слов, характерные синтаксические ошибки.

Лексико-фразеологический уровень определяет словарный запас автора, особенности использования слов и выражений, склонность к употреблению редких и иностранных слов, диалектизм, архаизмов, неологизмов, профессионализмов, арготизмов, навыки употребления фразеологизмов, пословиц, поговорок, «крылатых выражений» и т. д.

Стилистический уровень позволяет определить жанр, общую структуру текста, для литературных произведений – сюжет, характерные изобразительные средства (метафора, ирония, аллегория, гипербола, сравнение), стилистические фигуры (градиация, антитеза, риторический вопрос и т. д.), другие характерные речевые приемы.

Под «авторским стилем» обычно понимаются последние три уровня [1]. Анализ именно синтаксического, лексико-фразеологического и стилистического уровней представляет наибольший интерес и наибольшую сложность.

Существует довольно много методов идентификации. В целом можно разделить их на две большие группы – экспертные и формальные [5]. Экспертные методы предполагают исследование текста профессиональным лингвистом-экспертом. К формальным относятся приемы из теории вероятностей и математической статистики, алгоритмы машинного обучения. Классификация основных формальных методов атрибуции текстов дана, например, в [6–8 и др.] (см. рисунок). Формальные методы чаще всего основаны на сравнении вычислимых характеристик текстов, как в теории распознавания образов. Применение теории распознавания образов в задаче атрибуции текстов можно встретить, например, в [6; 8; 9]. В общем случае текст отображается в вектор вычисленных для него параметров, каждый из которых объективно характеризует некоторый набор особенностей текста. Таким образом, текст отображается в некоторую точку n -мерного пространства. При такой формализации автор также может быть представлен в виде аналогичного вектора параметров – этим вектором будет вектор текстов, написанных данным автором.

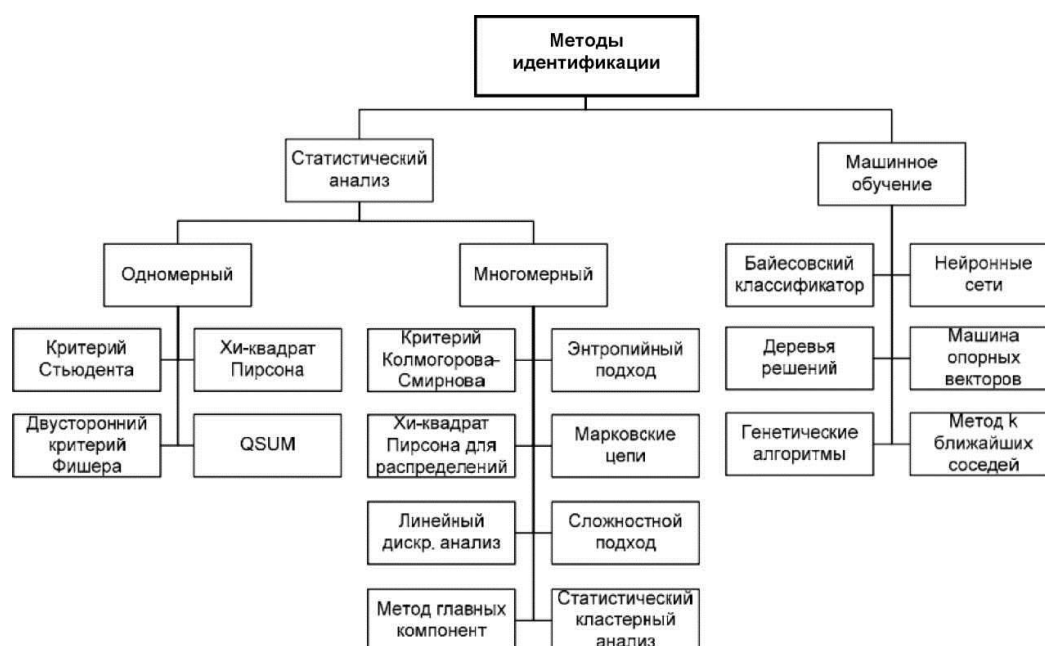

Рисунок – Наиболее популярные формальные методы идентификации [1]

В качестве критерия близости двух текстов часто вводится так или иначе вычисляемое «расстояние» между соответствующими векторами. В простейшем случае можно представить наборы параметров как векторы в n -мерном декартовом пространстве, выходящие из

начала координат. Чтобы сопоставить текст с автором, сравниваются векторы параметров автора и данного текста, т. е. сравниваются два текста – текст с заведомо известным автором (эталонный текст) и текст, авторство которого требуется установить, подтвердить или опровергнуть (спорный текст). Можно также составить векторы формальных параметров, различающие не конкретных авторов (или их группы), а выделяющие определенные характеристики авторов (например, образовательный уровень).

В большинстве случаев в качестве характеризующих параметров текста выбираются те или иные его статистические характеристики: количество использования определенных частей речи, некоторых конкретных слов, знаков препинания, фразеологизмов и т. д.

На практике считается достаточным, чтобы параметр позволял уверенно различать между собой разные группы авторов. Параметр не поможет различить тексты авторов из одной группы, но позволит различать тексты авторов, попавших в разные группы. Различать тексты авторов одной группы можно за счет использования одновременно достаточно большого вектора различных по характеру параметров – в этом случае вероятность случайного совпадения станет заметно меньше. Для уверенного вывода в отношении текстов, для которых формально вычисленное параметрическое расстояние мало, требуется дополнительное исследование экспертными методами.

Исторический обзор подходов к выделению признаков и алгоритмов для анализа текстов на предмет установления авторства

В настоящее время четкий перечень признаков, используемых для решения задачи атрибуции русскоязычного текста, не определен. Исторический обзор подходов, эффективность большей части которых была оспорена практической работой, приведена во многих работах, в том числе [5]. Вместе с тем, ввиду того, что подавляющее большинство этих работ написаны иностранными авторами на иностранных языках, представляется целесообразным дать краткое описание проб, ошибок и успехов на пути решения задач атрибуции текста.

Научный подход к атрибуции текста был заложен в конце 19 в. в работах Mendenhall [5], изучавшего произведения Марлоу, Бэкона и Шекспира, а также Mascol [10, с. 85; 11], исследовавшего новозаветные Евангелия. Оба автора пытались выявить некоторый уникальный признак, который позволил бы однозначно определить принадлежность анонимного или псевдонимного текста известному автору. Для решения задачи авторы строили график отношения длины слова и частоты появления слова в тексте. Вопросы об авторстве как исследованных Mendenhall произведений, так и исследованных Mascol Евангелий до сих пор остаются нерешенными¹, однако эти работы заложили основу статистических методов в атрибуции текста.

До начала 60-х гг. основной целью исследователей был поиск некоторого уникального признака, позволяющего однозначно идентифицировать автора. Так, в 1944 г. Yule [5] в качестве подобного маркера предложил длину предложения, хотя и указывал на невысокую надежность данного метода. Предложенная им характеристика K является мерой словарного запаса автора текста, и не позволяет однозначно идентифицировать самого автора.

Новый подход к установлению автора текста был предложен Mosteller и Wallace [5] в 1964 г. Применяв инновационный на тот момент наивный байесовский классификатор и используя в качестве признаков служебные слова, авторы смогли с высокой точностью (до 88%) идентифицировать авторов каждого из т. н. Федералистских текстов – псевдонимных статей, касающихся американской конституции, опубликованных в 1787-1788 гг. тремя

¹ В 1987 г. Пенн, применяя средства компьютерной техники, провел исследование, по результатам которого указал, что значительная часть драм Шекспира была написана Бэконом. В последующем, использованный Пенном метод был раскритикован и отвергнут, т. к., согласно методике, Бэкон был также автором, как минимум, «Моби Дика», «Галльской войны» Ю. Цезаря и Библии [12, с. 565]. Спор об авторстве отдельных произведений, приписываемых Шекспиру, до сих пор не окончен.

разными авторами (Джей, Гамильтон и Мэдисон) под псевдонимом «Publius» («Публий»). Данная работа стала классическим примером применения количественных методов в анализе текстов и первой работой по применению многомерного анализа текста.

В 1971 г. методом Mosteller и Wallace удалось доказать (вкуче с другими доказательствами) невиновность осужденного за убийство полицейского и повешенного в 1953 г. Дерека Бентли (реабилитирован в 1993 году). Среди главных доводов в пользу его невиновности были относительные частоты употребления слова then (десятикратно превосходила среднюю по Корпусу записей разговорного английского языка Банка Англии) и словосочетания I then (почти тысячекратно превосходила среднюю по указанному выше Корпусу) в документах, предъявленных суду в 1952 г. в качестве признательных показаний Бентли. При этом, количественные значения и того, и другого параметров соответствовали частотам их употребления в показаниях полицейских. Более того, именно такие значения частоты встречаемости этих признаков были определены экспертом-лингвистом как уникальные признаки письменной речи сотрудников полиции.

Схожие подходы были предложены Burrows [5], применившим метод главных компонент к частотам слов. Идея заключается в проецировании многомерных векторов частот слов в сравнительных текстах в двумерное пространство. В результате, при четком визуальном разделении спроецированных векторов разных авторов автор неизвестного текста определяется как тот, к чьим текстам ближе всего расположен спорный документ.

Еще одно направление в применении математических моделей при атрибуции текста было положено Д. Хмельвым [13; 14] в 90-х гг. прошлого века.

В ходе проведенных Д. В. Хмельвым исследований был сделан вывод о том, что простейший подход с использованием цепей Маркова первого порядка показывает хорошие результаты на файлах большого объема и плохие по сравнению с другими методами на отрывках длиной в 2000–5000 символов. Этот метод был реализован в системе «Лингвоанализатор» (<http://www.rusf.ru/books/analysis>) – первом русскоязычном эксперименте по распознаванию автора текста. Детально данная система, а также проводимые с ней эксперименты описаны в работах [1; 13; 14].

«Лингвоанализатор» представляет собой ресурс в глобальной сети Интернет. Основная задача системы – определить степень близости заданных пользователем исследуемых текстов индивидуальному стилю одного из авторских эталонов, определенных заранее и занесенных в систему.

В работе [15] показано, что последовательность символов текста не обладает свойствами простой цепи Маркова. Вместе с тем, моделирование языка с применением цепей Маркова стало крайне популярным в последнее время среди авторов, занимающихся исследованиями в области компьютерной лингвистики на различных языках, в т. ч. английском (см., например, [16, с. 192–196]), китайском ([17]) языках и др. Более того, цепи Маркова активно используются в настоящее время в системах распознавания образов, в частности, звучащей речи [18; 19, с. 9–15] и текста [20].

Главные недостатки системы:

- невозможность пользователю задавать эталоны сравнения (список известных авторов текста);
- невозможность установить признаки, по которым проводится сравнение текстов авторов;
- невозможность установить алгоритмы, по которым проводится сравнение текстов авторов;
- работа с ресурсом возможна только в сети Интернет.

Как продолжение развития подхода, использующего в качестве стилевых признаков бинарные буквосочетания, А. Н. Тимашев [21] предложил применять трехбуквенные сочетания. Был создан программный продукт для автоматического сравнения и классификации текстов по параметрам индивидуального авторского стиля под названием «Атрибутор» (электронный адрес программного продукта – <http://www.textology.ru/web.htm>).

База этой программы содержит произведения 103 авторов и использует экспертную обработку текстов. В эталонную выборку, на которой происходило обучение «Атрибутора», попали в основном романы и повести отечественных писателей XIX-XX вв. Пополнение шло за счет ресурсов известных электронных библиотек, наибольшее количество текстов было получено в библиотеке М. Мошкова. Выборка подбиралась таким образом, чтобы тексты разных писателей в максимальной степени различались друг от друга, а тексты одного писателя были максимально близки. Те случаи, когда известный писатель в какой-то период своего творчества резко менял стиль изложения, отсеивались.

Для обработки текста «Атрибутором» необходимо, чтобы его длина была не меньше 6 страниц. Ограничение на длину текста накладывается для того, чтобы избежать ошибок, связанных со сравнением статистически несопоставимых объектов. В обработку попадают все слова текста, за исключением имен собственных.

Скандальную известность в 90-е гг. XX в. получил метод QSUM (иначе называемый CUSUM), основанный на применении популярного в управлении качеством инструмента кумулятивных сумм. Главная идея подхода состоит в том, что отношения между отдельными авторскими инвариантами – например, длина предложения и количество служебных слов в тексте – являются постоянными на всем протяжении текста, и могут быть достаточной характеристикой автора текста. Для каждой статистики рассчитывается среднее значение, а отклонения от средних значений по каждому предложению суммируются накопительным итогом. Для проверки неизвестного текста, который, как правило, по объему намного меньше текста с достоверным авторством, неизвестный текст вставляется в корпус известных. Изменения в графике кумулятивных сумм показывают, что неизвестный текст не относится к автору известного текста.

Простота данного метода обусловила его принятие в США в качестве стандарта в судах. Однако тщательные исследования показали, что авторы метода подгоняли исходные данные, а последующие исследования и расследования привели к отмене более 70% решений, принятых в американских судах на основе данного метода.

В последнее время большую популярность в решении задач классификации приобрели методы искусственного интеллекта, в первую очередь методы машинного обучения. Наибольшую популярность среди них приобрели методы обучения «с учителем», позволяющие контролировать процесс обучения системы. Для целей судебной экспертизы представляется целесообразным применение методов «белого ящика». Основными методами машинного обучения данной группы являются: наивный байесовский классификатор, метод максимальной энтропии (логистическая регрессия), метод k -ближайших [5; 16]².

Современные наиболее распространенные подходы к выделению и использованию признаков

В настоящее время наиболее распространенными подходами к работе с признаками, используемыми при решении задачи методами машинного обучения, являются «мешок слов» и n -граммы.

«Мешок слов». Суть метода состоит в том, что для исследования неважны порядок слов и их морфологические формы в документе, анализируется только количество вхождений конкретных слов (позиционная независимость слов).

Наиболее популярным «мешком слов» в англоязычных исследованиях является полный список т. н. служебных слов (предлоги, частицы, артикли и т. д.). М. Kestemont [22] приво-

² Более подробное описание данных методов приведено в настоящем сборнике в статье: Боброва, Н. Л. Применение методов машинного обучения в судебно-экспертной деятельности для целей классификации и идентификации: обзор подходов и их адаптация / Н. Л. Боброва, С. В. Чашин // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол.: А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2018. – С. 191–200.

дит основные преимущества служебных слов по сравнению с т. н. «содержательными словами» (content words) – существительными, подлежащими, глаголами. В качестве основных методологических преимуществ автор определил следующие:

- все авторы, пишущие на одном и том же языке в одном и том же историческом интервале, используют, как правило, одни и те же служебные слова;
- высокая частота их применения представляет интерес с точки зрения количественного анализа ввиду возможности проводить множество наблюдений;
- использование служебных слов не настолько сильно обусловлено жанром или темой текста как «содержательных слов»;
- использование служебных слов осуществляется на подсознательном уровне, и не так сильно контролируется автором как содержательные слова.

На взгляд автора настоящей работы, к этой же категории («мешок слов») можно отнести использовавшиеся отдельными авторами частоты встречаемости различных знаков пунктуации. Вместе с тем, учитывая повсеместное распространение средств автоматической проверки текста, а также прохождение текстами в некоторых случаях этапов рецензирования и редактирования, применение знаков пунктуации в качестве идентифицирующих признаков в настоящее время является малонадежным подходом.

N-граммы. Данный подход является наиболее долго и часто используемым в анализе текстов. Подход с применением метода *n*-грамм можно описать следующим образом.

Формально текст можно представить как последовательность (цепь) сменяющихся во времени (в позиции в тексте) событий (токенов). Токенами могут выступать слова, символы текста, части речи и т. д. Последовательность токенов носит название *n*-грамм, где *n* – количество токенов в анализируемой последовательности. Так, в предложении «Открылась дверь.» имеются следующие *n*-граммы (*n* = 3, для удобства анализа буква «О» в начале предложения переведена из прописной в строчную): «#от», «отк», «ткр», «кры», «рыл», «ыла», «лас», «ась», «сь_», «_д», «_дв», «две», «вер», «ерь», «рь.», «ь.#», где символом «#» обозначено начало и конец предложения, символом «_» – пробел между словами. В свою очередь, *n*-граммы также могут образовывать последовательности (т. е. сами выступать токенами).

В рамках модели на каждом этапе система может принимать одно из множества состояний $\{S_1, S_2, \dots, S_y\}$, где *y* – общее количество токенов (слов в языке, анализируемых символов, частей речи и т. д.). Если указывается, что $q_n = S_i$, это означает, что на позиции *n* находится некоторый токен S_i в момент времени *n*.

Недетерминированный характер текста отражается в матрице переходов *A* ($A = [a_{ij}] = P(q_{t+1} = S_j | q_t = S_i)$, $a_{ij} \geq 0$ для любых *i* и *j*). Данная запись обозначает вероятность перехода системы в состояние S_j в позиции *t*+1 при условии того, что на текущее состояние в позиции *t* было S_i .

Находясь в одном из состояний S_i на следующем этапе система с некоторой фиксированной вероятностью может перейти в состояние S_j , т.е. за токеном *i* с некоторой вероятностью может следовать токен *j*.

π – вектор начальных состояний системы – вероятность того, что в период времени, самый ранний из исследуемых, система находится в одном из исследуемых состояний:

$$\pi_i = P(q_1 = S_i) \quad (1)$$

Вероятность ни при каких условиях не может быть равна 0, однако может стремиться к 0.

Важным условием модели является следующее: вероятность перехода системы в следующее состояние S_j из состояния S_i не зависит от предыдущих состояний, а только от текущего, т. е. S_i .

$$P(q_{t+1} = S_j | q_t = S_i, q_{t-1} = S_{i-1}, \dots, q_0 = S_0) = P(q_{t+1} = S_j | q_t = S_i) \quad (2)$$

для всех состояний $S_0, S_1, \dots, S_{t-1}, S_t, S_{t+1}$ и всех $n \geq 0$.

Для удобства запись $P(q_{t+1} = S_j | q_t = S_i)$ обозначается P_{ij} .

Данный случайный процесс называется цепью Маркова [10, с. 157–158]. Представленная выше формула может быть интерпретирована следующим образом: вероятность перехода системы в следующее состояние S_j из состояния S_i не зависит от предыдущих состояний, а только от текущего, т. е. S_i .

$\sum P_{ij} = 1$, т. е. сумма вероятностей переходов во все возможные состояния из некоторого состояния S_i должна быть равна 1.

Основой алгоритмов расчета в моделях данного типа служит теорема Байеса. В отличие от простейшего байесовского классификатора (в рамках модели которого, как ранее указывалось, признаки независимы), зависимые вероятности отражают не только связи между количественным значением признака и классом, к которому признак относится, но и связи между самими признаками.

Признаки авторского инварианта, предлагаемые автором работы, и их проверка

Выбор конкретного перечня признаков («мешка слов» либо набора n -грамм) является прерогативой исследователя. Вместе с тем, в русскоязычной литературе автором не обнаружен четкий перечень признаков, которые могли бы использоваться для атрибуции текста.

С учетом предложенного Mosteller и Wallace подхода [5; 10], а также на основе положений стилистики русского языка автором настоящей работы выдвинута гипотеза о возможности применения местоимений в качестве признаков конкретного автора текста.

Местоимение – часть речи, которая не называет предмет или признак предмета, но указывает на них. Местоимения могут в нужном случае заменять существительные, прилагательные или причастия, числительные. Благодаря этому свойству, они служат средством связи предложений в тексте.

Кроме того, местоимения обладают особой изобразительной силой – экспрессивностью, т. е. используются автором текста для передачи чувств, переживаний, выразительности.

Наконец, употребление местоимений, подобно служебным словам, не контролируется лицом, их употребляющим.

Необходимо отметить, что в цитированной выше работе [22] М. Kestemont указывает на подчеркнутую отдельными авторами опасность применения личных местоимений для решения указанных задач ввиду их зависимости от жанра и/или тематики текста. Однако для русскоязычных текстов подобные работы автором не обнаружены.

Также, проведенным автором исследованием текстов русских писателей конца XIX – начала XX вв. (Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. М. Пешков (М. Горький)) установлена принципиальная возможность применения местоимений для определения авторства спорного текста.

Для проведения исследований с использованием алгоритмов машинного обучения автором разработан программный продукт StylometRy, позволяющий определить автора спорного текста из нескольких имеющихся. В качестве классификаторов были избраны метод наивного байесовского классификатора, метод k -ближайших и метод логистической регрессии, в качестве лингвистического признака использовались местоимения (метод «мешка слов»).

Проверка моделей, положенных в основу программного продукта «StylometRy», осуществлялась на текстах русских авторов конца XIX – начала XX вв. (Л. Н. Толстой, М. Горький, А. П. Чехов). Точность моделей, которые строились системой по результатам обучения, зависела от количества слов самого текста, размера проб, выбранных признаков и алгоритмов. В целом, для текстов объемом свыше 150 000 символов и пробами от 6 500 слов минимальная точность модели (при применении всех трех алгоритмов) находилась в пределах 60–100% (мода – 87%), чувствительность системы – 0,6–0,85 (в зависимости от количества и состава используемых признаков, а также параметра n и количества итераций кросс-валидации). Установить наиболее точный алгоритм из трех представленных не представилось возможным. Минимальный объем текста для проведения анализа составлял 5 500 слов.

Следует отметить, что указанные выше признаки проведены на художественных текстах авторов определенной эпохи. Представляется целесообразной дальнейшая работа по:

- снижению размерности модели, т. е. уменьшению количества признаков, используемых для классификации без значительных потерь точности и чувствительности модели;
- определению устойчивых признаков авторства для текстов иных стилей и иных временных эпох.

Список использованных источников

1. Батура, Т. В. Формальные методы определения авторства текстов / Т. В. Батура // Вестник НГУ. Серия : Информ. технологии / под ред. А. М. Федотова. – Новосибирск, 2012. – Том 10, вып. 4. – С. 81–94.
2. Галяшина, Е. И. Лингвистическая безопасность речевой коммуникации / ГЛЭДИС. – 2004. – Режим доступа : <http://www.rusexpert.ru/magazine/034.htm>. – Дата доступа : 02.04.2017.
3. Гоголева, В. А. Математический подход к установлению авторства и времени создания текста на основе исследования его энтропии / В. А. Гоголева, А. П. Шкарапута // Вестник Пермского университета, разд. «Математика. Механика. Информатика» / под ред. О. Г. Пенского. – Пермь, 2014. – Вып. 4 (27), 2014. – С. 22–28.
4. Хозяинов, С. А. Атрибуция публицистических произведений, приписываемых А. С. Пушкину : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / С. А. Хозяинов; СПбГУ. – СПб., 2008. – 264 л.
5. Juola, P. Authorship Attribution / P. Juola // Foundations and Trends in Information Retrieval. – Hanover, 2006. – № 1(3). – С. 233–334.
6. Романов, А. С. Методика и программный комплекс для идентификации автора неизвестного текста : автореф. дис. ... канд. техн. наук : 05.13.18 / А. С. Романов. – ТУСУР. – Томск, 2010. – 26 с.
7. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика : учеб. пособие / Е. И. Большакова [и др.] – М. : МИЭМ, 2011. – 272 с.
8. Automated Authorship Attribution Using Advanced Signal Classification Techniques / M. Ebrahimpour [et al.] // PLOS ONE. – 2013. – V. 8, issue 2. – С. 1–12.
9. Feature Selection for text classification with Naïve Bayes / J. Chen [et al.] // Expert Systems and Applications. – Elsevier, 2018. – № 36. – С. 5432–5435.
10. The Structure of Style : Algorithmic Approaches to Understanding Manner and Meaning / S. Argamon [et al.]. – Berlin : Springer-Verlag, 2010. – 339 с.
11. Rudman, J. The State of Authorship Attribution Studies: Some Problems and Solutions / J. Rudman // Computers and the Humanities. – Amsterdam : Kluwer Academic Publishers, 1998. – Vol. 31. – С. 351–365.
12. Handbook of Natural Language Processing / R. Dale [et al.]. – New York : Marcel Dekker, Inc, 2000. – 999 с.
13. Хмелёв, Д. В. Распознавание автора текста с использованием цепей [Электронный ресурс] / Д. В. Хмелёв, А. А. Маркова // Вестник МГУ, сер. 9 : Филология; под ред. М. Л. Ремневой. – М., 2000. – № 2. – С. 115–126. – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~lex/khmelev/published/vestnik/vestnik2000win.html>. – Дата доступа : 02.04.2017.
14. Khmelev, D. V. Disputed authorship resolution through using relative empirical entropy for markov chains of letters in human language texts / D. V. Khmelev // Journal of Quantitative Linguistics. – 2000. – № 7(3). – С. 201–207.
15. Шевелёв, О. Г. Разработка и исследование алгоритмов сравнения стилей текстовых произведений : автореф. дис. ... канд. техн. наук : 05.13.18 / О. Г. Шевелёв; Томск. гос. ун-т. – Томск, 2006. – 19 с.
16. Manning, Ch. D. Foundations of Statistical Natural Language Processing / Ch. D. Manning, H. Schütze // Cambridge : Massachusetts Institute of Technology, Second printing with corrections, 2000. – 704 с.
17. Jian-yun, N. On the Use of Words and N-gram for Chinese Information Retrieval / N. Jian-yun // Proceedings of the fifth international workshop on Information retrieval with Asian languages. – New York, USA : 2000. – С. 141–148.

18. Rabiner, L. R. A Tutorial on Hidden Markov Models and Selected Applications in Speech Recognition / L. R. Rabiner // Proceedings of the IEEE – Raleigh, North Carolina, USA, 1989. – Vol. 77, № 2. – С. 257–286.
19. Fink, Gernot A. Markov Models for Pattern Recognition: From Theory to Applications. Second Edition / Gernot A. Fink // Springer-Verlag, London : 2008/2014. – 275 с.
20. N-gram-based Author Profiles For Authorship Attribution / V. Keselj [et al.] // PACLING'2003 / Pacific Association for Computational Linguistics. – Halifax, Canada : 2003. – С. 255–264.
21. Тимашев, А. Н. Атрибутор [Электронный ресурс] / А. Н. Тимашев // Текстология.ру. – 2002. – Режим доступа : http://www.textology.ru/atr_resum.html. – Дата доступа : 02.04.2018.
22. Kestemont, M. Function Words in Authorship Attribution From Black Magic to Theory? / M. Kestemont // Proceedings of the 3rd Workshop on Computational Linguistics for Literature. – Gotheburg, April 27, 2014. – С. 59–66.

Дата поступления: 26.04.2018

S. V. Chaschin

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

**APPLICATION OF MACHINE LEARNING SUPERVISED LEARNING METHODS
IN TEXT ATTRIBUTION: DISTINCT APPROACHES AND INTERMEDIATE RESULTS
IN IDENTIFICATION OF THE AUTHORS OF RUSSIAN TEXTS**

Research activities in authorship attribution for the purpose of forensic science is the object of current study.

In the process of research we analyze approaches, methods and features exploited in authorship attribution. We propose to use pronouns as features in authorship attribution, performed with supervised learning methods, and provide some intermediate results.

Keywords: machine learning, authorship attribution, questioned text, pronouns, identification.

УДК 343.98+581.6

А. Н. Хох

E-mail: lann1hoh@gmail.com

Т. Б. Рылова

доктор геолого-минералогических наук

E-mail: rylova@nature.basnet.by

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В статье обобщены результаты использования спорово-пыльцевого анализа (СПА) в криминалистике. Освещены исторические аспекты возникновения и современные тенденции развития судебной палинологии. Приведены и проанализированы примеры из мировой и отечественной судебно-экспертной практики. Представлены наиболее значимые результаты научных исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Обосновано, что спектр решаемых с помощью СПА задач весьма разнообразен и чрезвычайно актуален, особенно в свете последних тенденций, связанных с появлением дизайнерских наркотиков, а получаемая информация является неоспоримым источником доказывания при раскрытии различного рода правонарушений. Ввиду недостаточной освещенности данной проблематики в специализированной научной и судебно-экспертной литературе, авторы полагают, что данная статья обладает практической значимостью и представляет интерес для экспертов-криминалистов.

Ключевые слова: судебная палинология, спорово-пыльцевой анализ, микроскопия, морфология, источник доказывания, криминалистические исследования, вещественные доказательства, дизайнерские наркотики.

Спорово-пыльцевой анализ (СПА) включает в себя совокупность приемов и сведений из самых разных областей знания, таких как ботаника, география, экология, геология и др. В его основе лежат знания морфологических признаков и биометрических показателей пыльцевых зерен и спор высших растений (например, размер, форма, полярность, поровость, симметрия, цвет и др.) и умение исследователя определять их принадлежность к определенным семействам, родам и видам.

Основоположник метода – шведский ученый Леннарт фон Пост (Lennart von Post). В 1916 г. он представил научному сообществу первую спорово-пыльцевую диаграмму, которая отражала распределение пыльцы древесной растительности в торфяниках южной Швеции [1].

В настоящее время спорово-пыльцевые диаграммы строятся в системе прямоугольных координат и позволяют наиболее наглядно представить результаты СПА отдельного исследуемого объекта. Для каждого таксона от точки на оси ординат, соответствующей объекту, проводят вправо линию, параллельную оси абсцисс, до соответствующего процентного значения. В том случае, если содержание пыльцы какого-либо таксона ниже 1%, то его значение указывается сверху над ординатой (например, 0,3 или 0,5 и др.), а справа от точки на ординате, соответствующей исследуемому объекту, помещается знак «+». Пример такой диаграммы для двух сравниваемых образцов приведен на рисунке 1.

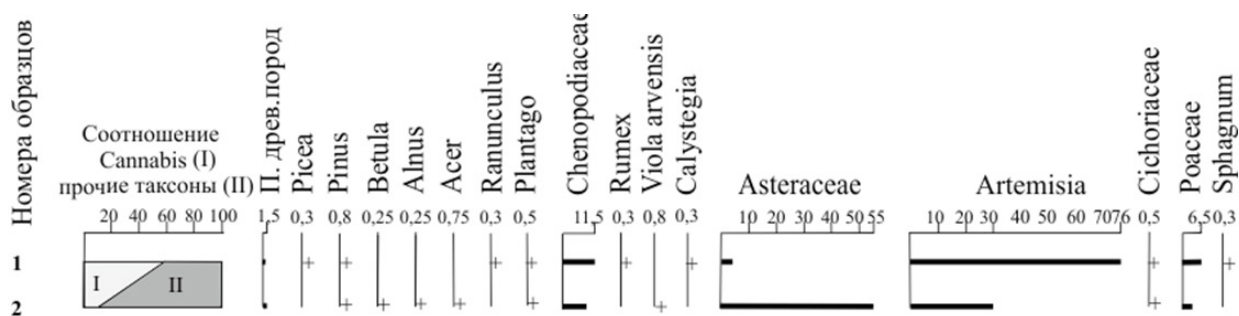

Рисунок 1 – Процентное содержание пыльцы растений в образцах 1 и 2

Необходимость в криминалистическом исследовании пыльцы и спор может возникнуть при расследовании самых разнообразных преступлений, как уголовных, так и административных: убийства, изнасилования, террористические акты, дорожно-транспортные происшествия, поджоги, контрабанда исторических произведений искусства, незаконный оборот наркотиков, порча земли, незаконная охота и многое другое.

Обнаружение большого количества признаков спорово-пыльцевых спектров (в среднем нескольких десятков), характеризующих свойства исследуемых объектов, имеет особенно большое значение при групповой идентификации, т. к. дает возможность сузить группу предметов, к которой они относятся, и этим приблизить групповую идентификацию к индивидуальной.

Тот факт, что пыльца имеет большое значение как доказательство, обусловлен ее повсеместным распространением, чрезвычайной устойчивостью к разрушающему механическому, химическому и биохимическому воздействию¹, огромным разнообразием, а также тем, что она может быть отнесена к конкретному растению.

На рисунке 2 представлено несколько цветных микрофотографий пыльцевых зерен и спор растений флоры Беларуси.

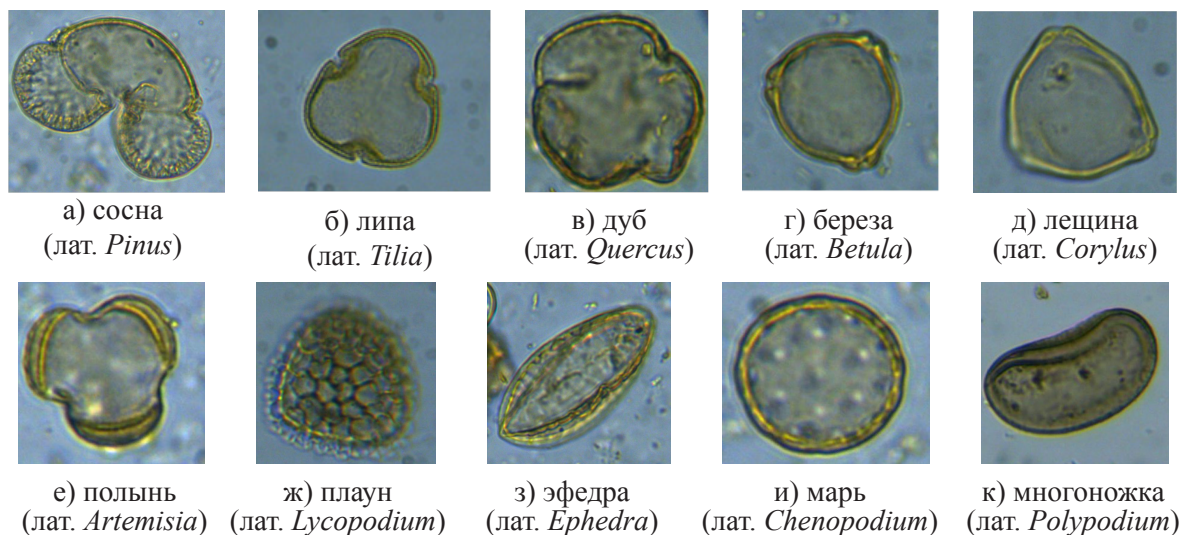

Рисунок 2 – Примеры пыльцевых зерен (при увеличении x40)

Стоит отметить, что использование СПА в целях правосудия имеет давнюю историю. Так, некоторые указания о целесообразности исследования одежды, а также носовой полости и ушных раковин подозреваемых лиц с целью обнаружения пыльцы, которая могла бы указывать на их пребывание в определенной местности, содержатся в работах Пола Кирка (Paul Kirk) [2] и Эдмона Локара (Edmond Locard) [3]. Однако стоит отметить, что изучение пыльцы для целей расследования преступлений в том виде, как это рекомендуют Локар и Кирк, ограничивается лишь теми случаями, когда подозреваемый находился в непо-

¹ Пыльцу можно найти на одежде даже после двух-трехкратной стирки, особенно если эта одежда имеет шероховатую или ворсистую поверхность.

средственным соприкосновении с большим количеством цветущих или образующих споры растений (например, проходил по цветущему полю, среди цветущего кустарника, лежал на цветущих растениях, папоротнике и т. д.). Обычно же на ткани одежды людей в весеннее и летнее время возможно обнаружение единичных пылевых зерен, относящихся, чаще всего, к ветроопыляемым растениям.

В отечественной судебной практике метод СПА используется с начала 1960-х гг. при расследовании фактов хищения или отравления некоторыми сортами цветочного меда. Изучая содержащиеся в нем пыльцу и споры, можно определить сорт, степень натуральности и однородности меда. Также в то время результаты СПА были востребованы при расследовании дел о хищении скота. При проведении экспертиз в этих случаях исследовались экскременты травоядных животных и навоз, поскольку лицо, совершающее хищение скота, нередко уносит с места преступления значительное количество экскрементов на своей обуви, а там их частицы могут сохраняться в течение сравнительно длительного времени [4].

Одним из самых ранних примеров использования СПА в практике зарубежных судебных экспертиз можно считать дело об убийстве в 1959 г. в Австрии. Мужчина, путешествующий на экскурсионной лодке по реке Дунай, исчез недалеко от Вены; тело найдено не было. В качестве подозреваемого был задержан его партнер по бизнесу. В его каюте был произведен обыск, в результате которого была изъята пара грязных походных сапог. Сапоги были направлены на исследование в криминалистическую лабораторию. В результате проведенного СПА было определено, что почва с сапог содержит современную пыльцу ели, ивы и ольхи, а также большое количество ископаемой пыльцы миоценового периода (20 миллионов лет назад). Только для одной небольшой области, расположенной в 20 км к северу от Вены вдоль реки Дунай, были характерны миоценовые отложения и наличие лесов, состоящих преимущественно из ели, ивы и ольхи. Когда подсудимого доставили на предполагаемое место преступления, под влиянием представленных доказательств он сразу признался в совершении убийства и указал точное место захоронения.

Несмотря на этот успешный пример, метод СПА не получил широкого практического применения в судебной экспертизе, как в Австрии, так и во всем мире. И только в последние 2 десятилетия результаты СПА начали регулярно использоваться в качестве доказательств по уголовным делам в Австралии [5], Новой Зеландии [6], Канаде [7], Великобритании [8], США [9], Российской Федерации [10] и, гораздо реже, в других странах [11–13].

Подтверждением данного тезиса является тот факт, что в последние 20 лет количество публикаций, посвященных различным аспектам судебной палинологии и ее применению при расследовании преступлений, возросло с 23 в 1997 г. до 210 в 2017 г., т. е. увеличилось более чем в девять раз (рисунок 3).

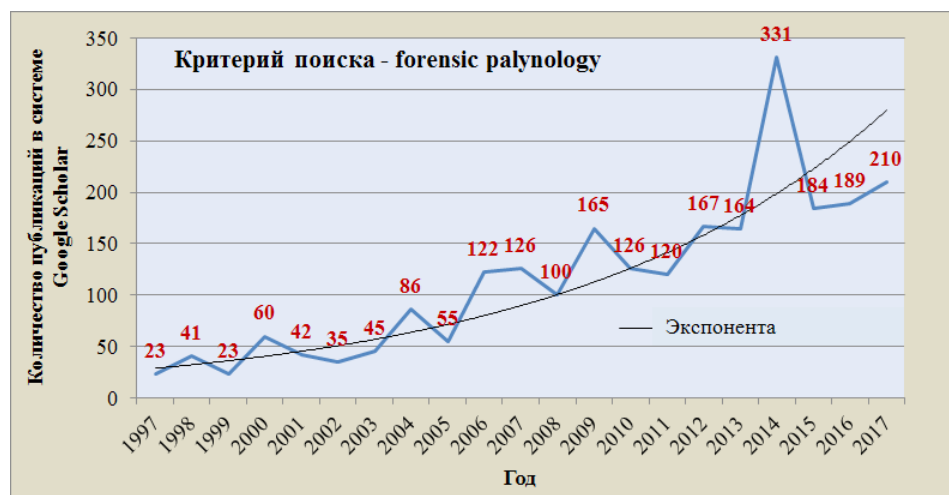

Рисунок 3 – Количество проиндексированных в системе Google Scholar публикаций, связанных с судебной палинологией

Это можно объяснить тем, что все исследование микрочастиц (микрочастицами принято называть твердые тела размером до 1 мм, обладающие устойчивой формой и структурой), каковыми являются пыльца и споры растений, стало приобретать все большее криминалистическое значение.

Представляет несомненный интерес работа, выполненная итальянскими исследователями по изучению состава пыльцы и спор, собранных с тел умерших людей (с лица, волос, бровей, ушных раковин, ноздрей и т. д.), даты смерти которых были известны. Проведенное затем сопоставление полученных материалов с точными данными аэропалинологии показало тесную связь между составом пыльцы на телах умерших людей и временем (сезоном) их смерти [13].

В настоящее время СПА начинает активно применяться при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом объектов дикой флоры и фауны, а также недекларированием или недостоверным декларированием товаров плодоовощной продукции, легкой промышленности, жидкостей и сыпучих веществ. Так, из последних примеров наиболее показательны следующие:

1) Полицией Сингапура при рентгеновском сканировании грузового контейнера были обнаружены 78 слоновьих бивней. По обнаруженным в контейнере пыльцевым зернам удалось довольно точно установить их происхождение. Было показано, что бивни отрубили у слонов, обитающих на границе Танзании и Кении [14].

2) Сотрудниками Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления ФТС России спорово-пыльцевым методом было выявлено недостоверное декларирование фруктов в части заявленных стран происхождения (Бразилия, Эквадор, Чили). Экспертизами были установлены регионы происхождения товаров в пределах Европы [15].

Следует учитывать, что при проведении СПА недопустима односторонность оценки: обнаружение пыльцевых зерен экзотического растения вовсе не дает оснований для категорического вывода о региональной принадлежности, т. к. пыльца многих видов обладает способностью перемещаться на огромные расстояния и даже из одного полушария в другое.

В целом, на основании проанализированных литературных источников можно констатировать, что СПА в судебной экспертизе может использоваться для того, чтобы:

- установить связь между людьми, предметами и местностью;
- уточнить обстоятельства дела;
- доказать или опровергнуть алиби подозреваемого;
- локализовать или реконструировать место совершения преступления;
- сузить круг подозреваемых;
- определить регион (место) происхождения различных групп товаров;
- установить географические места произрастания наркосодержащих растений;
- определить давность захоронения трупа в пределах года (весна, лето, осень);
- получить информацию об окружающей среде, в которой находились люди, предметы;
- установить принадлежность нескольких объектов материального мира одному источнику происхождения;
- помочь в поиске пропавших без вести;
- составить историю путешествий преступника.

Предусмотреть все возможные случаи применения СПА при производстве судебных экспертиз не представляется возможным. Однако его практическое использование в большинстве случаев может иметь существенное значение только тогда, когда пыльца обнаруживается в том или ином изучаемом объекте не в виде единичных зерен и нахождение ее не носит случайного характера. От того, насколько грамотно осуществлены предварительные исследования на месте происшествия, выдержаны правила по собиранию криминалистически значимой информации, во многом зависят его результаты.

Следует отметить, что проведение экспертиз с использованием метода СПА – это длительный и трудоемкий процесс, предполагающий наличие у эксперта необходимых специ-

альных знаний и навыков. Трудности в освоении метода в первую очередь связаны с чрезвычайным разнообразием пыльцевых зерен, а значит большими объемами кропотливой работы с атласами – определителями и эталонными препаратами. Так, каждому пыльцевому зерну свойственна своя морфология: форма, очертания, размеры, расположение апертур и др. Чрезвычайно важно для определения таксономической принадлежности строение многослойной оболочки, в том числе ее скульптура, текстура и орнаментация.

До настоящего времени определение пыльцы и спор вплоть до вида растения возможно далеко не всегда из-за значительного сходства в строении, наблюдающегося даже у растений, относящихся к различным родам. Эта проблема остается актуальной как в общей, так и в судебной палинологии, и представляет серьезные трудности и в практическом плане, и с теоретической точки зрения. Поэтому, эксперту, производящему исследование, иногда приходится после определения рода или даже семейства растения составлять подробное описание строения исследуемых пыльцевых зерен/спор, отмечая сходство или различие этого строения в сравниваемых объектах.

Невзирая на некоторые объективные сложности, метод СПА остается одним из перспективных и востребованных, поскольку в ряде случаев дает возможность ответить на вопросы, на которые другие методы достоверных ответов не дают, а также установить обстоятельства, имеющие значение для расследования.

В экспертной практике Республики Беларусь на протяжении последних 10 лет СПА широко используется для исследования всех видов и типов почв. Основная экспертная задача – установление принадлежности почвенных наслоений с загрязненных предметов конкретному локальному участку местности. Кроме того, проведение СПА достаточно часто требуется для установления родовой и групповой принадлежности элементов почвенно-растительной природы на исследуемом объекте и в почве с места происшествия. Приведем пример: при расследовании незаконного отстрела животного (дикого кабана) на исследование была представлена лопата, изъятая у подозреваемого в ходе осмотра его жилища, и три образца почвы с места происшествия. На разрешение экспертизы среди прочих был поставлен вопрос: «Имеют ли общую родовую и групповую принадлежность элементы почвенно-растительной природы на штыковой лопате и почва, изъятая с места происшествия». По результатам СПА было показано, что в пробе почвы с лопаты и пробах №№ 1-3 с места обнаружения останков животного в составе пыльцы травянистых растений преобладают осоки, а среди спор представлены споры сфагновых и зеленых мхов, папоротникообразных, плауновых. На этом основании был сделан вывод о том, что пробы с лопаты и №№ 1-3 характеризуют одинаковую растительную ассоциацию, занимавшую достаточно увлажненный участок рельефа, возможно, низинное или верховое болото. Одинаковый общий состав спорово-пыльцевых спектров, одинаковый таксономический состав пыльцы древесных пород, травянистых растений и спор, выявленные в результате проведенного исследования пробы почвы с лопаты и проб №№ 1-3 с места обнаружения останков животного, свидетельствуют об их общей родовой принадлежности.

Данные о таксономическом составе пыльцы и количественном содержании компонентов спорово-пыльцевых спектров в почве могут быть использованы для дифференциации различных участков местности, достаточно удаленных друг от друга, а в некоторых случаях позволяют дифференцировать небольшие участки в пределах одного обширного участка местности. Так, в 2008–2011 гг. в ГУ «Центр судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь» изучалась возможность дифференциации участков городских газонов и более мелких площадок внутри каждого из них. В результате был получен репрезентативный материал, доказывающий возможность такой дифференциации на основании данных СПА. Именно они оказались наиболее информативными несмотря на то, что почвы городских газонов – это не естественные образования, а полученные в результате воздействия антропогенных факторов смеси [16].

В последние годы СПА начинает применяться при проведении судебно-ботанических экспертиз, назначаемых при расследовании уголовных дел по незаконному обороту наркотиков. Так, заметно возросли потребности следственных и оперативных работников в получе-

нии доказательственной информации для установления единого источника происхождения как наркотических средств, изготовленных из растительного сырья (например, мак снотворный, конопля (растение рода *Cannabis*), кокаиновый куст, голубой лотос, кат и др.), так и представляющих особую опасность дизайнерских наркотиков. Дизайнерские наркотики – это психоактивные синтетические вещества, которые получают путем незначительных изменений в химической структуре уже известных наркотиков. Одними из наиболее опасных и распространенных являются курительные смеси на основе синтетических канабиноидов, известные под общим названием «спайсы». В основном их получают путем импрегнирования раствором наркотического вещества неактивных матриц растительного происхождения.

В настоящее время экспертные подразделения Государственного комитета судебных экспертиз имеют научно-методическое и приборное обеспечение, позволяющее устанавливать видовую принадлежность наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров. Однако до последнего времени решение вопроса по отнесению к одной партии дизайнерских наркотиков было возможно только путем анализа химического состава действующего вещества и сопутствующих веществ (при их наличии) в изъятых образцах и сравнения их между собой. Сравнительные исследования матриц не проводились из-за отсутствия методик, адаптированных для решения криминалистических задач. В связи с этим в 2015 г. в Научно-практическом центре Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – НПЦ ГКСЭ) были инициированы поисковые экспериментальные исследования возможностей использования метода СПА для установления принадлежности растительной основы «спайсов» к одной партии или к различным источникам происхождения. На сегодняшний день это совершенно новое направление судебной палинологии в нашей стране.

Исследования включали в себя проведение сравнительного анализа состава спорово-пыльцевых комплексов в высушенной и измельченной массе растительного сырья, чаще всего использующегося для изготовления «спайсов» (череда, зверобой, шалфей, мать-и-мачеха, ромашка и др.), по сериям образцов из различных партий одного и разных производителей. В результате было показано, что изученные образцы каждого производителя различаются по составу доминирующих таксонов, а также по их процентному соотношению, т. е. имеют четкие различия по ряду признаков, которые характерны для конкретного производителя. В то же время образцы из каждой отдельной партии имеют практически идентичный комплекс признаков, свойственный только для данной партии растительного сырья (рисунок 4) [17].

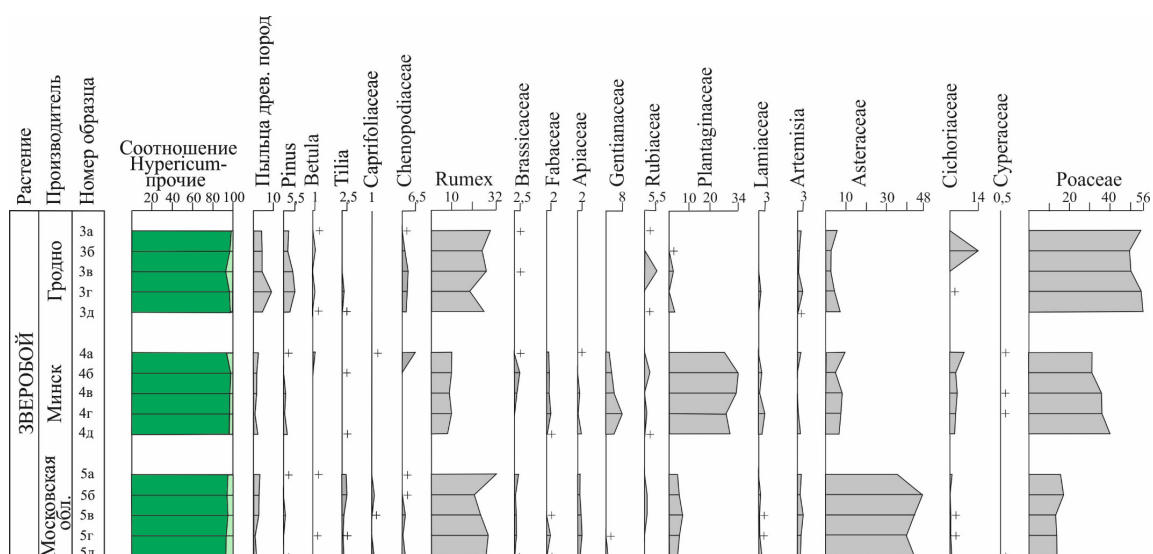

Рисунок 4 – Процентное содержание пыльцы важнейших таксонов растений в измельченном сырье «зверобой трава» (*Hyperici Herba*), поставляемом в аптеки Республики Беларусь разными производителями

На основании полученных результатов сотрудниками НПЦ ГКСЭ была разработана «Методика исследования неактивных матриц растительного происхождения, используемых для импрегнирования психоактивных веществ, методом спорово-пыльцевого анализа», которая стала полезным инструментом при проведении палинологических экспертных исследований с целью установления принадлежности нескольких растительных объектов одному источнику происхождения.

Ввиду того, что при проведении судебно-экспертных палинологических исследований остро встает проблема доступности справочного материала, в 2018–2019 гг. в НПЦ ГКСЭ будут созданы 2 справочные информационно-поисковые системы («Пыльца древесных и кустарниковых растений, произрастающих на территории Республики Беларусь»; «Пыльца травянистых растений, произрастающих на территории Республики Беларусь»). Это даст возможность в значительной степени облегчить труд экспертов-биологов, связанный с необходимостью обработки больших объемов палинологической информации. Подготовленные системы будут включать в себя ключ для определения пыльцевых зерен растений, оптические микрофотографии пыльцы, а также другую техническую информацию и могут быть использованы как справочные и ориентировочные сведения в экспертных исследованиях.

Выводы:

1. Спорово-пыльцевой анализ является многокомпонентным и позволяет оценивать сразу несколько десятков качественных и количественных показателей. На сегодняшний день его использование при исследовании различных вещественных доказательств – это эффективное, динамически развивающееся и перспективное направление экспертных исследований как во всем мире, так и в Республике Беларусь.

2. Основные направления палинологических экспертных исследований следующие:

- исследование пыльцы и спор растений при производстве комплексной криминалистической экспертизы почв;
- исследование пыльцы и спор растений, изъятых с поверхности объектов материального мира.

3. Внедрение результатов научных разработок, связанных со спорово-пыльцевым анализом, в практическую деятельность Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь позволит расширить возможности судебной экспертизы, повысить результативность, достоверность и научный уровень экспертных заключений, обоснованность выводов, улучшить общие показатели экспертной работы.

4. Для повышения эффективности палинологических экспертных исследований в Республике Беларусь в дальнейшем необходимо продолжить работу по следующим направлениям:

- создание необходимых методических пособий и инструментария;
- обучение сотрудников органов предварительного расследования и экспертных подразделений.

Список использованных источников

1. Fries, M. Lennart von Post's pollen diagram series of 1916 / M. Fries // Review of Palaeobotany and Palynology. – 1967. – Т. 4. – № 1–4. – С. 9–13.
2. Kirk, P. L. Crime investigation : physical evidence and the police laboratory / P. L. Kirk. – New York : Interscience, 1953. – С. 547–585.
3. Locard, E. Mémoires d'un criminologiste / E. Locard, R. Corvol. – Librairie Arthème Fayard, 1957.
4. Бордонос, Т. Г. Применение спорово-пыльцевого анализа при исследовании вещественных доказательств / Т. Г. Бордонос // Сборник методических писем и пособий по вопросам криминалистической экспертизы; Киев. НИИСЭ. – Киев, 1960. – С. 132–152.
5. Bruce, R. G. Palynological analyses of Australian surface soils and their potential in forensic science / R. G. Bruce, M. E. Dettmann // Forensic Science International 81, 77–94. – 1996.
6. Mildenhall, D. C. Forensic palynology in New Zealand / D. C. Mildenhall // Review of Paleobotany and Palynology. – 1990. – №. 64. – С. 227–234.

7. Mathewes, R. W. Forensic palynology in Canada : an overview with emphasis on archaeology and anthropology / R. W. Mathewes // *Forensic Science International* 163, 198–203. – 2006.
8. Moore, P. D. An Illustrated Guide to Pollen Analysis / P. D. Moore, J. A. Webb // Hodder and Stoughton : United Kingdom. – 1978.
9. Bryant, V. M. Forensic palynology in the United States of America / V. M. Bryant, G. D. Jones, D. C. Mildenhall // *Palynology* 14, 193–208. – 1990.
10. Использование возможностей судебной палинологии и фитолитного анализа при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркосодержащих растений и их частей / К. С. Голохваст [и др.] // *Наркоконтроль*. – 2017. – № 1. – С. 23–28.
11. Brown, A. G. The use of forensic botany and geology in war crimes investigations in NE Bosnia / A. G. Brown // *Forensic Science International* 163, 204–210. – 2006.
12. Martínez-Sánchez, M. Palinología y escenario forense. Un caso de estudio del sureste de España / M. Martínez-Sánchez, S. Fernández, J. Carrión // *Anales de Biología*. – 2008. – №. 30. – С. 43–54.
13. Towards a «crime pollen calendar» – Pollen analysis on corpses throughout one year / E. Montali [et al.] // *Forensic Science International*. – 2006. – Т. 163. – № 3. – С. 211–223.
14. Pollen, People and Place : Multidisciplinary Perspectives on Ecosystem Change at Amboseli, Kenya / E. N. Githumbi [et al.] // *Frontiers in Earth Science*. – 2017. – Т. 5. – С. 113.
15. Интервью начальника Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления ФТС России Петра Токарева «Итоги со знаком плюс» журналу «Таможня» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tks.ru/news/nearby/2017/01/30/0005/> – Дата доступа : 19.02.2018.
16. Дифференциация участков городских газонов на основе комплекса физико-химических и биологических методов : метод. пособие / Л. А. Шукан [и др.]; под ред. канд. биол. наук Л. А. Шукан; НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – Минск : Право и экономика, 2015. – 200 с.
17. Рылова, Т. Б. О возможности использования спорово-пыльцевого анализа в экспертных исследованиях объектов растительного происхождения / Т. Б. Рылова // *Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы* : сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол. : А. В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2016. – Вып. 2/40. – С. 121–126.

Дата поступления: 15.03.2018

A. N. Khokh

T. B. Rylova

Doctor of Geologo-Mineralogical Sciences

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus

Minsk, Belarus

THE EVIDENTIARY VALUE OF SPORE-POLLEN ANALYSIS TO THE STUDY OF PHYSICAL EVIDENCE

This paper summarizes the results of using spores and pollen analysis (SPA) in criminalistics. Historical aspects of origin and current developments of forensic palynology are elucidated. The cases from global and domestic forensic practice are introduced and analyzed. The most meaningful research results obtained by the Scientific and Practical Centre of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus are presented. It was proved that the spectrum of tasks being solved through SPA is quite diverse and extremely relevant, particularly in view of recent trends associated with designer drugs and the obtained information is an evident source of proof in detection of various violations. As this problem is covered insufficiently by specialized scientific and forensic literature, the authors suggest that this paper is practically relevant and is of interest for forensic experts.

Keywords: forensic palynology, spore-pollen analysis, microscopy, morphology, source of evidence, forensic processing, trace evidence, designer drugs.

УДК 349.08 : 338.2 + 343.98

Т. А. Светличная

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

Г. А. Шумак

кандидат юридических наук
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЦЕН И ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

В статье освещаются современное состояние и тенденции использования в судебной экономической экспертизе знаний в области ценообразования, в том числе в строительстве. Обосновывается практическая необходимость и теоретическая возможность создания в Республике Беларусь нового вида судебной экономической экспертизы – судебной экспертизы цен и ценообразования.

Ключевые слова: цена, ценообразование, судебная экономическая экспертиза, судебная экспертиза цен и ценообразования.

Применение в судебной экономической экспертизе (СЭЭ) знаний в области ценообразования, в том числе в строительстве, не является широко обсуждаемой в настоящее время проблемой. В специальной литературе информация об использовании в СЭЭ таких знаний представлена фрагментарно и носит противоречивый характер. В работах советского периода представлено два противоположных подхода к организационному и теоретическому аспектам называемой в этих работах судебной экспертизы ценообразования (СЭЦ).

Сторонниками первого подхода, относящегося к 70-м гг. 20 в., предлагалось в отдельный род СЭЭ выделить СЭЦ, к задачам которой отнести: определение обоснованности применения розничных и оптовых цен на готовую продукцию при ее реализации; установление соответствия калькуляции и себестоимости единицы изделия и экспериментальных цен на промышленные товары (на которые не разработаны оптовые и розничные цены) принятым ценам, и др. [1, с. 107; 2, с. 21]. В Словаре основных терминов судебных экспертиз СЭЦ называется в составе проводимых экономических экспертиз, наряду с финансово-экономической (СФЭЭ), экономико-технологической, судебно-бухгалтерской (СБЭ) [3, с. 86]. При этом последняя считается наиболее распространенной из экономических экспертиз.

По мнению сторонников второго подхода, относящегося к началу 90-х гг. 20 в., в действовавших в то время экономических условиях необходимость выделения СЭЦ в самостоятельный род СЭЭ отсутствовала, поскольку, как ими отмечается, исследование ценообразования относится к задачам судебной планово-экономической экспертизы (СПЭЭ) [4, с. 93–94]. В качестве обоснования указывалось, что все стоимостные показатели, используемые в планировании и хозяйственном учете, базируются на системе цен, а в основу установления оптовой и розничной цен кладется плановая себестоимость. Поэтому, подчеркивается, что главным критерием определения обоснованности цен является плановая себестоимость реализуемой продукции, для расчета которой необходимы знания в области планирования.

В современной российской литературе представлены противоположные подходы как в отношении экспертизы цен и ценообразования (СЭЦиЦ), так и в отношении СПЭЭ. По мнению одних авторов, относящемуся к концу 90-х гг. 20 в., в новых условиях хозяйствования исчезла необходимость в СПЭЭ и возникла потребность в создании новых родов экспертиз: СФЭЭ; инженерно-экономических; СЭЦиЦ [5, с. 425]. Однако, как ими отмечается, сложность их создания и, соответственно, трансформирования СБЭ на данном этапе экономики страны определяется отсутствием необходимого количества специалистов. В то же время, потребность в организации производства СФЭЭ обосновывается ими, наряду с решением ряда других задач, необходимостью исследования ситуаций, связанных с повышением продажных цен, занижением закупочных цен, выявлением диспропорций в соотношении между себестоимостью продукции и динамикой применяемых цен и других. При этом отдельными сторонниками данного мнения, относящегося к началу 21 в., отмечается, что СФЭЭ вышла из «недр» СПЭЭ, постепенно утрачивающей свою значимость в связи с ликвидацией административно-командной системы управления экономикой [6, с. 70]. По мнению других авторов, относящемуся к середине 10-х гг. 21 в., предложение по введению отдельного рода СЭЭ – СЭЦиЦ не обосновано, так как предмет этой экспертизы относится к предмету СФЭЭ [7, с. 156]. Также ими рассматривается СПЭЭ и отмечается, что она в рамках существующих экономических отношений получила новое (по сравнению с периодом социалистической экономики) содержание.

В современных литературных источниках по таким экономическим дисциплинам, как финансы предприятий [8] и планирование на предприятии [9], которые, принимая во внимание представленные выше мнения, должны, по сути, являться базовыми науками соответственно СФЭЭ и СПЭЭ, вопросы цен и (или) ценообразования освещаются в самом общем виде. Например, в литературных источниках по финансам предприятий цена лишь упоминается при рассмотрении денежных поступлений и доходов предприятия. При этом одной из важнейших теоретических проблем финансовой науки называется определение границ действия, форм и механизма взаимосвязи финансовых отношений и цены [8, с. 49]. В литературных источниках по планированию на предприятии показатель цены относится к элементам комплекса маркетинга [9, с. 113]. Подчеркивается, что представленной в плане маркетинга информации о цене достаточно для разработки плана, а методика установления (расчета) цены и других параметров комплекса маркетинга выходит за рамки предмета планирования, так как относится к специальности «маркетинг». Отмечается, что калькулирование – расчет себестоимости единицы продукции (работ, услуг) – являющееся одной из постоянно выполняемых функций планово-экономической службы предприятия, выступает ориентиром при установлении отпускных цен [9, с. 248].

В то же время, в литературных источниках по ценообразованию широко освещаются:

- теоретические основы цены: понятие цены, ее сущность и содержание; ее функции; ее элементы; система и классификации цен;
- теоретические, методические и организационные основы ценообразования в экономике субъекта хозяйствования: понятие ценообразования, его сущность и содержание; его субъекты и объекты; его факторы, политика, стратегия, тактика; его методы и методики;
- особенности ценообразования в различных отраслях, в том числе в строительстве [10–14].

Широко представлена литература по ценообразованию в строительстве [15–22], в которой рассматриваются:

- теоретические основы цены в строительстве: ее понятие, особенности, функции, элементы;
- теоретические, методические и организационные основы ценообразования в строительстве: его понятие, объекты, механизм, участники, методы;
- особенности строительства, строительного производства, строительной продукции; основы проектирования; определение сметной стоимости, сметное нормирование.

При этом ценообразование в строительстве рассматривается и в рамках вопросов определения сметной стоимости строительства, и наряду с ними, и как более широкое понятие.

В литературе по ценообразованию признается: «В современной экономической науке цены, ценообразование рассматриваются под разными углами зрения в рамках экономической теории, маркетинга, других областей знания» [10, с. 8]. Вместе с тем отмечается: «но при этом ценообразование – самостоятельная наука, изучающая процессы формирования, закономерности движения и использования цен. Предмет науки – теория и практика их установления. Методологической базой цены служит синтез экономических наук» [10, с. 8]. Ценообразование относится к комплексу «прикладных функциональных экономических дисциплин» [10, с. 13].

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на упоминание отдельных вопросов цен и ценообразования в планировании, финансах, маркетинге и других экономических науках, в содержание предметов этих наук вопросы ценообразования не входят. Следовательно, разрешение вопросов о ценах и ценообразовании субъектов хозяйствования, в том числе в строительстве, при производстве СЭЭ не относится к задачам СФЭЭ или СПЭЭ.

Экспертная практика показывает, что при расследовании и рассмотрении экономических преступлений и правонарушений у правоохранительных органов и судов для решения возникающих по делам вопросов все чаще появляется потребность в применении специальных экономических знаний в области ценообразования в различных сферах экономики. Это обусловлено спецификой цены как одной из основных категорий рыночного хозяйства: в ценах отражаются все стороны экономической деятельности субъектов хозяйствования. Особенно востребованным в судопроизводстве является применение специальных экономических знаний в области ценообразования по делам о преступлениях в сфере строительства, спецификой которого обусловлены существенные особенности ценообразования.

В рыночных условиях хозяйствования возрастает роль СЭЭ в разрешении вопросов, возникающих в судопроизводстве и требующих применения специальных экономических знаний в области ценообразования, в том числе в строительстве.

В юридической и экономической литературе вопросы использования в СЭЭ знаний в области ценообразования в строительстве не исследованы.

Вместе с тем, в литературе советского периода достаточно полно освещены вопросы применения экономических знаний, в частности, в бухгалтерском учете, планировании, при расследовании преступлений в строительных организациях [23–26]. Так, среди типичных способов совершения преступлений в таких организациях называются, в частности, завышение объемов выполненных работ и установленных расценок [23, с. 18], завышение объема строительно-монтажных работ по объектам и этапам строительства [24, с. 24], завышение объема и искажение данных о составе и способах выполнения работ [25, с. 6], завышение объема и стоимости работ [26, с. 44]. Отмечается, что определение фактического объема выполненных работ в натуре осуществляется посредством проведения строительно-технической экспертизы (ССТЭ) [23, с. 19, 20; 24, с. 25–26; 25, с. 6], выводы которой используются СБЭ [23, с. 19, 20; 24, с. 26–27]. Среди вопросов, ответы на которые можно получить с помощью ССТЭ, называется вопрос «правильно ли определена стоимость выполненных работ» [24, с. 26]. В одной из работ автор соглашается с тем, что размер приписок, совершаемых путем завышения объемов и стоимости работ, в любом случае должен быть установлен обмером выполненных работ [22, с. 44]. В то же время, отмечает, что определение размера приписок путем расчетов, с применением методов технико-экономического анализа, которые используются при проведении СПЭЭ, помогает на начальном этапе расследования выявить большинство фактов завышения объемов и стоимости работ [26, с. 43–44].

В современной российской литературе отдельными авторами в ССТЭ выделяются «стоимостные задачи». При этом отмечается: «Исследования, связанные с определением стоимости выполненных работ и использованных строительных материалов, строительного

объекта в целом либо отдельной его части, выходят за рамки рассматриваемой экспертизы, определенные ее названием. Однако на практике эти исследования были и остаются неотъемлемой частью профессиональной деятельности эксперта-строителя» [27, с. 35].

В литературе по ценообразованию отдельными авторами отмечается, что цена и стоимость, являющиеся экономическими категориями, есть соприкасающиеся, но не тождественные понятия [10, с. 445, 450]. В связи с этим проводится различие понятий стоимости, оценочной стоимости и цены, стоимости и затрат, а также оценки (стоимости) и ценообразования как профессий, связанных с «экономическими измерениями». В частности, отмечается, что хотя в основе цены лежит стоимость как свойство товара, цена формируется ценообразованием и, как правило, основывается (по законам ценообразования) на соответствующем уровне себестоимости производства и прибыли [10, с. 450–458]. Кроме того, понятие цены соотносится с некоторой сделкой, временной и пространственной параметрами которой определены однозначно, и тем самым цена служит атрибутом сделки [10, с. 456]. Цена, «заплаченная покупателем за товар или услугу, становится для него частью затрат на приобретение» [10, с. 457]; цена для продавца – его доход [12, с. 7]. Из действующего законодательства вытекает, что ценообразование рассматривается с позиций продавца, субъекта, осуществляющего реализацию товаров (работ, услуг) (ст. ст. 12, 14 Закона № 255-3 [28]). В ст. 1 Закона № 255-3 [28] цена определена как «денежное выражение стоимости единицы товара», тариф – «денежное выражение стоимости единицы работы, услуги».

Исходя из приведенной сущности ценообразования, цены, тарифа, рассматриваемое в литературе и представленное в экспертной практике решение в рамках ССТЭ вопросов о стоимости выполненных работ и т. п. позволяет считать, что в ССТЭ исследуются отдельные аспекты ценообразования в строительстве. Однако представленные в литературе и экспертной практике ССТЭ вопросы не содержат в качестве цели исследования определение соответствия (несоответствия) цен и ценообразования в строительстве субъектов хозяйствования установленным требованиям.

В то же время, как отмечено выше, ценообразование является экономической наукой. Соответственно, вопросы, требующие применения специальных экономических знаний в области ценообразования в строительстве, не могут быть поставлены на разрешение ССТЭ.

В настоящее время в Республике Беларусь отсутствуют работы теоретического и методического характера, освещающие исследование цен и ценообразования субъектов хозяйствования при производстве СЭЭ, а в отношении цен и ценообразования в строительстве – и при производстве ССТЭ.

Отсутствие в Республике Беларусь методического обеспечения по исследованию цен и ценообразования субъектов хозяйствования, в том числе в строительстве, при производстве СЭЭ, отрицательно сказывается на качестве подготовки объектов СЭЭ и формулирования вопросов, ставящихся на ее разрешение, увеличивает сроки производства экспертиз, снижает уровень доказательственного значения заключения СЭЭ по данному виду экспертизы. Отсутствие такого методического обеспечения особенно отрицательно сказывается на организации производства назначаемых комплексных ССТЭ и СЭЭ.

В Республике Беларусь правовые основы государственной политики в области ценообразования, сфера применения свободного и регулируемого ценообразования, права, обязанности и ответственность субъектов ценообразования установлены Законом № 255-3 (ст. 1). Указом № 72 [29] (п. 1, приложение 1) определен перечень товаров (работ, услуг), цены (тарифы) на которые регулируются государственными органами, названными в приложении 1 к Указу. В соответствии с данным приложением Минстройархитектуры и Минтранс регулируют цены (тарифы) на строительные материалы, изделия, конструкции, работы и услуги, выполняемые, оказываемые при строительстве объектов, названных в этом приложении. Инструкцией № 111 [30] (п. 1) определен порядок установления и применения цен (тарифов) на товары (работы, услуги), регулируемых согласно Указу № 72. Данной Инструкцией установлено

(п. 1), что она применяется, если иное не установлено нормативными правовыми актами государственных органов, осуществляющих регулирование цен (тарифов) на товары (работы, услуги) в соответствии с Указом № 72. Механизм определения случаев неприменения Инструкции № 111, в том числе к сфере ценообразования в строительстве, в ней не представлен.

Нормативные правовые акты Республики Беларусь, прямо и непосредственно освещающие ценообразование в строительстве, в настоящее время отсутствуют. Различные аспекты ценообразования в строительстве содержатся в нормативных правовых актах, рассматривающих вопросы определения стоимости строительства (Указ № 361 [31]; Положение № 1553 [32]; Постановление № 12 [33]; др.). Так, Указом № 361 (подп. 1.1 п. 1) определено, что на основании сметной документации заказчиком, застройщиком в порядке, установленном законодательством, определяется подрядчик, цена предложения которого является неизменной договорной (контрактной) ценой на строительство объекта (выполнение строительных, специальных, монтажных работ). Согласно преамбуле данного Указа он принят в целях совершенствования ценообразования в строительстве, внедрения в практику строительства неизменных договорных (контрактных) цен. Положением № 1553 (п. 1), принятым в соответствии с п. 3 Указа № 361 (преамбула Постановления № 1553 [34]), определяется порядок формирования неизменной договорной (контрактной) цены на строительство объектов и расчетов между заказчиком и подрядчиком при строительстве объектов. Постановлением № 12, принятым на основании подп. 2.1 п. 2 Указа № 72, Указа № 361 и Постановления № 1553, установлено содержание завышения стоимости строительства и порядок определения такого завышения. Согласно преамбуле данного Постановления оно принято с целью соблюдения порядка ценообразования на работы и услуги, выполняемые, оказываемые при строительстве названных в нем объектов, в том числе соблюдения порядка формирования сметной стоимости строительства. В Постановлении не указано, в отношении каких субъектов оно применяется: заказчика и (или) подрядчика либо и других.

В рассмотренных нормативных правовых актах называются документы, создаваемые при осуществлении ценообразования, в том числе в строительстве (подп. 2.1-1, 2.3 п. 2 Указа № 72; п. п. 6, 8–13 Инструкции № 111; п. п. 3, 4, 8, 11, 12 Положения № 1553; подп. 1.2 п. 1 Постановления № 12).

Таким образом, ценообразование в строительстве, как в законодательстве, так и в литературе, признается составной частью ценообразования. При этом существует проблема неразграниченности понятий ценообразования в строительстве и определения сметной стоимости строительства.

Проведенное исследование показывает, что, несмотря на указанные и другие проблемы ценообразования, в том числе в строительстве, имеются теоретические, методические и организационные основы и законодательное регулирование и ценообразования, и ценообразования в строительстве.

Как известно, сущность судебной экспертизы заключается в исследовании обстоятельств дела на основе специальных знаний [35, с. 81]. Поскольку документы по ценообразованию, в том числе в строительстве, субъектом хозяйствования создаются с применением знаний в ценообразовании, их исследование при производстве СЭЭ также требует использования специальных знаний в данной науке. Поэтому базовой наукой СЭЭ при исследовании документов по ценообразованию, в том числе в строительстве, субъектов хозяйствования является ценообразование.

Учитывая изложенное, а также широкое использование экономическими науками понятия стоимости, тесно связанного с ценой, хотя и не тождественного ей, имеется объективная необходимость выделения особого вида СЭЭ – СЭЭЦиЦ.

Выделение данного вида СЭЭ и последующая разработка основ его частной теории, в том числе определение в нем места судебной экспертизы цен и ценообразования в строительстве (СЭЭЦиЦс), позволит решить, прежде всего, ряд теоретико-методических проблем

применения в СЭЭ знаний в ценообразовании. Во-первых, разграничить СЭЭ и ценообразование. Во-вторых, определить круг объектов СЭЭ данного вида и его подвидов. В-третьих, определить предмет, задачи и сформулировать вопросы, решаемые СЭЭ данного вида и его подвидов. В-четвертых, разработать ее видовую и подвидовые методики.

В целом это позволит определить компетенцию СЭЭ по исследованию материалов цен и ценообразования, в том числе в строительстве, и, как следствие, отграничить СЭЭ от ССТЭ при решении вопросов, связанных с ценой и ценообразованием в строительстве.

Создание СЭЦиЦ и СЭЦиЦс ведет к появлению новых объектов СЭЭ – документов, отражающих цену заказчика, цену предложения подрядчика, договорную (контрактную) цену и др., увеличивает возможности исследования традиционного объекта СЭЭ – экономических расчетов (калькуляций и т. п.), документов по закупкам, договоров с целью извлечения большей информации.

В теоретическом плане выделение СЭЦиЦ расширит возможности использования специальных экономических знаний в юридической практике, в организационном – будет способствовать осуществлению специализации экспертов, повышению их квалификации в этом направлении.

Решение этих и других теоретико-методологических и практических вопросов СЭЦиЦ в совокупности создаст условия для сокращения сроков расследования и рассмотрения судами дел, требующих участия лиц, сведущих в ценообразовании, в том числе в строительстве, позволит повысить качество СЭЭ по рассматриваемой категории дел на всех стадиях ее проведения.

Список использованных источников

1. Классификация судебных экспертиз и типизация их задач : материалы к ученому совету. – М. : ВНИИСЭ, 1977. – 130 с.
2. Шляхов, А. Р. Актуальные задачи криминалистических, судебно-автотехнических и судебно-бухгалтерских экспертиз : вопросы судебной экспертизы: сб. науч. тр. – М. : ВНИИСЭ, 1980. – Вып. 43. – 106 с.
3. Словарь основных терминов судебных экспертиз. – М. : ВНИИСЭ, 1980. – 92 с.
4. Пошюнас, П.-З. Судебная ревизия и судебно-экономические экспертизы / П.-З. Пошюнас. – Вильнюс : Минтис, 1990. – 232 с.
5. Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. засл. деят. науки Рос. Федерации, проф. Р. С. Белкина. – М. : НОРМА – ИНФРА, 1999. – 990 с.
6. Богомолов, А. М. Судебная финансово-экономическая экспертиза по делам о незаконном получении кредита и банкротстве / А. М. Богомолов. – М. : «Издательство ПРИОР», 2002. – 176 с.
7. Лобанов, Н. Н. Теоретические и прикладные аспекты классификации судебно-экономических экспертиз / Н. Н. Лобанов // Методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 15-16 янв. 2014 г. / МГЮА; ред. кол. : Е. Р. Россинская [и др.]. – М., 2014. – С. 155–157.
8. Теория финансов : учеб. пособие / Н. Е. Заяц [и др.]; под ред. проф. Н. Е. Заяц, М. К. Фисенко. – Минск : БГЭУ, 2005. – 351 с.
9. Афитов, Э. А. Планирование на предприятии (организации) : учебник / Э. А. Афитов. – Минск : Новое знание; М. : ИНФРА-М, 2015. – 344 с.
10. Маховикова, Г. А. Ценообразование : учебник и практикум / Г. А. Маховикова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 463 с.
11. Слепов, В. А. Ценообразование : учеб. пособие / В. А. Слепов. – М. : Магистр : ИНФРА-М, 2015. – 144 с.
12. Ямпольская, Д. О. Ценообразование в условиях рынка : учеб. пособие / Д. О. Ямпольская. – М. : Междунар. отношения, 2015. – 192 с.
13. Емельянова, Т. В. Ценообразование в организации. Практикум : учеб. пособие / Т. В. Емельянова [и др.]; под общ. ред. Т. В. Емельяновой. – Минск : Вышэйш. шк., 2011. – 332 с.

14. Шаркова, О. Э. Ценообразование : ответы на экзаменационные вопросы / О. Э. Шаркова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2013. – 208 с.
15. Бузырев, В. В. Основы ценообразования и сметного нормирования в строительстве : учеб. пособие / В. В. Бузырев [и др.]. – Изд. 2-е. – Ростов на/Д : Феникс, 2008. – 256 с.
16. Ильин, В. Н. Сметное ценообразование и нормирование в строительстве / В. Н. Ильин, А. Н. Плотников. – Изд. 2-е., перераб. и доп. – М. : Альфа-пресс, 2008. – 288 с.
17. Грюнштам, В. А. Концепция сметного ценообразования в строительстве / В. А. Грюнштам // Ценообразование и сметное нормирование в строительстве. – 2009. – № 6с (288). – С. 1–43.
18. Гумба, Х. М. Ценообразование и сметное дело в строительстве: учеб.-практ. пособие / Х. М. Гумба, Е. Е. Ермолаев, С. С. Уварова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт; ИД Юрайт, 2011. – 419 с.
19. Арdziнов, В. Д. Ценообразование в строительстве и оценка недвижимости / В. Д. Арdziнов, В. Т. Александров. – СПб. : Питер, 2013. – 384 с.
20. Павлючук, Ю. Н. Основы ценообразования в строительстве : метод. пособие / Ю. Н. Павлючук, В. А. Русакевич, Л. В. Кульгавчук. – Брест : БГТУ, 2004. – 128 с.
21. Захарова, Л. Ценообразование в строительстве: ориентир на мировую практику / Л. Захарова // Строительная газета. – 2013. – № 20 (521). – Режим доступа : <https://www.bsc.by/story/cenoobrazovanie-v-stroitelstve-orientir-na-mirovuyu-praktiku>. – Дата доступа : 24.04.2018.
22. Голубова, О. С. Экономика строительства: учебник / О. С. Голубова, Л. К. Корбан, С. В. Валицкий. – Минск : Новое знание, 2016. – 574 с.
23. Об особенностях проведения судебно-бухгалтерских экспертиз в строительных организациях : метод. письмо – М. : ВНИИСЭ, 1972. – 32 с.
24. Методика определения материального ущерба по делам о необоснованном начислении и выплате премий в строительных организациях, применяющих традиционные формы и методы бухгалтерского учета : метод. рекомендации. – М. : ВНИИСЭ, 1980. – 63 с.
25. Особенности производства судебно-бухгалтерских экспертиз по делам о хищениях в строительных организациях : метод. письмо для экспертов. – М. : ВНИИСЭ, 1987. – 46 с.
26. Сологуб, Н. М. Планово-экономическая экспертиза при расследовании приписок в строительстве / Н. М. Сологуб // Соц. законность. – 1982. – № 9. – С. 43–45.
27. Бутырин, А. Ю. Строительно-техническая экспертиза в современном судопроизводстве : учебник / А. Ю. Бутырин, Ю. К. Орлов. – М. : Гос. учр. Рос. федеральный центр судеб. экспертизы при Минюсте России, 2011. – 368 с.
28. О ценообразовании [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 мая 1999 г., № 255-3 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
29. О некоторых вопросах регулирования цен (тарифов) в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25.02.2011 г., № 72 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
30. Об утверждении Инструкции о порядке установления и применения регулируемых цен (тарифов) [Электронный ресурс] : постановление М-ва экономики Респ. Беларусь, 22.07.2011 г., № 111 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
31. О совершенствовании порядка определения стоимости строительства объектов и внесении изменений в некоторые указы Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11.08.2011 г., № 361 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
32. Положение о порядке формирования неизменной договорной (контрактной) цены на строительство объектов [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 18.11.2011 г., № 1553 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
33. О некоторых вопросах стоимости строительства [Электронный ресурс] : постановление М-ва архит. и стр-ва Респ. Беларусь, 28.03.2012 г., № 12 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

34. О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 11.08.2011 № 361 [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 18.11.2011, № 1553 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

35. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. – М. : Норма, 2009. – 384 с.

Дата поступления: 27.04.2018

T. A. Sviatlichnaya

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

G. A. Shumak

Candidate of Juridical Sciences
Belarusian State University
Minsk, Belarus

THEORETICAL PREREQUISITES AND DEVELOPMENT TRENDS IN FORENSIC EXAMINATION OF PRICES AND PRICE FORMATION

The article highlights current state and the trends of application of knowledge in the field of price formation, including the sphere of construction, in forensic economic examination. Practical necessity and theoretical possibility of the creation of a new kind of forensic economic examination in the Republic of Belarus – forensic examination of prices and price formation – is substantiated.

Keywords: price, price formation, forensic economic examination, forensic examination of prices and price formation.

УДК 349.08 : 338.2 + 343.98

Т. А. Светличная

Ю. Г. Володина

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

Г. А. Шумак

кандидат юридических наук
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

МАТЕРИАЛЫ ЦЕН И ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ, РЕАЛИЗУЮЩИХ ПОДРЯДНЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ, КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассмотрены понятие и состав не изученного в теории и практике судебной экономической экспертизы объекта – материалов цен и ценообразования субъектов хозяйствования, реализующих подрядные строительные работы. Определена роль этого объекта в процессе решения задач судебной экономической экспертизы. Названы основные проблемы исследования указанного объекта при производстве судебных экономических экспертиз и предложены пути их решения.

Ключевые слова: цена, ценообразование, подрядные строительные работы, объект судебной экономической экспертизы.

В настоящее время теория и практика судебной экономической экспертизы (СЭЭ), где материалы цен и ценообразования субъектов хозяйствования, реализующих подрядные строительные работы (МЦиЦ), прямо и однозначно выступали бы объектом СЭЭ, отсутствует.

Ценообразование на подрядные строительные работы (ПСР) является составной частью ценообразования как одной из функций управления, изучаемой одноименной экономической наукой [1, с. 7, 13].

Общие положения ценообразования в Республике Беларусь регулируются Законом Республики Беларусь от 10 мая 1999 г. № 255-З «О ценообразовании» [2], Указом Президента Республики Беларусь от 25.02.2011 г. № 72 «О некоторых вопросах регулирования цен (тарифов) в Республике Беларусь» [3], Инструкцией о порядке установления и применения регулируемых цен (тарифов), утв. постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 22 июля 2011 г. № 111 [4].

В Законе № 255-З определены понятия ценообразования, цены, тарифы, установленные сферы применения свободного и регулируемого ценообразования, субъекты ценообразования, их права, обязанности, ответственность. Ценообразование в Законе № 255-З (ст. ст. 12, 14) рассматривается с позиции продавца (субъекта, осуществляющего реализацию, в частности, работ).

В Указе № 72 определен перечень товаров (работ, услуг), цены (тарифы) на которые регулируются названными в нем государственными органами (организациями) (приложение 1 к Указу № 72). Указ (подп. 2.1-1 п. 2) устанавливает обязанность юридических лиц

составлять экономические расчеты, подтверждающие уровень отпускных цен (тарифов), на товары (работы, услуги), включенные в перечень, определенный в п. 1 данного Указа. Согласно приложению 1 к Указу Минстройархитектуры и Минтранс регулируют, в частности, тарифы на работы, выполняемые при строительстве объектов.

В Инструкции № 111 (п. 1) определен порядок установления и применения цен (тарифов) на товары (работы, услуги), регулируемые согласно Указу № 72. В ней определены и используются ряд терминов, не содержащихся в Законе № 255-3; в отношении, в частности, производителя работ установлен порядок определения, обоснования, подтверждения и оформления тарифов на работы, порядок предоставления скидок с тарифов. Установлено, в частности, что производителем работ составляются: экономические расчеты, подтверждающие уровень отпускных тарифов (плановая калькуляция с расшифровкой статей затрат: материальных, трудовых, накладных и прочих); иные документы, обосновывающие уровень тарифов; порядок применения скидок.

Формы экономических расчетов и иных документов, обосновывающих уровень цен (тарифов), в Инструкции не установлены.

При составлении расчетов производителем работ используются: учетная политика; отраслевые рекомендации по планированию, учету и калькулированию себестоимости; нормы (нормативы), утверждаемые производителем самостоятельно, если иное не установлено законодательством.

В настоящее время нормативные правовые акты Республики Беларусь, прямо и непосредственно освещающие ценообразование на ПСР, отсутствуют. Различные аспекты ценообразования на ПСР содержатся в ряде нормативных правовых актов, рассматривающих вопросы строительства и определения его стоимости.

Так, в § 3 гл. 37 Гражданского кодекса Республики Беларусь [5] приведено понятие договора строительного подряда, предусмотрена обязанность подрядчика осуществлять строительство и связанные с ним работы в соответствии с проектной документацией, устанавливающей объем, содержание работ и другие предъявляемые к ним требования, в т. ч. со сметной документацией (сметой), определяющей цену работы, обязанности подрядчика и заказчика по документальному оформлению сдачи-приемки результата работ.

В Законе № 300-3 [6] определены понятия заказчика в строительной деятельности, подрядчика в строительной деятельности, сметы (сметной документации), строительной деятельности (строительства), установлены требования к разработке проектной документации, основания для выполнения строительно-монтажных работ по текущему ремонту, которыми являются дефектный акт и смета.

Форма дефектного акта установлена Постановлением № 14 [7].

В Правилах № 1450 [8] определены понятия вида строительных работ, генерального подрядчика, договорной (контрактной) цены, другие, не используемые в Законе № 300-3; установлен порядок формирования условий договора при проведении подрядных торгов и при отсутствии оснований для их проведения, условия договора, являющиеся существенными, к которым отнесена договорная (контрактная) цена или способ ее определения, а также перечень документов, прилагаемых к договору и являющихся его неотъемлемой частью. В числе последних Правилами предусматриваются: график производства работ; график платежей; график поставки материальных ресурсов заказчиком; конкурсная документация, в т. ч. протоколы заседания конкурсной комиссии; предложения (расчеты) подрядчика о формировании договорной (контрактной) цены и протокол ее согласования.

Формы перечисленных документов в Правилах № 1450 не установлены.

Согласно указанным Правилам сдача выполненных строительных работ подрядчиком и их приемка заказчиком оформляются актом сдачи-приемки работ, подписываемым обеими сторонами.

Формы акта сдачи-приемки выполненных строительных и иных специальных монтажных работ установлены Постановлением № 13 [9].

В Положении № 88 [10] определены понятия вида строительных работ, документации для переговоров, конкурсной документации, конкурсного предложения, переговоров, подрядных торгов, участника, цены заказа, и некоторые другие, не используемые в Законе № 300-З; требования к составу сведений в конкурсной документации, извещении о проведении подрядных торгов (торгов) и к содержанию конкурсного предложения участника; требования к составу сведений в приглашении на участие в переговорах и в документации для переговоров, а также к предложению для переговоров участника.

Так, согласно данному Положению в конкурсной документации в разделе «Порядок представления участником конкурсного предложения» должна содержаться информация о требованиях к составу представляемого участником конкурсного предложения и перечне прилагаемых документов. Если организатором подрядных торгов разрабатываются формы этих документов, то они включаются в данный раздел. Из этой нормы следует, что, если организатором подрядных торгов формы этих документов не разрабатываются, то участник самостоятельно принимает решение о форме и составе таких документов.

Конкурсное предложение участника должно содержать обоснование и расчет цены предложения участника с указанием метода ее определения, график производства работ, график платежей.

Предложения для переговоров участник представляет в соответствии с требованиями, определенными в приглашении на участие в переговорах и документации для переговоров. В частности, документация для переговоров должна содержать цену заказа, применяемую в качестве стартовой, с возможностью внесения предложений по ее изменению. В случае выбора победителем переговоров участника, цена работ которого отличается от минимально предложенной цены на переговорах, такой выбор должен сопровождаться соответствующим обоснованием.

Формы документов для отражения цены заказа и цены предложения участника переговоров в Положении № 88 не установлены.

В Указе № 361 [11] содержатся требования к разработке сметной документации на строительство объектов; порядок определения подрящика заказчиком; условия определения неизменной договорной (контрактной) цены на строительство объекта (выполнение строительных, специальных, монтажных работ).

В Положении № 1553.1 [12] определены понятия цены заказчика, цены предложения подрящика, неизменной договорной (контрактной) цены, подрядных работ, фактической стоимости подрядных работ, и др.; установлен порядок определения цены заказчика, цены предложения подрящика, цены подрядных работ и ее оформления; оформления выполнения работ и стоимости дополнительных работ; случаи корректировки неизменной цены.

Установлено, что на подрядные работы подрящиком – претендентом на заключение договора строительного подряда составляются:

- цена предложения подрящика (при этом применяются один из законодательно установленных методов определения цены предложения подрящика, прогнозные индексы цен в строительстве, учитываются нормативная продолжительность строительства, налоги и отчисления согласно законодательству);
- график строительства (производства работ);
- график платежей при строительстве (выполнении работ).

При этом подрящиком используются: предоставляемая заказчиком проектная, в т. ч. сметная, документация, составной частью которой является ведомость объемов работ и расхода ресурсов; конкурсная документация (документация для переговоров), содержащая цену заказчика.

Формы документов для отражения расчета цены заказчика и цены предложения подрядчика в Положении № 1553.1 не установлены.

Подрядчиком совместно с заказчиком составляются:

- протокол согласования договорной (контрактной) цены, которой является цена предложения подрядчика, выбранная заказчиком;
- договор строительного подряда;
- акт сдачи-приемки выполненных строительных и иных специальных монтажных работ;
- справка о стоимости выполненных работ и затратах;
- акт на дополнительные работы (с участием и разработчика проектной документации).

Порядок формирования стоимости дополнительных работ предусматривается договором строительного подряда.

Форма акта на дополнительные работы и формы документов для отражения корректировки неизменной цены в Положении № 1553.1 не установлены.

Формы справки о стоимости выполненных работ и затратах установлены Постановлением № 48 [13].

В Инструкции № 51 [14] определены понятия сметной стоимости строительства, состав сметной документации, составляемой для определения сметной стоимости строительства, и основания для ее определения.

Установлено, что на работы по текущему ремонту объектов строительства составляется локальная смета (локальный сметный расчет) по прилагаемой к данной Инструкции форме.

Инструкцией устанавливается порядок определения сметной стоимости строительства объекта и составления сметной документации на основании нормативов расхода ресурсов в натуральном выражении. При этом сметная стоимость строительства определяет размер средств, необходимых для строительства объекта. Как известно, составной частью этих средств является цена подрядных работ, оплачиваемых заказчиком подрядчику.

Положение № 1553.2 [15] определяет порядок разработки нормативов расхода ресурсов в натуральном выражении; виды нормативов расхода ресурсов; применение соответствующих видов нормативов расхода ресурсов.

В Инструкции № 44 [16] определены для ее целей понятия договора строительного подряда с неизменной (твердой) ценой и договора строительного подряда с приблизительной ценой; установлены требования по ее применению к соответствующему договору; установлен состав доходов и состав расходов по договору строительного подряда; приведена классификация расходов по договору строительного подряда.

В Постановлении № 12 [17] установлено содержание завышения стоимости строительства; виды документов, используемых при определении завышения стоимости строительства, и требования к ним. В числе таких документов приведены и ранее перечисленные – проектно-сметная документация, документы о проведении подрядных торгов, договоры подряда на строительство объектов и другие. Кроме того, называются: данные об оплате выполненных работ; данные бухгалтерского учета, отражающие оприходование и списание материальных ценностей, использованных для выполнения работ, соблюдение нормативов расхода ресурсов; документы, обосновывающие объемы и состав выполненных работ, включая журналы производства работ, акты на скрытые работы, исполнительную документацию.

Вопросы ценообразования в строительстве и их исследование при производстве СЭЭ непосредственно связаны с отражением цен (тарифов) в бухгалтерском учете субъектов хозяйствования. Правовые и методологические основы бухгалтерского учета установлены в Законе № 57-З [18], в котором, в частности, определены понятия учетной политики организации, первичного учетного документа, регистра бухгалтерского учета. Перечень первичных учетных документов установлен Постановлением № 360 [19]. Порядок бухгалтерского учета строительных материалов подрядчиком (формы первичных учетных документов, отчетов, регистров бухгалтерского учета) установлен Инструкцией № 4 [20].

В рассмотренных нормативных правовых актах, регулирующих осуществление ценообразования, в частности, на работы, а также различные аспекты ценообразования на ПСР, понятие «материалы цен и ценообразования» не определяется. Из приведенных в этих нормативных правовых актах видов документов, создаваемых подрядчиком при осуществлении ценообразования как процесса по установлению и применению цен (тарифов) (ст. 3 Закона № 255-3), следует, что понятие МЦиЦ включает:

- 1) документы, отражающие цену предложения подрядчика (предложения (расчеты) подрядчика о формировании договорной (контрактной) цены и ее обоснование);
- 2) график строительства (производства работ);
- 3) график платежей при строительстве (выполнении работ);
- 4) протокол согласования договорной (контрактной) цены;
- 5) договор строительного подряда;
- 6) акт на дополнительные работы;
- 7) акт сдачи-приемки выполненных строительных и иных специальных монтажных работ;
- 8) справку о стоимости выполненных работ и затратах;
- 9) первичные учетные документы, отчеты, регистры бухгалтерского учета, отражающие оприходование и списание материальных ценностей, использованных для выполнения работ, соблюдение нормативов расхода ресурсов;
- 10) первичные учетные документы, регистры бухгалтерского учета, отражающие поступление оплаты от заказчика; др.

Исходя из этапов процесса ценообразования, МЦиЦ разделяются на относящиеся к установлению (изменению) договорной (контрактной) цены (п.п. 1)–6)) и к ее применению (п.п. 7)–10)).

Исходными данными для определения (расчета) цены предложения подрядчика выступают: предоставляемая заказчиком проектная, в т. ч. сметная, документация, составной частью которой является ведомость объемов работ и расхода ресурсов (по текущему ремонту – дефектный акт и смета); конкурсная документация (документация для переговоров), содержащая цену заказчика; учетная политика; др.

Исходными данными для установления правильности применения договорной (контрактной) цены выступают документы, обосновывающие объемы и состав выполненных работ, включая журналы производства работ, акты на скрытые работы, исполнительную документацию; документы, отражающие корректировку неизменной цены; др.

Составление документов, относящихся к МЦиЦ, представляет собой документирование информации – сведений о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, которое должно осуществляться в соответствии с требованиями делопроизводства, установленными законодательством Республики Беларусь [21–23].

Качество содержания и оформления указанных материалов определяет процессуальный порядок их использования. Соблюдение подрядчиком установленных законодательством требований по осуществлению ценообразования на ПСР и оформлению его результатов обеспечивает составление качественных документов, отражающих установление им цены предложения и ее применение. Содержащиеся в них данные, как правило, не вызывают возражений у привлеченных к ответственности лиц и, соответственно, не оставляют сомнений в их достоверности и объективности у следователя и суда.

В соответствии с процессуальным законодательством такие документы используются органами расследования и судами как самостоятельный источник доказательств и служат основанием для принятия решений [24].

В случаях возникновения споров у субъектов хозяйствования или наличия признаков несоблюдения подрядчиком требований законодательства при осуществлении ценообразования на ПСР и оформлении его результатов такие МЦиЦ впоследствии могут стать объектами СЭЭ.

Понятие СЭЭ и ее объектов представлено в нормативных правовых актах и литературе [25; 26, с. 86; 27, с. 188; 28, с. 371].

В СЭЭ целью исследования является установление соответствия отраженных в ее объектах – документах – данных и сведений о фактах (операциях), процессах и событиях хозяйственной (экономической) жизни требованиям, предъявляемым к отражению таких данных и сведений [26, с. 86; 27, с. 188; 28, с. 369]. Факты и обстоятельства, имеющие значение для дела, устанавливаются экспертом-экономистом с использованием данных и методов экономических наук [26, с. 86]. Кроме того, особенностью СЭЭ является использование «специальных правил» [29, с. 135]; «норм законодательства ..., которыми должно было руководствоваться исследуемое лицо при отражении фактов финансово-хозяйственной деятельности» [30, с. 18–19].

В СЭЭ, как и в общей теории судебной экспертизы [31, с. 91], в зависимости от роли в процессе решения задач судебной экспертизы объекты разделяются на основные и вспомогательные. При этом под основными объектами понимаются те, которые позволяют ответить на вопрос, поставленный инициатором назначения экспертизы перед экспертом.

МЦиЦ создаются с применением знаний в области ценообразования, в том числе на ПСР. Поэтому выводы СЭЭ основываются на исследовании операций ценообразования на ПСР, служащих средством отражения установления (изменения) и применения договорной (контрактной) цены. Соответственно, МЦиЦ являются основными объектами исследования СЭЭ данного вида. Непосредственными же объектами являются установленная (измененная) и примененная величины договорной (контрактной) цены и ее элементов.

При рассмотрении объектов СЭЭ различаются понятия объекта в широком и узком смысле [28, с. 369]. «В широком, т. е. процессуальном, смысле объектом СЭЭ являются любые, относящиеся к ее предмету, материалы дела, направляемые на экономическую экспертизу. Сюда входят не только документы и сведения о конкретных фактах финансово-хозяйственной жизни предприятия, но и иные документы, направляемые на экспертизу» (акты ревизий и налоговой проверки, заключения других экспертиз; др.) [28, с. 369–370].

Возможности СЭЭ на каждом этапе ее развития определяются состоянием ее базовой науки и законодательного регулирования экономических отношений в соответствующей сфере. Поскольку объектом СЭЭ являются документы, а основой специальных знаний – знания в области соответствующей экономической науки и функции управления и законодательного регулирования осуществления такой функции, то возможности СЭЭ по исследованию МЦиЦ определяются уровнем законодательного регулирования документирования отношений ценообразования на ПСР.

Как следует из проведенного исследования, основной проблемой СЭЭ МЦиЦ является неполнота и неоднозначность законодательного регулирования в части установления форм: документов для отражения цены заказчика, цены предложения подрядчика и ее обоснования, корректировки неизменной цены; акта на дополнительные работы.

Как представляется, одним из путей решения этой проблемы является использование при проведении СЭЭ положений ценообразования, включая касающихся оформления цен и ценообразования на ПСР, представленных в научной и учебной литературе, например, в работах [32; 33]. Такое предложение авторов настоящей статьи не является абсолютно новым подходом к решению проблем СЭЭ, а аналог такого подхода содержится в методических материалах по СБЭ советского периода. В частности, в Методическом письме [34, с. 7] указано: «Целесообразность и правильность применяемых в предприятиях приемов оформления отдельных специфических операций, учета их и контроля, когда об этих операциях нет прямых указаний в преподанных инструкциях, бухгалтером-экспертом должны оцениваться исходя из общих принципов науки о бухгалтерском учете».

Также способом решения указанной проблемы является использование при проведении СЭЭ документов по ценам и ценообразованию на ПСР по формам, разработанным и утвержденным субъектами хозяйствования.

Список использованных источников

1. Маховикова, Г. А. Ценообразование : учебник и практикум / Г. А. Маховикова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 463 с.
2. О ценообразовании [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 мая 1999 г., № 255-3 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О некоторых вопросах регулирования цен (тарифов) в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25.02.2011 г., № 72 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Об утверждении Инструкции о порядке установления и применения регулируемых цен (тарифов) [Электронный ресурс] : постановление М-ва экономики Респ. Беларусь, 22.07.2011 г., № 111 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 07 дек. 1998 г., № 218-3 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2004 г., № 300-3 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Об установлении формы дефектного акта [Электронный ресурс] : постановление М-ва архит. и стр-ва Респ. Беларусь, 29.04.2011 г., № 14 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. Об утверждении Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15.09.1998 г., № 1450 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
9. Об установлении форм первичных учетных документов в строительстве [Электронный ресурс] : постановление М-ва архит. и стр-ва Респ. Беларусь, 29.04.2011 г., № 13 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
10. Положение о порядке организации и проведения процедур закупок товаров (работ, услуг) при строительстве объектов [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 31.01.2014 г., № 88 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
11. О совершенствовании порядка определения стоимости строительства объектов и внесении изменений в некоторые указы Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11.08.2011 г., № 361 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
12. Положение о порядке формирования неизменной договорной (контрактной) цены на строительство объектов [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 18.11.2011 г., № 1553 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
13. Об установлении форм документов и утверждении Инструкции о порядке заполнения и применения дефектного акта на гарантийный ремонт [Электронный ресурс] : постановление М-ва архит. и стр-ва Респ. Беларусь, 17.10.2011 г., № 48 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
14. Инструкция о порядке определения сметной стоимости строительства и составления сметной документации на основании нормативов расхода ресурсов в натуральном выражении [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва архит. и стр-ва Респ. Беларусь, 18.11.2011 г., № 51 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
15. Положение о порядке утверждения нормативов расхода ресурсов в натуральном выражении [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 18.11.2011 г., № 1553 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

16. Об утверждении Инструкции по бухгалтерскому учету доходов и расходов по договорам строительного подряда [Электронный ресурс] : постановление М-ва архит. и стр-ва Респ. Беларусь, 30.09.2011 г., № 44 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

17. О некоторых вопросах стоимости строительства [Электронный ресурс] : постановление М-ва архит. и стр-ва Респ. Беларусь, 28.03.2012 г., № 12 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

18. О бухгалтерском учете и отчетности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 57-3 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

19. Об утверждении перечня первичных учетных документов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24.03.2011 г., № 360 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

20. Об утверждении Инструкции о порядке бухгалтерского учета строительных материалов [Электронный ресурс] : постановление М-ва архит. и стр-ва Респ. Беларусь, 24.01.2008 г., № 4 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

21. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

22. Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 2011 г., № 323-3 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

23. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в государственных органах, иных организациях [Электронный ресурс] : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 19.01.2009 г., № 4 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

24. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

25. Образовательный стандарт Республики Беларусь. Переподготовка руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование. Специальность : 1-99 02 77 судебная экономическая экспертиза. Квалификация : судебный эксперт в области экономических экспертиз (ОСРБ 1-99 02 77-2016) [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь, 30.06.2016 г., № 51 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

26. Словарь основных терминов судебных экспертиз. – М. : ВНИИСЭ, 1980. – 92 с.

27. Современные возможности судебных экспертиз : метод. пособие для экспертов, следователей и судей. – М. : РФЦСЭ, 2000.

28. Москвина, Т. П. Возможности производства судебной экономической экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях России / Т. П. Москвина. – М. : Науч. изд. Минюста РФ, 2004.

29. Предупреждение экспертных ошибок. – М. : ВНИИСЭ, 1990. – 166 с.

30. Мусин, Э. Ф. Судебно-экономическая экспертиза в органах внутренних дел Российской Федерации : учеб. пособие / Э. Ф. Мусин, С. В. Ефимов, В. Г. Савенко. – М. : ЭКЦ МВД России, 2010. – 176 с.

31. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. – М. : Норма, 2009. – 384 с.

32. Козлов, А. П. Бюджет объекта в строительстве : для чего он нужен и как его составить / А. П. Козлов // Планово-экономический отдел. – 2016. – № 2 (152). – С. 48–57.

33. Козлов, А. П. Бюджет объекта в строительстве : для чего он нужен и как его составить / А. П. Козлов // Планово-экономический отдел. – 2016. – № 3 (153). – С. 45–62.

34. Методическое письмо № 5 «Бухгалтерская экспертиза по вопросам, относящимся к определению состояния бухгалтерского учета», утв. Министром фин. РСФСР 26.09.1959 № 23/645.

T. A. Sviatlichnaya

Y. G. Volodina

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

G. A. Shumak

Candidate of Juridical Sciences
Belarusian State University
Minsk, Belarus

**CASE FILES THAT DEAL WITH PRICES AND PRICE FORMATION BY BUSINESS ENTITIES
THAT MERCHANDISE THE CONTRACTORS' CONSTRUCTION WORK
AS A RESEARCH OBJECT OF FORENSIC ECONOMIC EXAMINATION**

The article is devoted to the concept and composition of the object that have not been earlier studied in theory and practice of forensic economic examinations – case files that deal with prices and price formation by business entities that merchandise the contractors' construction work. The role of such an object in the process of investigation of the issues of forensic economic examination is defined. Authors name major difficulties the expert faces during the research of this object in forensic economic examinations and offer the ways of their resolution.

Keywords: price, price formation, contractors' construction work, object of forensic economic examination.

УДК [001.893+001-051(062.552)]: 303.443.2

О. Г. Парникель

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: olparnikel@mail.ru

INCITMTES ДЛ^Я АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНЫХ БЕЛАРУСИ

В статье дается краткое описание аналитического инструмента InCites (Web of Science), рассматривается его практическое применение при анализе публикационной активности авторов Беларуси в сравнении с другими странами по нормализованному показателю цитирования (NCI). Приведены формулы расчета NCI и его преимущества для корректного сравнения по библиометрическим показателям стран, организаций, авторов.

Ключевые слова: библиометрические показатели, InCites, Web of Science, публикационная активность, международное сотрудничество.

Современные методы оценки и анализа результатов научно-исследовательской деятельности с использованием мировых баз цитирования приобретают все большую популярность. Библиометрические показатели используются при оценке публикационной активности как страны в целом, так и отдельной научной организации или конкретного автора, распределение публикаций по журналам, отраслям знаний и по годам издания характеризуют научные связи в общемировом пространстве. Рассчитать показатели научной результативности можно воспользовавшись доступом к таким наукометрическим базам, как Web of Science и Scopus.

Web of Science (WoS, до начала 2014 г. – Web of Knowledge) – платформа, на которой размещены информационные продукты компании Clarivate Analytics (ранее – подразделение по интеллектуальной собственности и научным исследованиям компании Thomson Reuters), центральный из которых – авторитетная политематическая реферативно-библиографическая и наукометрическая база данных Web of Science Core Collection (WoS CC). WoS учитывает цитируемость статей на основе пристатейных списков используемой литературы. Общий объем записей – свыше 64 млн, более 1 млрд проиндексированных пристатейных ссылок [1; 2]. В состав WoS CC входят несколько индексов, содержание которых еженедельно обновляется: по естественным, техническим, медицинским наукам – Science Citation Index Expanded (SCIE); по общественным наукам – Social Sciences Citation Index (SSCI); по гуманитарным наукам – Arts & Humanities Citation Index (A&HCI); труды конференций Conference Proceedings Citation Index-Science и Conference Proceedings Citation Index-Social Science & Humanities соответственно по естественным, техническим наукам, медицине и общественным, гуманитарным; книги Book Citation Index-Science (естественные, технические, медицинские науки) и Book Citation Index-Social Sciences & Humanities (общественные и гуманитарные науки) Emerging Sources Citation Index (относительно новые журналы, которые должны быть подвергнуты оценке за определенный период времени, прежде чем они будут индексированы SCIE, SSCI, или A&HCI); Current Chemical Reactions и Index Chemicus – указатели по химии, с помощью которых можно создавать структуры для поиска химических соединений и реакций [3].

Развитие сервисных услуг для пользователей WoS привело к созданию уникальных опций по анализу отдельных массивов информации, таких как Analyze Results и Citation Reports. Опция Funding Agency позволяет оценивать деятельность научных фондов и агентств, финансирующих научные исследования на конкурсной основе [4].

Использование библиометрической статистики администраторами науки и финансирующими организациями для оценки инвестиций в научные исследования приняло глобальный характер. Как отмечал Ю. Гарфилд, «мы являемся свидетелями превращения библиометрических исследований в новую отрасль индустрии – оценку результативности научных исследований, выполняемых в университетских и научных коллективах» [Garfield, 2011] [4, с. 45]. Для каждой публикации в Web of Science CC можно узнать, какие документы она цитирует и какие документы цитируют ее. Следовательно, можно собирать статистику цитируемости. Для комплексных задач сделать это нелегко, поэтому Web of Science CC дополняют аналитические инструменты («надстройки»): Journal Citation Reports (JCR) предоставляет информацию о журналах и позволяет оценивать их значимость по нескольким показателям, включая импакт-фактор; Essential Science Indicators (ESI) позволяет оценить результаты научной деятельности и их значимость в конкретных областях знания. В ESI включены только те организации и авторы, которые попали в 1% наиболее цитируемых хотя бы в одной научной дисциплине; и только те журналы и страны, которые попали в 50% наиболее цитируемых хотя бы в одной научной дисциплине [4; 5].

Сравнение по библиометрическим показателям стран, организаций, авторов зависит от временного периода, отрасли знания, количества авторов и для корректного сравнения требует дополнительных показателей, в которых можно компенсировать различия в уровне цитирования в разных научных областях и для разных типов документов, в динамике цитирования и т. п. Поэтому в 2009 г. (в 2014 г. вышла новая расширенная версия) появился аналитический инструмент InCites, позволяющий проводить детальный и глубокий анализ библиометрических показателей организаций, отдельных ученых, стран, который использует нормализацию цитируемости по областям науки и по журналам. Необходимо отметить, что аналитические инструменты JCR, ESI и InCites используют Web of Science CC как свою основу и лишь собирают, агрегируют из WoS CC данные по различным «информационным единицам» (журналам, ученым, организациям, странам и т. д.) [4, с. 81].

На сегодняшний день нормализованный показатель цитирования (Normalized Citation Impact, NCI) является наилучшим путем для такого сравнения. При расчете NCI цитирование публикации делится на норму, вычисленную как среднее цитирование в мире по данной тематике (области знаний) в год издания работы. Для группы публикаций находится нормализованное цитирование каждой отдельной работы, а затем усредняется по группе. Показатель рассчитывается для автора, организации, группы статей, журналов [6]. Если $NCI > 1$, то исследование цитируется лучше среднемирового, $NCI < 1$ – исследование цитируется хуже среднемирового уровня.

$$NCI_{\text{публикации}} = \frac{\text{Цитируемость публикации}}{\text{Средняя цитируемость всех публикаций того же типа, опубликованных в том же году и в той же предметной области}}$$

$$NCI_{\text{группы публикаций}} = \frac{NCI_1 + NCI_2 + \dots + NCI_N}{N},$$

где NCI_1, NCI_2, NCI_N – нормализованное цитирование каждой отдельной работы [7].

Применять показатель NCI на коротких временных промежутках (1–2 года) необходимо с осторожностью, т. к. он считает средние величины и на него могут оказывать большое влияние отдельные высокоцитируемые статьи [4].

По результатам проведенного исследования с использованием InCites, нормализованный показатель цитирования для Беларуси составляет 0,56, что является ниже среднемирового уровня, т. к. показатель меньше 1.

В Web of Science CC за период 1990–2017 гг. отражены 35 917 публикаций, на которые получено 257 739 ссылок. На рисунке 1 приведена динамика нормализованного показателя цитирования для Беларуси в целом.

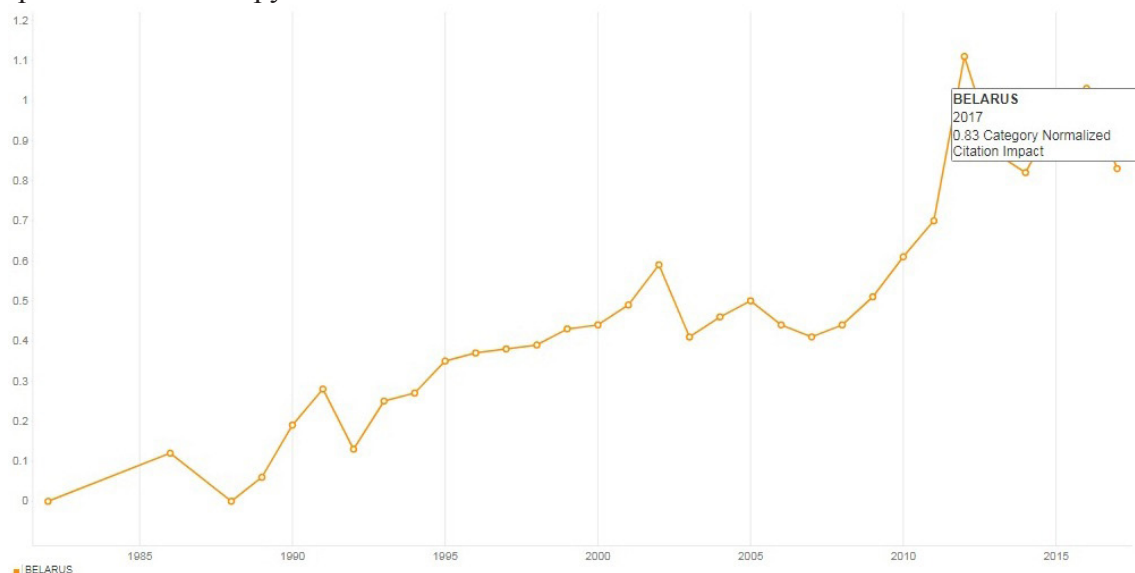

Рисунок 1 – Динамика нормализованного показателя цитирования для Беларуси

На представленном графике (рисунок 1), отражающем динамику NCI по годам, заметен резкий рост цитируемости в 2012 г., который связан с участием ученых Беларуси в проектах Большого Адронного Коллайдера (БАК). Публикации по результатам БАК высоко цитируются, что подтверждает важность этих работ [8]. В 2012 г. в Web of Science CC размещено 1 506 публикаций белорусских авторов, на которые ссылались 22 365 раз, из них 262 работы выполнены большими авторскими коллективами, в том числе проекты БАК, на них приходится 16 747 ссылок. Снижение активности БАКовских проектов в 2013 г. вызвало снижение публикационной активности в Беларуси (за год размещено 1 517 публикаций, из них 229 в составе коллабораций, на которые получены 7 316 ссылок). Таким образом, участие белорусских ученых в таких проектах, как БАК, оказывает большое влияние на публикационную активность Беларуси.

Если сравнить публикационную активность Беларуси по данным InCites и публикационную активность некоторых стран СНГ и ближнего зарубежья, то показатели NCI для Беларуси (0,56), России (0,58), Украины (0,53) и Казахстана (0,62) отличаются незначительно, несмотря на большую разницу в количестве публикаций и их цитировании (рисунок 2).

Name	Rank	Web of Science Documents	Category Normalized Citation Impact	Times Cited	% Docs Cited
RUSSIA	1	864,753	0.58	6,371,237	60.32%
POLAND	2	587,142	0.85	5,647,739	67.95%
UKRAINE	3	142,937	0.53	883,438	56.65%
ESTONIA	4	34,637	1.28	480,356	68.85%
LITHUANIA	5	44,990	0.79	317,997	57.17%
BELARUS	6	35,016	0.56	248,249	56.74%
LATVIA	7	22,245	0.84	141,757	47.74%
KAZAKHSTAN	8	13,083	0.62	53,239	43.61%

Рисунок 2 – Библиометрические показатели по данным InCites

При сравнении по аналогичному показателю стран Евросоюза в Топ 10 входят страны с NCI от 1,48 до 1,24 (рисунок 3).

Name	Rank	Web of Science Documents	Category Normalized Citation Impact	Times Cited	% Docs Cited
DENMARK	1	428,472	1.48	9,610,687	75.11%
NETHERLANDS	2	1,090,595	1.45	23,943,366	73.41%
BELGIUM	3	580,038	1.36	10,918,064	71.91%
SWEDEN	4	747,669	1.35	16,904,851	76.57%
SCOTLAND	5	528,789	1.33	10,419,365	68.73%
ENGLAND	5	3,696,551	1.33	67,822,369	65.11%
LUXEMBOURG	7	15,056	1.32	163,095	64.17%
UNITED KINGDOM	8	4,314,305	1.3	77,605,675	65.07%
ESTONIA	9	34,637	1.28	490,356	68.85%
WALES	10	178,585	1.24	2,933,304	66.73%

Рисунок 3 – Топ 10 стран Евросоюза по показателю NCI

Лидер среди стран Евросоюза Дания опережает Беларусь по показателю NCI почти в три раза.

Проведение крупномасштабных исследований и проектов, продвижение их результатов в условиях глобальной конкуренции и рассредоточенности ресурсов возможно при кооперации ученых и использовании возможностей международных научных организаций. Национальная академия наук Беларуси постоянно расширяет географию международного сотрудничества и активно развивает партнерские связи с академиями наук и другими научными организациями зарубежных стран, участвует в деятельности международных научных и научно-технических организаций и ассоциаций. На уровне руководства НАН Беларуси подписан и реализуется целый ряд договоров, соглашений и протоколов о сотрудничестве с зарубежными и международными научными организациями, правительственными структурами и органами управления в сфере науки и техники [9; 10]. За последние годы заметно выросло количество совместных публикаций. Если за период 2008–2012 гг. было опубликовано 3 502 совместные работы, то в 2013–2017 гг. – 4 890 совместных публикаций. Как видно из Топ 10 стран-соавторов ученых Беларуси (таблица), значительное число публикаций выполнено в сотрудничестве с российскими учеными.

Таблица – Топ 10 стран-соавторов ученых Беларуси за 2008–2017 гг., по данным WoS CC

Страна	Кол-во совместных публикаций	Страна	Кол-во совместных публикаций
2008–2012 гг.		2013–2017 гг.	
Россия	1495	Россия	2598
Германия	1047	Германия	1547
Польша	801	Польша	1469
США	729	США	1341
Франция	639	Франция	1259
Италия	611	Англия	1196
Англия	579	Испания	1194
Испания	505	Италия	1169
Китай	482	Китай	1081
Швейцария	482	Швейцария	1042

Агрегатор InCites построен, в основном, на зарубежных публикациях, что является одним из ограничений для оценки результатов научной деятельности организаций Беларуси. При таком методе оценки практически не учтены российские и белорусские периодические издания, что характерно для многих неанглоязычных стран, например, в международные базы цитирования Web of Science и Scopus попадает лишь незначительная часть из издаваемых в России научных журналов в их переводных версиях [11]. Особенно это актуально для публикаций гуманитарного направления. В 2015 г. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU заключила договор с компанией Thomson Reuters (сейчас Clarivate Analytics) о размещении 1000 лучших российских научных журналов из Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ) на платформе Web of Science в виде отдельной базы данных Russian Science Citation Index. Этот проект позволит значительно улучшить видимость и цитируемость российских журналов в международном информационном пространстве и будет способствовать повышению их качества за счет приведения их к международным стандартам [12].

Для дальнейшего успешного развития международного сотрудничества необходимо определить, в каких областях фундаментальной и прикладной науки белорусские ученые признаны мировым сообществом. В своей статье «О научных кластерах в Национальной академии наук Беларуси» Председатель Президиума НАН Беларуси, академик Владимир Гусаков отметил, что прежде чем сформировать тематику фундаментальных исследований, надо знать, по каким направлениям и где может быть реальный успех. Сделать это на «голом» месте сложно, а порой и невозможно [13]. Использование InCites позволяет определить отрасли, где есть возможность налаживать перспективное сотрудничество для проведения совместных исследований с учеными других стран. Если рассмотреть NCI в конкретных научных направлениях, то по физике в общемировом потоке нормализованный показатель цитирования для Беларуси 1,11, что является выше среднемирового уровня. Таким образом, сотрудничество в области физики может представлять интерес для зарубежных научно-исследовательских учреждений. Для Беларуси физика традиционно является приоритетным направлением. На рисунке 4 представлен Топ 10 приоритетных отраслей Беларуси по количеству публикаций и по показателю NCI.

Research Area	Rank	Web of Science Documents	Category Normalized Citation Impact	Times Cited	% Documents Cited
Physics	1	7,313	1.11	97809	80.09
Chemistry	2	6,000	0.34	43142	67.45
Materials Science	3	2,879	0.45	20647	64.08
Clinical Medicine	4	2,213	0.73	16366	32.81
Engineering	5	1,957	0.45	11393	55.39
Mathematics	6	1,933	0.32	5070	45.84
Biology & Biochemistry	7	1,467	0.41	12179	63.74
Multidisciplinary	8	673	0.07	598	35.07
Molecular Biology & Genetics	9	541	0.58	7282	62.85
Plant & Animal Science	10	470	0.54	3822	69.15

а

Research Area	Rank	Web of Science Documents	Category Normalized Citation Impact	Times Cited	% Documents Cited
Physics	1	7,375	1.11	98848	80.08
Clinical Medicine	2	2,249	0.73	16524	32.33
Geosciences	3	340	0.67	4194	71.18
Immunology	4	308	0.66	1810	35.39
Environment/Ecology	5	230	0.61	3055	70.87
Microbiology	6	166	0.59	1811	74.7
Molecular Biology & Genetics	7	540	0.57	7334	62.78
Plant & Animal Science	8	471	0.54	3863	69
Pharmacology & Toxicology	9	241	0.53	2186	63.49
Social Sciences, general	10	263	0.49	757	33.46

б

**Рисунок 4 – Топ 10 отраслей науки в Беларуси
а) по количеству публикаций; б) по показателю NCI**

Публикации по физике выполнены совместно с учеными России, Германии, Польши, США, Франции, Великобритании и размещены в таких журналах, как Physics Letters B (IF = 4.807), Physical Review Letters (IF = 8.462), Physical Review B (IF = 3.836), European Physical Journal C (IF = 5.297), Journal of High Energy Physics (IF = 6.063) и т. д. (рисунок 5).

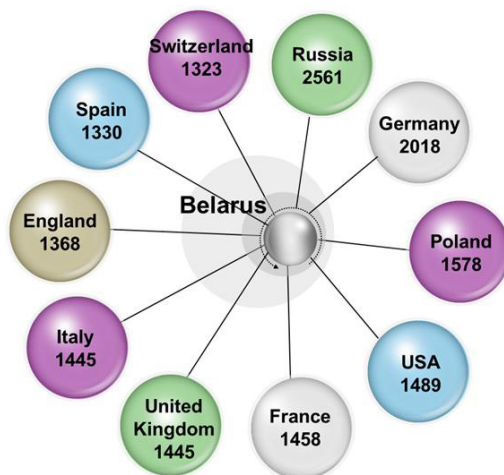

**Рисунок 5 – Топ 10 стран по научному сотрудничеству Беларуси
в области физики по количеству публикаций**

В отличие от Беларуси, где более всего публикаций выполнено по физике, в общемировом потоке по отчету InCites приоритетным направлением является клиническая медицина – 10 535 561 публикация (рисунок 6). Затем химия, социальные науки, физика, техника, биология и биохимия, науки о растениях и животных, нейронауки.

Рисунок 6 – Приоритетные направления в общемировом научном пространстве по количеству публикаций

В области клинической медицины нормализованный показатель цитирования Беларуси – 0,73 немного ниже среднемирового уровня и находится на втором месте после физики. По количеству публикаций в области клинической медицины Беларусь (2 213 публикаций) значительно отстает от лидера в этой отрасли США (3 666 028 публикаций), но по показателю NCI приоритетных отраслей Беларуси (рисунок 4) можно отметить, что наука в Беларуси развивается в рамках общемировых тенденций.

В настоящее время как один из критериев для принятия административных, кадровых или финансовых решений применяются количественные показатели, не зависящие от мнения экспертов. Учтя особенности, InCites дает возможность проанализировать результаты научно-исследовательской деятельности, позволяет сравнивать результаты в разных областях знаний, организации и страны [11], оценивать продуктивность научного сотрудничества и использовать при оценке работы отдельных организаций.

Список использованных источников

1. Полникова, Е. Платформа Web of Science. Азбука терминов и сервисов (НБ СПбГУ) [Электронный ресурс] / Е. Полникова // Краснояр. гос. аграр. ун-т. Библиотека. – Режим доступа : <http://www.kgau.ru/new/biblioteka/17/5/3a.pdf>. – Дата доступа : 10.08.2017.
2. Web of Science Core Collection (Clarivate Analytics) [Электронный ресурс] // NEICON : электрон. информ. – Режим доступа : <http://neicon.ru/resources/foreign/102-sitestructure/resursy-neikon/zarubezhnye-resursy/412-web-of-knowledge-2>. – Дата доступа : 10.08.2017.
3. Справка по всем базам данных Web of Science TM [Электронный ресурс] // Russian Science Citation Index / Web of Science. – Режим доступа : https://images.webofknowledge.com/WOKRS522R4/help/ru_RU/WOK/contents.html. – Дата доступа : 09.08.2017.
4. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии / М. А. Акоев [и др.]; под. ред. М. А. Акоева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 250 с.

5. Парникель, О. Г. Наукометрические исследования как оценка научной деятельности [Электронный ресурс] / О. Г. Парникель // Библиотеки в информационном пространстве : проблемы и тенденции развития : материалы II Междунар. науч. конф. молодых ученых и специалистов, Минск, 16 февр. 2010 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Центр. науч. б-ка им. Якуба Коласа; [ред. кол. : Л. А. Августуль, Н. Ю. Березкина (отв. ред.), Г. Я. Голенченко, О. М. Дрозд, А. В. Стефанович; библиогр. ред. : Н. Г. Комарова, Е. А. Бондаренко, О. В. Пирогова; ред. М. М. Лис; рец. : Р. Б. Григянец, Н. А. Яцевич]. – Электрон. дан. – Минск : Ковчег, 2010. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 70–77.

6. Универсальные наукометрические показатели. Центр научных компетенций и коммуникаций БГУ [Электронный ресурс] // БГУ. – Режим доступа : <http://science.bsu.by/index.php/info/indexes/general>. – Дата доступа : 23.08.2017.

7. Касьянов, П. Использование современных наукометрических показателей. 2016. [Электронный ресурс] / П. Касьянов // Научная библиотека РАНХиГС. – Режим доступа : http://lib.ranepa.ru/docs/RANEPa_InCites.pdf. – Дата доступа : 05.09.2017.

8. Как Большой Адронный Коллайдер влияет на развивающуюся науку [Электронный ресурс] // Блог российского эксперта по наукометрии компании Clarivate Analytics Павла Касьянова. – Режим доступа : <http://pavel-kasyanov.blogspot.com.by/2017/>. – Дата доступа : 07.09.2017.

9. Международные договоры о сотрудничестве [Электронный ресурс] // Национальная академия наук Беларуси : [офиц. сайт]. – Режим доступа : <http://nasb.gov.by/rus/activities/international/agreementsr.php>. – Дата доступа : 14.09.2017.

10. Хренова, Г. С. Международное научное сотрудничество на основе библиометрических данных / Г. С. Хренова, О. Г. Парникель // Наука и инновации. – 2014. – № 1(131). – С. 69–72.

11. Москалева, О. В. Можно ли оценивать труд ученых по библиометрическим показателям? / О. В. Москалева // Управление большими системами / Ин-т пробл. упр. им. В. А. Трапезникова. – М., 2013. – Спец. вып. 44 : Наукометрия и экспертиза в управлении наукой. – С. 308–331.

12. О проекте eLIBRARY.RU [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU : [офиц. сайт]. – Режим доступа : https://elibrary.ru/elibrary_about.asp. – Дата доступа : 15.02.2018.

13. Гусаков, В. О научных кластерах в Национальной академии наук Беларуси / В. Гусаков // Наука и инновации. – 2016. – Т. 1, № 155. – С. 5–6.

Дата поступления: 26.03.2018

O. G. Parnikel

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

INCITES FOR RESULTS ANALYSIS

SCIENTIFIC RESEARCH ACTIVITY SCIENTISTS OF BELARUS

The article gives a brief description of the analytical tool InCites (Web of Science). Its practical application in the analysis of the publication activity of the authors of Belarus and comparison with other countries on the normalized citation index (NCI) is considered. The formulas for calculating the NCI and its advantages for correct comparison by bibliometric indicators of countries, organizations, authors are given.

Keywords: bibliometric indicators, InCites, Web of Science, publication activity, international cooperation.

СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА

УДК 61:340.6:616-01.22

Е. А. Варфоломеев

ГУ «Главное бюро судебно-медицинской экспертизы МОЗ Украины»,
аспирант кафедры судебной медицины Национальной медицинской академии
последипломного образования им. П. Л. Шупика
г. Киев, Украина
E-mail: warfall.ev@gmail.com

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ОЦЕНКИ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ПРИЧИНЕННЫХ ЭЛЕКТРОШОКОВЫМИ УСТРОЙСТВАМИ

В статье на примерах конкретных практических случаев описаны проблемные вопросы проведения судебно-медицинских экспертиз, связанных с оценкой повреждений, причиненных электрошоковыми устройствами. Подчеркнута важность применения лабораторных методов исследования при проведении таких экспертиз, необходимость разработки алгоритма оценки повреждений и внедрения в практику новых методов исследований при повреждениях такого типа.

Автором в работе использован архивный материал Главного бюро судебно-медицинской экспертизы МОЗ Украины, Киевского городского клинического бюро судебно-медицинской экспертизы и Киевского областного бюро судебно-медицинской экспертизы.

Ключевые слова: судебная медицина, электрометка, электрошоковые устройства, телесные повреждения, нелетальное оружие.

В последнее время, как среди сотрудников силовых ведомств, так и среди гражданского населения все шире распространяется так называемое оружие нелетального типа действия, т. е. оружие такого типа, которое направлено в первую очередь не на причинение существенных повреждений, а на нейтрализацию нападающего. К оружию такого типа относится очень широкий спектр устройств, оказывающих механическое, электрическое, химическое, звуковое действие и т. д. Тем не менее, в специальной литературе имеется крайне незначительное количество информации, посвященной судебно-медицинской оценке повреждений и последствий для здоровья лиц, подвергшихся действию такого рода средств и оружия. Это в полной мере относится и к повреждениям, причиненным электрошоковыми устройствами (ЭШУ), систематизированная информация относительно судебно-медицинской оценки которых практически отсутствует и сводится фактически к единичным публикациям [1–4]. Отсутствие четкого алгоритма оценки повреждений, причиненных ЭШУ, и неопределенность оптимального объема дополнительных и лабораторных методов исследований при проведении судебно-медицинской экспертизы в таких случаях обуславливает некоторые трудности в установлении механизма и условий действия ЭШУ, идентификации травмирующего предмета и т. д.

Цель и материалы исследования: на основании анализа архивного материала (экспертиз, проведенных в бюро судебно-медицинской экспертизы) определить проблемные вопросы при проведении судебно-медицинской оценки повреждений, причиненных ЭШУ, а также возможные пути их решения дополнительными методами исследований, в том числе методами лабораторной диагностики.

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время, несмотря на большое разнообразие ЭШУ, нет их единой классификации, пригодной для использования в судебно-медицинской практике. Среди существующих классификаций можно отметить такие, которые сосредотачиваются на дистанции действия

ЭШУ (контактные и дистанционные), особенностях схемного блока устройства (с конденсаторным или трансформаторным выходом), способе передачи энергии, электрических параметрах (средней мощности воздействия, напряжении искрового разряда на электродах) и т. д. [5; 6]. Очевидно, что для проведения судебно-медицинской экспертизы такие типы классификаций малопригодны. Некоторое применение из таких вариантов классификаций может иметь только распределение ЭШУ по напряжению искрового разряда на электродах, что имеет значение при идентификации прибора, которым было нанесено повреждение. Тем не менее, в мировой практике отсутствуют четкие критерии определения электрических параметров травмирующего ЭШУ по морфологической картине причиненного им повреждения. Следует отметить, что в работе судебно-медицинского эксперта гораздо большее значение могут иметь конструкционные особенности конкретного ЭШУ, характер расположения электродов, количественный и качественный элементный состав металла электродов, т. е. такие характеристики, которые потенциально дают возможность по имеющемуся на теле пострадавшего повреждению идентифицировать тип, модель или конкретное ЭШУ.

При изучении судебно-медицинских экспертиз, проведенных в отношении лиц, которые указывали на применение к ним ЭШУ, обращают на себя внимание крайне разнообразные проявления их травмирующего действия. В некоторых случаях ЭШУ не оставляло на теле вообще никаких морфологических макроскопических проявлений, что, безусловно, затрудняет установление самого факта использования ЭШУ. Далее на примере нескольких судебно-медицинских экспертиз проиллюстрированы некоторые варианты повреждений, возникших от действия различных ЭШУ.

При проведении одной из экспертиз было установлено наличие на теле обследуемого четырех округлых выпуклых участков гиперемии кожи, диаметром около 3,5 мм с расплывчатыми контурами, на фоне которых определялись точечные участки отслоенного суховатого эпидермиса желтого и коричневатого-желтого цветов. Данные повреждения располагались в углах практически правильного условного прямоугольника (рисунок 1), линейные размеры которого соответствовали расположению и конфигурации электродов ЭШУ, представленного на экспертизу, что в данном случае позволило установить нанесение повреждений конкретной моделью ЭШУ (рисунок 2). Очевидно, что при таком четком отображении контактирующих электродов ЭШУ в морфологии повреждения установление травмирующего предмета, как правило, не представляет особых сложностей.

Рисунок 1 – Четыре повреждения от действия ЭШУ, расположенные в углах условного прямоугольника

Рисунок 2 – Контактная травмирующая поверхность ЭШУ

При анализе еще двух экспертиз в отношении оценки повреждений, причиненных ЭШУ, их макроскопическая морфологическая картина также была достаточно показательной. В первом из случаев парно расположенные повреждения представляли собой достаточно типичные для электрометок изменения в виде кратерообразных округлых углублений с валикообразно приподнятыми краями, прикрытых сероватыми сухими струпьями (рисунок 3). Расстояние между повреждениями соответствовало конструкционным особенностям (расстоянию между электродами) ЭШУ. Во втором случае, при исследовании повреждений на третьи сутки после их нанесения, экспертом они были описаны как парные, мелкие, неправильно округлой формы ссадины. При этом данные повреждения располагались эксцентрично на фоне кровоподтека размерами около 15x12 см с тонким участком просветления непосредственно по периметру описанных ссадин (рисунок 4). Следует отметить, что образование кровоподтека в данной ситуации не сопровождалось действием тупого предмета, а возникло непосредственно после действия ЭШУ, что предположительно может быть обусловлено механическим действием электрического тока на ткани, резким сокращением мышц данного участка (плечо), но требует дальнейших исследований и верификации механизма образования.

Рисунок 3 – Парные повреждения от действия ЭШУ в виде электрометок

Рисунок 4 – Парные повреждения от действия электродов ЭШУ, расположенные на фоне кровоподтека

Отдельно следует упомянуть еще один случай, когда после нанесения нескольких травмирующих воздействий ЭШУ в область голени у потерпевшего определялось наличие четырех кровоподтеков неопределенной формы, размерами до 15х14 см, причем на фоне одного из них были расположены две парные округлые ссадины. На фоне остальных кровоподтеков макроскопических признаков, которые могли указывать на действие ЭШУ, не обнаружено.

Таким образом, не во всех случаях повреждения, причиненные ЭШУ, характеризуются соответствием конструкционным особенностям конкретного устройства и наличием признаков, указывающих на местное термическое или электрическое воздействие.

При анализе результатов еще двух судебно-медицинских экспертиз, после нанесения потерпевшим многочисленных повреждений ЭШУ у одного из обследуемых установлено наличие большого числа неопределенной формы мелких, хаотично расположенных на теле ссадин, которые не имели каких-либо специфических признаков действия электрического тока, а у второго обследуемого выявлено наличие множественных мелких округлых участков депигментации кожи. При этом осмотр первого потерпевшего проводился на следующий день, а второго потерпевшего на четвертый день после причинения им повреждений. Таким образом, в этих случаях не наблюдались никакие специфические признаки, которые позволяли бы сделать вывод о применении в отношении потерпевших именно ЭШУ исключительно на основании оценки повреждений тела, а тем более установить конструкционные особенности либо модель ЭШУ. При этом, в этих же случаях, при проведении медико-криминалистического исследования одежды установлено наличие многочисленных однотипных округлых мелких повреждений ткани, которые располагались как изолированно, так и в виде групп. При детальном их изучении были выявлены оплавления в области краев повреждений, скрученность волокон, наличие булавовидных утолщений на концах поврежденных хлопчатобумажных волокон, многочисленных оплавленных утолщений по ходу синтетических волокон ткани одежды. Обнаружение вышеописанных признаков позволило в этих случаях установить действие на ткань одежды как механического, так и термического и электрического факторов, и при сопоставлении повреждений на теле и одежде экспертами сделать вывод о возможности их причинения ЭШУ.

Также следует помнить о возможности применения ЭШУ как тупого предмета. Так, при проведении одной из экспертиз на различных участках тела потерпевшей были обнаружены разные по морфологическим свойствам повреждения: на левой половине лица были расположены две линейные параллельные буроватые ссадины, а на руке – парные точечные красноватые участки на фоне неповрежденной кожи. Исходя из морфологии повреждений, конструктивных особенностей представленного на экспертизу ЭШУ, сведений из материалов криминального производства и данных, предоставленных потерпевшей, экспертом повреждения на руке были оценены как образовавшиеся от электрического воздействия электродов ЭШУ, а повреждения на левой щеке – от удара по касательной этим же устройством как тупым предметом.

Отдельно стоит упомянуть о двух случаях, когда после применения, со слов потерпевших, против них ЭШУ никаких видимых макроскопических повреждений на теле отмечено не было. Дополнительных и лабораторных исследований, в том числе одежды, в этих случаях не проводилось, и действие ЭШУ подтверждено не было.

Выводы

1. Отсутствие систематизированных данных и единого алгоритма по оценке повреждений, причиненных ЭШУ, неопределенность минимального объема необходимых дополнительных и лабораторных исследований, отсутствие удобной для использования в судебной медицине классификации ЭШУ создает практические сложности при проведении экспертиз такого рода.

2. Повреждения, причиняемые ЭШУ, характеризуются значительным полиморфизмом, разнообразием морфологических проявлений и зачастую не имеют никаких специфических признаков действия электрического тока на организм, или отсутствуют вообще.

3. Проведение дополнительных лабораторных исследований в судебно-медицинской лаборатории, в частности медико-криминалистического исследования одежды в спорных ситуациях, при непоказательных повреждениях на теле потерпевших может верифицировать воздействие ЭШУ.

4. В современной судебной медицине имеется насущная необходимость дальнейшего исследования как общего действия ЭШУ на организм человека, так и механизма образования местных повреждений, причиняемых ЭШУ, с разработкой оптимального комплекса дополнительных, лабораторных исследований и внедрением в судебно-медицинскую экспертную практику алгоритма оценки такого рода повреждений.

Список использованных источников

1. Бондаренко, В. В. Судебно-медицинская экспертиза от действия электроразрядных устройств (электрошокера) / В. В. Бондаренко, Е. И. Кирилович, А. Н. Семеняченко // Медицина третьего тысячелетия : сб. тез. міжвуз. конф. молодих вчених та студентів, Харків, 14 січня 2014 р. / Харк. нац. ун-т. – Х., 2014. – С. 183–184.

2. Следы действия электроразрядного устройства на коже человека и животного / А. П. Бурматов [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. – 2011. – № 6. – С. 41–43.

3. Дифференциальная диагностика видов воздействия электрошоковым устройством «АИР-107У» / А. А. Девятериков, Л. С. Остапенко // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. – Хабаровск, 2016. – № 15. – С. 65–66.

4. Cutaneous current marks due to a stun gun injury / S. Anders [et al.] // J Forensic Sci – 2003. – 48(3). – P. 640–642.

5. Губарев, Г. Г. Класифікація електророзрядних і електрошокових пристроїв та особливості схемно-технічних рішень / Г. Г. Губарев // Право і Безпека. – 2010. – № 2. – С. 116–122.

6. Устройства электрошоковые. Общие технические условия : ГОСТ 50940-96. – М. : Гос. стандарт Рос. Федерации.

Y. A. Varfolomeiev

Main Bureau of Legal Medicine of the Ministry of Health of Ukraine,
Postgraduate at the Department of forensic medicine
of the National Medical Academy of postgraduate education named after P. L. Shupik
Kyiv, Ukraine

**PROBLEMATIC ISSUES CONCERNING THE FORENSIC MEDICAL ASSESSMENT
OF INJURIES CAUSED BY ELECTROSHOCK DEVICES**

The problematic issues of forensic medical examinations related to the assessment of injuries caused by electroshock devices were described. The importance of laboratory research methods in conducting such examinations and the necessity to develop an algorithm for assessing of injuries of this type were emphasized.

The archival material (results of forensic examinations of people with injuries due to use against them electroshock devices) of the Main Bureau of Legal Medicine of the Ministry of Health of Ukraine, the Kyiv City Clinical Bureau of Legal Medicine and the Kiev Regional Bureau of Legal Medicine were used in the study.

Keywords: forensic medicine, electrometric, electroshock devices, electrical injuries, non-lethal weapons.

**СУДЕБНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

**АВТОМАТИЗАЦИЯ
ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

УДК 343.98

Н. Л. Боброва

кандидат технических наук, доцент

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

Минск, Беларусь

E-mail: bobrova@bsuir.by

С. В. Чащин

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

Минск, Беларусь

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ КЛАССИФИКАЦИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ: ОБЗОР ПОДХОДОВ И ИХ АДАПТАЦИЯ

Настоящая работа посвящена отдельным методам одного из наиболее актуальных и перспективных направлений в анализе данных – машинного обучения. Проанализированы возможности и ограничения их применения в практике судебно-экспертной деятельности (в первую очередь, в идентификации и классификации). Обосновано предложение использовать методы «белого ящика» (из числа методов обучения «с учителем») в судебно-экспертной деятельности, дано краткое описание наиболее популярных методов этой группы.

Ключевые слова: анализ данных, машинное обучение, обучение «с учителем», методы «белого ящика», идентификация, классификация.

Среди множества направлений в современном анализе данных, одним из важнейших является классификация [1; 2]. Формально говоря, в задачах классификации значение некоторой зависимой переменной (класса, к которому относится объект) определяется на основании значений других переменных, характеризующих данный объект (признаков). Применение подходов к классификации, уже выработанных в теории анализа данных, может применяться (и уже применяется, хотя и без достаточного понимания сути метода и, нередко, присущих ему ограничений) в судебно-экспертной деятельности (СЭД), в первую очередь, в идентификационных исследованиях.

Существует довольно много методов идентификации. В целом можно разделить их на две большие группы – экспертные и формальные [3]. Экспертные методы предполагают исследование объектов специалистом в предметной области. К формальным относятся приемы из теории вероятностей и математической статистики, а также алгоритмы машинного обучения. Классификация основных формальных методов представлена на рисунке 1 [3]. Необходимо отметить, что приведенная классификация формальных методов достаточно условна, как условны и границы между методами статистического анализа и машинного обучения, основанного на статистическом анализе данных. Так, например, кластерный анализ и метод главных компонент нередко относят к методам машинного обучения, а байесовский классификатор, реализующий принципы байесовской статистики, – к статистическим методам.

Статистические методы анализа данных появились задолго до появления электронных вычислительных машин, и сама методология статистики во многом обусловлена скудостью данных, которые исследователь способен собрать и обработать доступными вычислитель-

ными средствами. Выбор исследователя нередко состоял либо в поиске технических средств для проведения расчетов на модели, максимально приближенной к области исследования, либо в выборе модели, доступной для анализа, но содержащей определенные упрощения. Внедрение ЭВМ и, в особенности, ПЭВМ в повседневную практику привело к бурному развитию алгоритмов для проведения расчетов, а также технических и программных средств сбора и хранения данных. Тенденция последних лет – обратная, т. н. «информационный потоп» [1], т. е. ситуация, при которой исследователь может получить любую информацию, которая ему необходима, если сможет очистить ее от многообразия «информационного шума» – данных, не представляющих для него интерес. Появилась возможность использовать все более сложные модели, учитывающие все большее количество признаков. Возникла необходимость в автоматических «помощниках» – программных средствах, алгоритмы которых проводят значительную часть технической работы, связанной со сложными расчетами, и предоставляют исследователю если не готовые решения, то, по крайней мере, некоторый ограниченный пул вариантов. Очевидно, что выбор вариантов осуществляется по заранее установленным правилам.

Совершенствование методов анализа данных позволило решать новые типы задач. Одним из таких новых направлений стала теория распознавания образов, решение задач которой стало возможно с помощью методов искусственного интеллекта, в частности, машинного обучения.

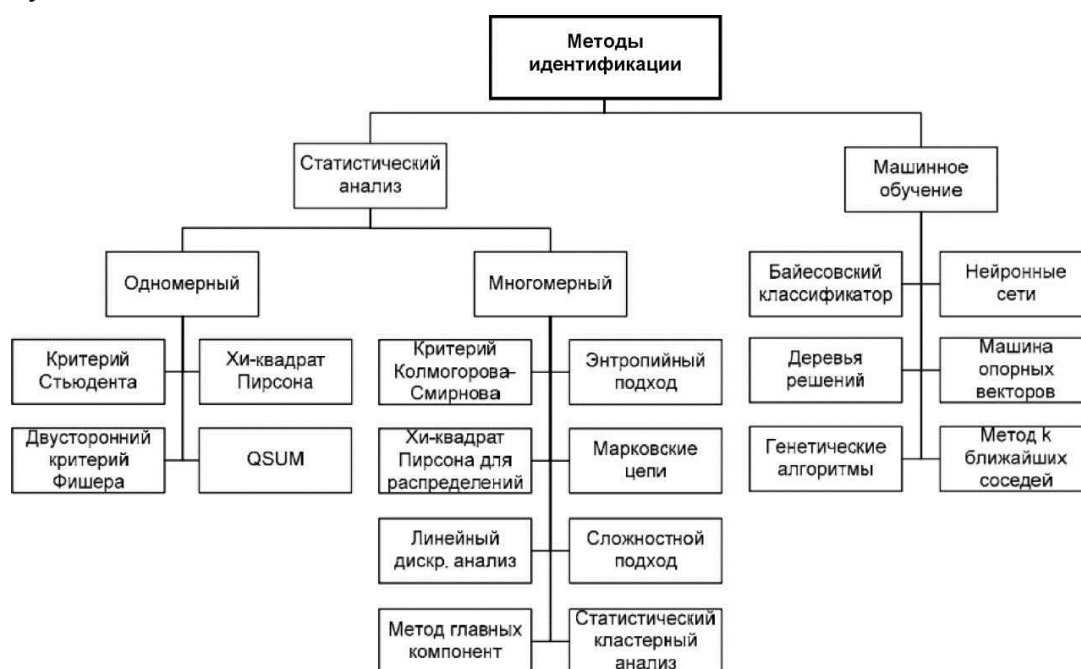

Рисунок 1 – Основные формальные методы идентификации

Машинное обучение: общие положения

Традиционно решения в самых разных областях деятельности принимаются либо на основании набора некоторых имеющихся правил, либо на основании правил, выработанных собственной практикой – опыта. Развитие систем поддержки принятия решений во второй половине 20 в. шло, в первую очередь, по пути формулировки инструкций – правил, которые информационная система должна выполнять. Возможность формирования у информационной системы опыта требовало больших мощностей хранения и обработки данных, и лишь развитие техники и алгоритмов обработки данных в конце 20-го – начале 21 в. позволило активно внедрять самообучающиеся системы в практику самых разных дисциплин. Направление в информационных технологиях, занимающееся алгоритмической составляющей самообучающихся систем, получило название машинного обучения.

Машинное обучение – класс методов искусственного интеллекта, характерной чертой которых является не прямое решение задачи, а обучение в процессе применения решений множества сходных задач. Процесс проведения исследований с использованием методов машинного обучения состоит из, как минимум, двух этапов: этапа обучения системы, т. е. формирования алгоритма решения задачи, и этапа принятия системой решения при поступлении на вход новых данных. Выборка объектов, используемая для обучения, называется обучающей. Как правило, определение качества модели (близости ее результатов фактическим значениям) осуществляется на тестовой выборке – наборе данных с заранее известным результатом.

Традиционно выделяют три вида машинного обучения: обучение учителем, обучение без учителя и обучение с подкреплением [4, с. 15–17].

Обучение с учителем является наиболее распространенным видом машинного обучения. В рамках данного вида обучения эксперт («учитель») сообщает информационной системе о принадлежности объекта, характеризующегося рядом признаков, к определенному классу. В дальнейшем, в соответствии с избранным и обученным алгоритмом система самостоятельно принимает решения, получая на вход набор признаков.

При обучении без учителя эксперт («учитель») как таковой отсутствует: система сама, в соответствии с алгоритмом, ищет зависимости между исследуемыми объектами. Такой метод используется, как правило, в тех случаях, когда невозможно выделить признаки, по которым должно приниматься решение. Типичными задачами обучения без учителя является кластеризация – объединение отдельных объектов исходя из определенных связей. Однако, каким образом и какие связи формируются в системе, наблюдатель не знает.

Поддерживающее обучение предусматривает наличие некоторой функции награды (наказания), которая максимизируется (минимизируется) при принятии некоторых решений. Система также обучается без учителя, однако выстраиваются зависимости не между объектами, а между решением и результатом (наградой либо наказанием). При обучении «ученик» использует различные стратегии, каждая из которых характеризуется определенным значением награды (наказания). Данный вид машинного обучения наиболее часто применяется для создания алгоритмов поведения автономных объектов (роботов, ботов и т. д.) как для практических целей (обучение БПЛА, роботов, персонажей компьютерных игр и т. д.), так и для научно-исследовательских целей (выработка оптимальных значений ставки рефинансирования, моделирование механизмов миграции животных в условиях техногенных катастроф, разработка путей эвакуации людей при возникновении пожара и др.).

Постановка задачи

Формально задачу классификации можно описать следующим образом [1]. Пусть X – множество описаний объектов, Y – конечное множество номеров (имен, меток) классов. Существует неизвестная целевая зависимость – отображение $y^*: X \rightarrow Y$, значения которой известны только на объектах конечной обучающей выборки $X^m = \{(x_1, y_1), \dots, (x_m, y_m)\}$. Требуется построить алгоритм $\alpha: X \rightarrow Y$, способный классифицировать произвольный объект $x \in X$.

Более общей считается вероятностная постановка задачи. Предполагается, что множество пар «объект, класс» $X \times Y$ является вероятностным пространством с неизвестной вероятностной мерой P . Имеется конечная обучающая выборка наблюдений $X^m = \{(x_1, y_1), \dots, (x_m, y_m)\}$, сгенерированная согласно вероятностной мере P . Требуется построить алгоритм $\alpha: X \rightarrow Y$, способный классифицировать произвольный объект $x \in X$.

Процесс машинного обучения

В процессе проведения исследования с применением методов машинного обучения выделяют следующие этапы (таблица 1).

Задача классификации в машинном обучении – это задача отнесения объекта к одному из заранее определенных классов на основании его формализованных признаков. Каждый

из объектов в этой задаче представляется в виде вектора в N -мерном пространстве, каждое измерение в котором представляет собой описание одного из признаков объекта.

Таблица 1 – Этапы проведения исследования методами машинного обучения [4, с. 22–26]

№	Этап	Решаемые на данном этапе задачи
1	Постановка вопроса	Какова научная цель исследования? Что было бы сделано при наличии всех данных? Что необходимо оценить либо предсказать?
2	Получение и подготовка данных	Как получают пробы? Какие данные являются значимыми?
3	Исследование данных	Построение таблиц, графиков данных
4	Моделирование данных	Построение модели Оптимизация модели Проверка пригодности модели
5	Обработка результатов и их визуализация	Построение табличных, графических отображений результатов исследования Что обозначают результаты?

При построении модели с использованием методов машинного обучения возможны две крайности: построение излишне сложных моделей, неверно описывающих зависимости (переобучение), и построение чрезмерно простых моделей, в которых упускаются важные закономерности (недообучение). Построение оптимальной модели напрямую связано с избеганием как переобучения, так и недообучения.

Требования к методам машинного обучения в судебной экспертизе

В настоящее время отдельные методы машинного обучения (в первую очередь, нейронные сети и наивный байесовский классификатор) уже получили применение в судебной экспертизе. Так, в автоматизированных информационных системах, применяемых в судебно-экспертной деятельности, популярны нейронные сети, наивный байесовский классификатор, вероятностные деревья решений и др.

Вместе с тем, представляется, что не все методы машинного обучения могут применяться в судебной экспертизе. Согласно популярной классификации, выделяют методы «черного ящика» и методы «белого ящика». Методы «черного ящика» – группа методов, внутренние механизмы функционирования которых наблюдателю неизвестны либо интерпретировать которые он не в состоянии. К методам «черного ящика» в машинном обучении традиционно относят: нейронные сети, леса решений, методы группы машин опорных векторов и ряд других.

Механизмы работы методов «белого ящика» доступны и понятны для наблюдателя. К методам «белого ящика» относят метод k -ближайших, группу методов с применением деревьев решений, байесовские классификаторы, классификаторы, основанные на определении максимальной энтропии (с применением логистической регрессии), а также ряд других [4; 5]. Далее в статье будет дано краткое описание приведенных методов и ссылки на соответствующие источники.

В системах поддержки принятия решений исследователь несет ответственность за принятое им, а не машиной, решение. Используя информационную систему как инструмент, он должен понимать принцип работы информационной системы и порядок вычисления результата. Таким образом, при проведении экспертных исследований для формулировки промежуточных либо окончательных выводов возможно применение только методов «белого ящика». В этой связи, в рамках данной работы будут рассматриваться только методы данной категории.

Также, необходимо учитывать, что судебная экспертиза является процессуальным действием – деятельность судебного эксперта жестко определена и закреплена в законодательстве. Любые действия, в том числе с объектами экспертизы (в рамках судебной лингвисти-

ческой экспертизы объектом является сам текст), должны быть одобрены лицом, ведущим следственный (судебный) процесс, а также максимально обезличены. В связи с этим, представляется нецелесообразным проведение исследований с применением онлайн- и облачных средств анализа данных в ходе экспертизы.

Краткое описание основных методов «белого ящика» при проведении обучения «с учителем»

Метод k -ближайших соседей

Метод k -ближайших соседей (kNN – k -nearest neighbours) – метрический алгоритм для классификации объектов, основанный на оценивании сходства объектов. В его основе лежит гипотеза о компактности: классифицируемый объект относится к тому классу, к которому принадлежат ближайшие к нему объекты обучающей выборки.

Алгоритм решения задачи методом k -ближайших соседей выглядит следующим образом:

- а) вычислить расстояние до каждого из объектов обучающей выборки;
- б) отобрать k объектов обучающей выборки, расстояние до которых минимально;
- в) определить класс объекта как наиболее часто встречающийся среди k ближайших соседей.

Решение задачи данным методом предусматривает определение меры расстояния между объектами.

В качестве меры расстояния чаще всего используются:

1. Евклидово расстояние:

$$\rho(x_i, x_j) = \sqrt{\sum_{k=1}^m w_k (x_i^{(k)} - x_j^{(k)})^2}, \quad (1)$$

2. Манхэттенское расстояние:

$$\rho(x_i, x_j) = \sum_{k=1}^m |x_i^{(k)} - x_j^{(k)}|, \quad (2)$$

3. Косинусная мера:

$$\rho(x_i, x_j) = \frac{\sum_{k=1}^m x_i^{(k)} x_j^{(k)}}{\sqrt{\sum_{k=1}^m (x_i^{(k)})^2} \sqrt{\sum_{k=1}^m (x_j^{(k)})^2}}, \quad (3)$$

где $(x_i^{(1)}, \dots, x_i^{(m)})$ – вектор m признаков i -го объекта,

$(x_j^{(1)}, \dots, x_j^{(m)})$ – вектор m признаков j -го объекта;

w_k – вес k -го признака.

Определение значения k возможно либо простым угадыванием, либо применением определенных алгоритмов.

Детально ознакомиться с данным алгоритмом, принципами его работы и примерами можно в литературе по машинному обучению, например [4, с. 21–50]. Графически метод k -ближайших соседей для двумерного пространства признаков представлен на рисунке 2. Методом k -ближайших соседей спорный объект, характеризующийся двумя признаками (обозначен вопросительным знаком), ближе по дальности и количеству классу $\star$, а не $\circ$.

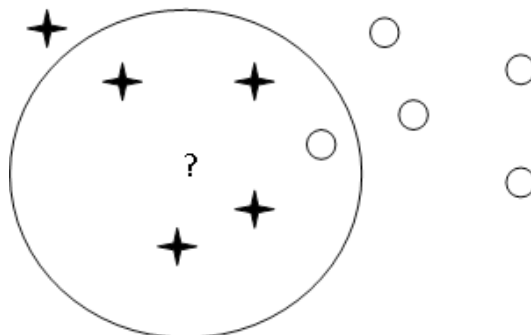

Рисунок 2 – Графическое представление метода k -ближайших соседей

Наивный байесовский классификатор

Первоначально для исследования определяется множество признаков мощностью n ($0 < n < \infty$), по которым предполагается проведение исследования. Количество откликов (вариантов значений зависимой переменной) конечно (в модели наивного байесовского классификатора называются классами).

Вероятность того, что некоторый объект y относится к определенному классу C_r будет обозначаться как $P(y = C_r)$, событие, соответствующее равенству независимых переменных $(F_1, \dots, F_n)$ определенным значениям, как E , вероятность его наступления – $p(E)$ (см. рисунок 3). На представленном рисунке связи между сущностями (объект и признаки) показаны стрелками.

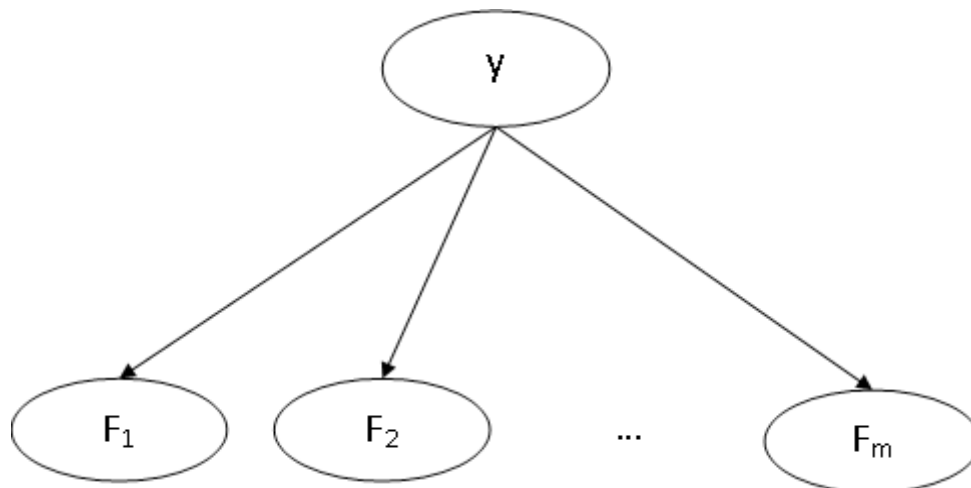

Рисунок 3 – Графическое описание модели наивного байесовского классификатора в нотации байесовских сетей

Общая идея состоит в расчете условной вероятности принадлежности объекта к C_r при равенстве его независимых переменных определенным значениям. Текст, в таком случае, представляется как вектор в n -мерном пространстве с определенными значениями переменных.

В соответствии с моделью наивного байесовского классификатора,

$$p(y = C_r | E) = \frac{p(y = C_r, E)}{p(E)}, \quad (4)$$

где $p(y = C_r | E)$ – вероятность того, что текст относится к некоторому классу C при условии определенных значений признаков $F_1, \dots, F_m$;

$p(y = C_r, E)$ – вероятность совместного распределения класса C_r и события E ;

$p(E)$ – вероятность наступления события E .

Вероятность $p(y = C_r, E)$, исходя из определений условной вероятности, может быть представлена как

$$p(y = C_r, E) = p(y = C_r, F_1 = a, \dots, F_m = t) = p(y = C_r) \times p(F_1 = a, \dots, F_m = t | y = C_r), \quad (5)$$

где $a, \dots, t$ – конкретные количественные значения признаков $F_1, \dots, F_m$.

«Наивность» классификатора состоит в предположении о взаимной независимости переменных $F_1, \dots, F_m$ (на рисунке 3 между признаками $F_1, \dots, F_m$ стрелки, обозначающие связи, отсутствуют), ввиду чего $p(y = C_r, E)$ может быть переписано как

$$p(y = C_r, E) = p(y = C_r) \times p(F_1 = a | y = C_r) \times \dots \times p(F_m = t | y = C_r). \quad (6)$$

Более подробно ознакомиться с данным алгоритмом можно в специальной литературе по анализу данных и машинному обучению, например, [4, с. 51–73].

Классификатор на основе логистической регрессии

В основе данного классификатора лежит отношение вероятностей принадлежности объекта к определенному классу. Классификатор применяется в тех случаях, когда зависимая переменная является неколичественной переменной с бинарным откликом (может принимать значения одно из двух возможных, напр. «да»/«нет»). Данный тип классификатора является особо актуальным при проведении идентификационных исследований в судебной экспертизе.

Формально модель логистической регрессии (логит) выглядит следующим образом:

$$\ln\left(\frac{p}{1-p}\right) = b_0 + b_1 x^{(1)} + \dots + b_m x^{(m)}, \quad (7)$$

где p – вероятность отнесения объекта к классу, b_0 – независимая константа модели, $b_1, \dots, b_m$ – параметры модели, $x^{(1)}, \dots, x^{(m)}$ – вектор m признаков, характеризующих класс.

Вероятность p , таким образом, определяется как:

$$p = \frac{1}{1 + e^{(-z)}}, \quad (8)$$

где z – линейная функция $z = B \times X$, B – вектор весовых коэффициентов $b_0, \dots, b_m$, X – вектор признаков $x^{(1)}, \dots, x^{(m)}$ ($x^{(0)}$ предполагается равным 1).

Интересующимся логистической регрессией как методом анализа данных (в том числе для случаев, когда зависимая переменная может принимать более чем два неколичественных значения), рекомендуется обратиться к фундаментальной работе [6], в более компактном, но достаточно детальном изложении этот метод представлен в [7, с. 263–303].

Классификатор на основе деревьев решений

Бинарное дерево решений представляет собой математическую реализацию логической конструкции условного выбора: «если ..., то ..., иначе...». Использование деревьев решений в анализе данных вообще и в задачах классификации в частности является одним из наиболее популярных подходов. Прежде всего, это связано с простотой в понимании данного метода и удобством его графического отображения (графическое представление примера дерева решений для двух признаков приведено на рисунках 4а и 4б). Решение о принадлежности объекта y к классу α - δ производится по совокупности оценки значений признаков F_1 и F_2 (возможно, что классов будет меньше чем 4 (см. рисунок 4б), но возможных решений должно быть, как минимум, два). Так, класс β на рисунке 4а характеризуется следующими значениями: $F_1 \leq a \cap F_2 > b$.

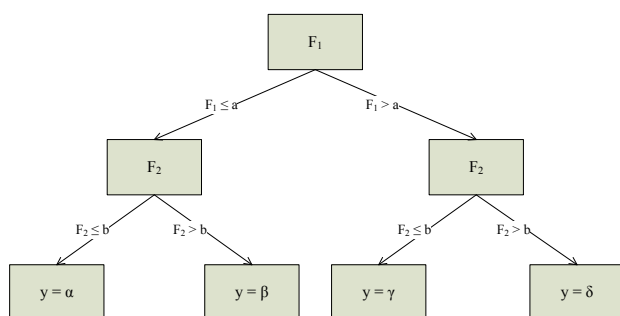

Рисунок 4а – Пример дерева решений с двумя признаками и четырьмя решениями

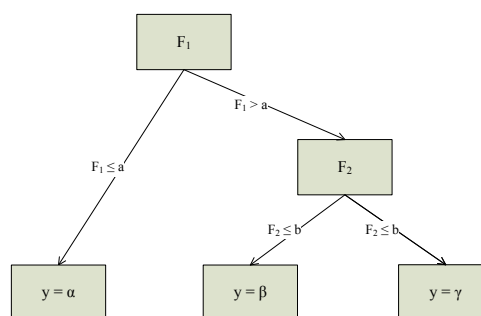

Рисунок 4б – Пример дерева решений с двумя признаками и тремя решениями

В качестве примера предположим, что решается вопрос о кредитоспособности клиента в банке. Упрощенно допустим, что решение принимается на основе возраста и дохода клиента. В конечном итоге принимается одно решение из двух возможных: кредитоспособен либо нет. Так, если возраст клиента меньше допустимого, он автоматически относится

к классу «некредитоспособен». В случае, если возраст не меньше допустимого, определяется, меньше ли размер дохода минимально допустимой границы, либо нет. И лишь в случае, если и возраст, и размер дохода не выходят за допустимые границы, принимается решение об отнесении клиента к классу «кредитоспособен».

Формально говоря, дерево решений – направленный граф без циклов с одной вершиной, для которой отсутствуют входящие ребра (корневая вершина). Листьям дерева – вершинам, не имеющим потомков, – сопоставлены классы. Каждому из узлов t , не являющемуся корнем либо листом (внутреннему узлу), соответствуют функции от признаков (проверяется значение отдельного признака) $Q_t(F_1, \dots, F_m)$. При этом, каждый из внутренних узлов имеет ≥ 2 дочерних вершины. Каждому из ребер графа $r_1(t), \dots, r_{K(t)}(t)$ соответствует область значений $S_1(t), \dots, S_{K(t)}(t)$ для $Q_t(F_1, \dots, F_m)$, так, что $S_1(t), \dots, S_{K(t)}(t)$ покрывают все множество значений $Q_t(F_1, \dots, F_m)$, $S_i \cap S_j = \emptyset, i \neq j, i, j \in \{r_1(t), \dots, r_{K(t)}(t)\}$.

Вместе с тем, данному классификатору свойственен ряд серьезных недостатков, ограничивающих возможность его эффективного применения. Задача построения оптимального дерева является, к настоящему времени, нерешаемой. Для построения деревьев разработан ряд эвристических подходов, нацеленных на построение, с одной стороны, как можно более простого дерева, с другой – обладающего максимально возможным качеством классификации. В случае усложнения структуры модели возникает опасность переобучения.

Решением этой проблемы, как правило, является регулирование высоты дерева (урезание дерева), за счет отсекаания вершин, разделение в которых слабо влияет на качество классификации. При этом, результаты классификации на обучающей выборке ухудшаются, а на тестовой – наоборот, улучшаются. Однако в таких условиях точная оценка показателей, характеризующих качество модели, становится затруднительной, что может существенно снижать эффективность применения деревьев. Кроме того, при большом количестве анализируемых признаков и высоких требованиях к точности модели наиболее подходящая модель может, в любом случае, оставаться большой, а ее построение и применение – требовать значительных вычислительных ресурсов. Наконец, сама работа по урезанию дерева требует определенной подготовки ввиду необходимости понимания влияния урезания на итоговый результат. Проведение таких подготовительных работ также снижает эффективность применения данного метода для решения задач классификации.

В работе [8, с. 16] также отмечается самая низкая точность данного метода среди всех, использованных автором (в их числе были приведенные выше методы машинного обучения). Представляется, что такой результат связан, скорее, не с низкой эффективностью самого метода, а с недостаточно эффективным подходом автора к решению проблемы переобучения. Вместе с тем, неоднозначность результатов применения данного метода очевидна.

В этой связи, представляется нецелесообразным применение метода деревьев решений для решения задач классификации и идентификации до выработки научно обоснованных алгоритмов, позволяющих эффективно преодолеть указанные выше проблемы.

Определение параметров качества модели

В специальной литературе (например, [9, с. 298–302 и др.]) для определения качества модели предлагаются такие параметры, как точность, прецизионность, специфичность.

Для определения данных параметров проводится проверка работ системы на обучающей выборке с заранее размеченными данными. Объекты обучающей выборки уже классифицированы, и результаты классификации системой объектов сравниваются с уже имеющейся классификацией. Ввиду того, что проводится качественный анализ, в дальнейшем, под положительными значениями (результатами) будут пониматься результаты о принадлежности объекта к классу, под отрицательными – о его непринадлежности. В простейшем случае, все полученные в результате работы системы выводы подразделяются на:

– истинно положительные (*true positive, TP*) – в случае, если системой дан положительный ответ (например, о том, что объект относится к некоторому классу) и этот вывод совпадает с реальностью;

– истинно отрицательные (*true negative, TN*) – в случае, если системой дан отрицательный ответ (например, о том, что объект не относится к некоторому классу) и этот вывод совпадает с реальностью;

– ложно положительные (*false positive, FP*) – в случае, когда системой дается положительный ответ при том, что в действительности должен быть отрицательный;

– ложно отрицательные (*false negative, FN*) – в случае, когда системой дается отрицательный ответ при том, что в действительности должен быть положительный.

Для наглядности приведенная выше классификация представлена в таблице сопряженности (таблица 2).

Таблица 2 – Таблица сопряженности результатов работы системы

		Факт	
		Положительный	Отрицательный
Вывод, данный системой	Положительный	<i>TP</i>	<i>FP</i>
	Отрицательный	<i>FN</i>	<i>TN</i>

Точность (*accuracy*), в таком случае, определяется как отношение суммы истинно положительных результатов и истинно отрицательных результатов к общему количеству выводов:

$$\text{Точность} = \frac{TP + TN}{TP + FP + TN + FN} \quad (9)$$

Для целей экспертных исследований точность является недостаточно подходящим параметром, так как высокая точность может сочетаться с неспособностью системы определить редкие значения (например, ошибочно определяя единственный относящийся к классу объект как не относящийся). В этой связи, представляется целесообразным использовать, наряду с точностью, иные параметры качества моделей – прецизионность и специфичность.

Прецизионность определяется как количество правильно определенных положительных значений к общему количеству положительных значений, заявленных системой:

$$\text{Прецизионность} = \frac{TP}{NP + FP} \quad (10)$$

Специфичность есть доля правильно определенных фактически отрицательных значений (объекты не принадлежат к классу) от общего количества отрицательных значений:

$$\text{Специфичность} = \frac{TN}{TN + FP} \quad (11)$$

Для определения этих параметров в разрабатываемой системе представляется целесообразным использовать метод *n*-сложений для кросс-валидации модели.

Суть метода состоит в следующем. Вся совокупность записей заранее размеченной выборки делится на *n* частей. Из них *n*-1 используются для обучения системы, последняя – для проверки и определения параметров. Для максимально возможного обучения системы и наиболее правильного установления ее параметров данная процедура повторяется некоторое количество раз. Не существует каких-либо жестких значений для *k* и количества итераций данной процедуры, однако *k* не должно быть меньше 2 (как правило, в литературе предлагается 10), количество итераций – не менее *k* (в отдельных источниках рекомендуется повторять не меньше количества записей в выборке).

В завершение хотелось бы отметить, что представляется целесообразным провести работы по внедрению методов машинного обучения (из числа методов «белого ящика»)

в практику судебно-экспертной деятельности как при разработке новых технических и/или программных средств и методик для целей судебной экспертизы, так и для проверки пригодности уже имеющихся. Для анализа качества моделей могут быть использованы указанные выше параметры.

Список использованных источников

1. Анализ данных и процессов : учеб. пособие / А. А. Барсегян [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб. : БХВ : Петербург, 2009. – 512 с.
2. Нефёдов, С. Н. Применение методов интеллектуального анализа данных в криминалистике и судебной экспертизе / С. Н. Нефёдов, В. А. Пархименко, М. М. Татур // Вопросы криминалогии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол. : А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 2(42). – С. 59–68.
3. Батура, Т. В. Формальные методы определения авторства текстов / Т. В. Батура // Вестник НГУ. Серия : Информ. технологии / под ред. А. М. Федотова. – Новосибирск, 2012. – Том 10, вып. 4. – С. 81–94.
4. Kirk, M. Thoughtful Machine Learning : A Test-Driven Approach / M. Kirk. – Sebastopol : O'Reilly Media, Inc, 2014. – 233 с. : ил.
5. Gutierrez, D. D. Machine Learning and Data Science : An Introduction to Statistical Learning Methods with R / D. D. Gutierrez. – Basking Ridge, USA : Technics Publications, 2015. – 247 с.: ил.
6. Hosmer, D. W., Applied Logistic Regression / D. W. Hosmer, Jr. S. Lemeshow, R. X. Scurdivant // Third Edition. – Hoboken : John Wiley & Sons, Inc., 2013. – 508 с.
7. Sheather, S. J. A Modern Approach to Regression with R / S. J. Sheather. – New York, USA : Springer, 2009. – 407 с.: ил.
8. Шевелёв, О. Г. Разработка и исследование алгоритмов сравнения стилей текстовых произведений : автореф. дис. ... канд. техн. наук : 05.13.18 / О. Г. Шевелёв, Томск. гос. ун-т. – Томск, 2006. – 19 с.
9. Lantz, B. Machine Learning with R / B. Lantz. – Birmingham : Packt Publishing, 2013. – 395 с.

Дата поступления: 26.04.2018

N. L. Bobrova

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
Belarussian State University of Informatics and Radioelectronics
Minsk, Belarus

S. V. Chaschin

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

APPLICATION OF MACHINE LEARNING METHODS IN FORENSIC SCIENCE FOR THE PURPOSES OF IDENTIFICATION AND CLASSIFICATION: REVIEW AND ADAPTATION OF APPROACHES

The article is devoted to several distinct methods of machine learning, one of the most relevant and prospective trends in data analysis. We provide analysis of possibilities and limitations of application of these methods in forensic science (first of all, in identification and classification). We also substantiate exploitation of «white box» supervised learning methods in forensic science, and provide brief review of the most popular methods from this group.

Keywords: data analysis, machine learning, supervised learning, «white box» methods, identification, classification.

ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА

УДК 343.98

Л. В. Маркова

кандидат технических наук

В. В. Коледа

кандидат химических наук

И. В. Фомихина

кандидат технических наук

Н. С. Колодинская

Государственное научное учреждение «Институт порошковой металлургии»

г. Минск, Беларусь

E-mail: iscentr@tut.by

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИЧИНЫ РАЗРУШЕНИЯ ПОРШНЯ ДВИГАТЕЛЯ

В статье представлены результаты лабораторных исследований по установлению причины разрушения поршня дизельного двигателя грузового автомобиля Mitsubishi, полученные с применением таких современных методов анализа, как сканирующая электронная микроскопия, микрорентгеноспектральный анализ и др.

Ключевые слова: анализ элементного состава, анализ микроструктуры, причина разрушения.

В 1996 г. на базе отдела физико-химических исследований ГНУ «Институт порошковой металлургии» (ИПМ) был создан Испытательный центр (ИЦ) «Исследование и испытание материалов», аккредитованный Госстандартом Республики Беларусь на независимость и техническую компетентность и имеющий право проводить сертификационные исследования и испытания и определять параметры и качество широкого круга материалов. Испытательный центр ГНУ ИПМ является единственной организацией в республике, где наиболее полно представлены различные методы анализа для определения элементного и фазового состава материалов, определения гранулометрического состава и выявления особенностей структуры различных классов материалов. Услугами ИЦ пользуются огромное число сторонних заказчиков, начиная от государственных предприятий и заканчивая индивидуальными предпринимателями. Одним из наиболее востребованных видов работ ИЦ является проведение исследований по установлению причины разрушения той или иной конструкции (детали).

Материалы и методика проведения исследования. В связи с отсутствием нормативно-технических документов на исследуемый поршень цилиндра двигателя для экспертизы были предоставлены два поршня (разрушенный и целый) двигателя грузового автомобиля Mitsubishi Fuso Canter. Целый поршень цилиндра двигателя служил образцом свидетелем, с которым сравнивали все свойства материала разрушенного поршня. Поскольку в разру-

шенном поршне практически полностью отсутствовала головка поршня и уплотняющая часть с компрессионными и маслосъемными кольцами, а на исследование предоставлено большое количество объектов в виде гранул (фрагменты разрушенного поршня со сглаженной поверхностью), то проводили исследование указанных гранул.

Фотографирование образцов осуществляли при помощи цифрового фотоаппарата Canon (PowerShot SX200). Исследование элементного состава материала поршней проводили на аттестованном рентгенофлуоресцентном спектрометре ED 2000 фирмы «Oxford Instruments Analytical» (Великобритания), на аттестованном атомно-эмиссионном спектрометре «ЭМАС-200Д» и на аттестованном сканирующем электронном микроскопе высокого разрешения «Mira» фирмы «Tescan» (Чехия) с микрорентгеноспектральным анализатором. Исследование микроструктуры образцов проводили на световом микроскопе «MeF-3» фирмы «Reichert» (Австрия) при увеличении $\times 100$, $\times 200$.

Анализ результатов исследования. На рисунке 1 представлены снимки двух исследуемых поршней. Четко видно, что разрушенный поршень короче, чем целый. Поршень разрушился по высоте примерно на треть, отсутствует головка поршня и уплотняющая часть с компрессионными и маслосъемными кольцами. Оставшаяся поверхность поршня имеет оплавленный вид. На боковой поверхности поршня имеются задиры. На снимках отчетливо видно, что фрагменты разрушенного поршня (гранулы) имеют сглаженную поверхность, отсутствуют острые кромки, что свидетельствует о том, что данные осколки подвергались длительному деформационному воздействию в замкнутом объеме цилиндра двигателя.

Рисунок 1 – Общий вид поршней (целого и разрушенного) дизельного двигателя грузового автомобиля Mitsubishi

Анализ элементного состава материала обоих поршней показал, что их элементный состав, с учетом погрешности измерений, идентичен и соответствует алюминиевому сплаву марки АК12ММгН (ГОСТ 1583-93 «Сплавы алюминиевые литейные»).

По результатам исследования целого поршня (рисунок 2) установлено, что головка поршня имеет вставку, выполненную из каркасного композиционного материала, состоящего из высоколегированного чугуна с пластинчатым графитом в районе уплотнительных колец (композиционный материал 1) и модифицированного кремнием алюминиевого сплава (композиционный материал 2).

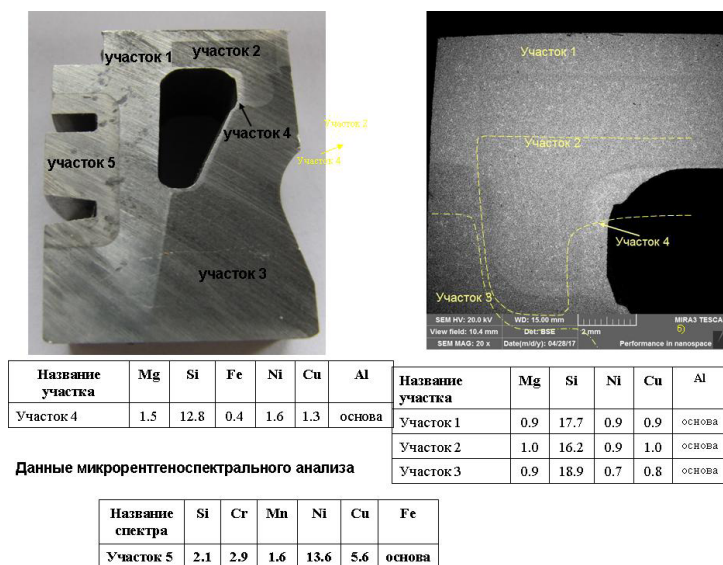

Рисунок 2 – Общий вид и электронное изображение фрагмента целого поршня в поперечном сечении с результатами микрорентгеноспектрального анализа

Исследование элементного состава гранул свидетельствует о том, что данные фрагменты представляют собой осколки головки и уплотняющей части поршня.

Микроструктура юбки целого поршня состоит из силумина, представляющего собой дендритообразный α -твердый раствор кремния в алюминии, эвтектику игольчатого типа ($\alpha + \text{Si}$) и небольшое количество отдельных первичных кристаллов кремния. В головке поршня и уплотняющей части присутствуют чугунная и модифицированная силуминовая вставки (рисунок 3). Микроструктура целого поршня в середине и по краю не имеет изменений и аналогична основной структуре, представленной на рисунке 4.

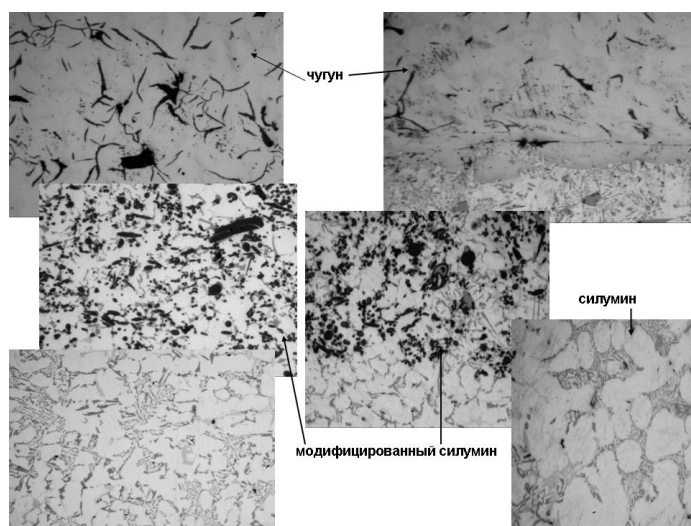

Рисунок 3 – Микроструктура целого поршня с чугунной вставкой, границей чугунной вставки с силумином, границей модифицированного силумина с основным силумином и основной силумин

Микроструктура разрушенного поршня в середине не отличается от микроструктуры целого поршня. Оплавленный край поршня имеет перекристаллизованную структуру с наличием пережогов по границам зерен относительно середины, что свидетельствует о возникновении на участке поверхности поршня температуры порядка 500-600 °C, согласно диаграмме состояния алюминий – кремний (рисунок 4).

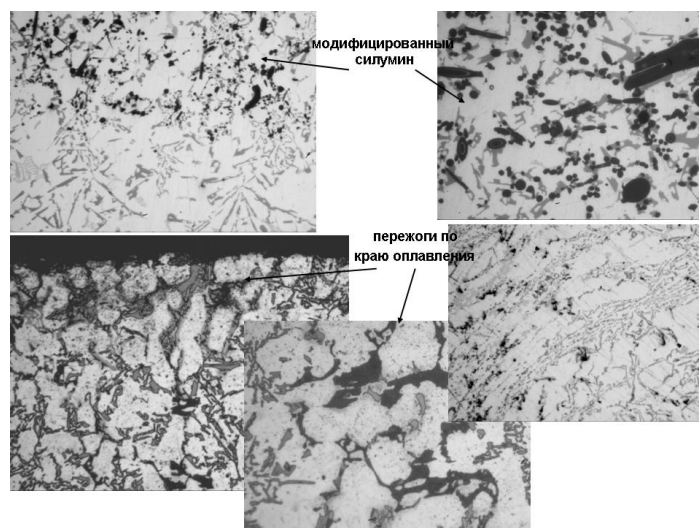

Рисунок 4 – Микроструктура разрушенного поршня в середине, пережоги по краю оплавления, перекристаллизация оплавленного края

По результатам проведенных исследований установлено, что элементный состав материала обоих поршней (целого и разрушенного) идентичен. Элементный состав фрагментов разрушенного поршня (гранул) соответствует элементному составу головки и уплотняющей части целого поршня. Наблюдается различие в структуре разрушенного и целого поршней, т. е. в разрушенном поршне имеются дефекты по границам зерен в виде пережога. Таким образом, следует заключить, что выход из строя исследуемого поршня произошел во время его работы в результате перегрева. Учитывая тот факт, что проведенные исследования материала разрушенного поршня не выявили дефектов металлургического характера, то перегрев поршня и последующее механическое разрушение поршня, в данном случае, вызваны нарушением условий его эксплуатации.

Для установления причинно-следственной связи выхода из строя исследуемого поршня, вызванного его перегревом, необходимо всестороннее изучение всех обстоятельств, связанных с условиями эксплуатации двигателя указанного автомобиля. Перегрев исследуемого поршня в процессе эксплуатации двигателя автомобиля мог быть вызван рядом причин, таких как: недостаточный уровень смазки, смыв масла из-за конденсации горючего, использование горючего с низким цетановым числом, нарушение нормальной работы, например, движение поршня цилиндра с перекосом и др.

Таким образом, результаты сравнительного исследования поршней дизельного двигателя грузового автомобиля Mitsubishi, полученные с применением современных металлографических методов анализа, позволили решить важный вопрос, связанный с качеством материала разрушенного поршня цилиндра и установить эксплуатационный характер его отказа.

Дата поступления: 22.03.2018

L. V. Markova

V. V. Koleda

I. V. Fomikhina

N. S. Kolodinskaya

SSI «Powder Metallurgy Institute»

Minsk, Belarus

APPLICATION OF ADVANCED TECHNIQUES TO DETERMINE THE CAUSES OF DESTRUCTION

The paper present the results of the investigation of the destruction cause of the diesel engine piston of a Mitsubishi lorry with the use of advanced technigues such as scanning electron microscopy, micro-X-ray spectral analysis, etc.

Keywords: elemental composition analysis, mikrostructure analysis, causes of destruction.

УДК 343.98

А. Б. Туkenова

Центр судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан

E-mail: aidaexpert@bk.ru

АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАСНЫХ МОНОФТОНГОВ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Исследованию гласных звуков казахского литературного языка посвящено большое количество работ, в которых основное внимание уделяется артикуляционным характеристикам гласных звуков речи, а также определению набора их дифференциальных признаков. Акустические же характеристики гласных казахского литературного языка описаны недостаточно подробно.

В статье представлены данные экспериментально-фонетического анализа акустических параметров (формантной структуры и длительности) основных гласных монофтонгов казахского литературного языка, в результате которого определены положения гласных монофтонгов казахского языка в акустическом пространстве и частоты трех первых формант.

Ключевые слова: звуковая система казахского языка, гласные, монофтонги, форманты, звучащая речь.

Актуальность настоящего исследования определяется возрастающим количеством фонографических экспертиз по идентификации казахоязычных дикторов в Центре судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан.

Идентификационное исследование дикторов по голосу и речи в соответствии с методикой судебно-экспертного фонографического исследования состоит из трех частей – аудитивной, лингвистической и инструментальной [1].

Аудитивная часть исследования устанавливает идентификационные признаки с помощью методов перцептивного (слухового) анализа голоса и звучащей речи и проводится с помощью специализированного программно-аппаратного комплекса. Лингвистическая часть исследования проводится с целью выявления имеющихся в речевом материале лингвистических идентификационных признаков. Для этого используются различные методы слухового и лингвистического анализа звучащей речи. В инструментальной части исследования оцениваются параметры частоты основного тона, статистические характеристики мелодической кривой и темпа речи, а также частотные характеристики формант гласных звуков речи.

Форманта – термин фонетики, обозначающий акустическую характеристику звуков речи. Форманты – это резонансные частоты речевого тракта в процессе производства речи. В спектрах гласных выделяют обычно 4-5 формант, и обозначаются они как F1, F2, F3, F4, F5.

При проведении формантного анализа речи русскоговорящего диктора используются эталонные значения формант для гласных фонем русского языка, такие эталонные значения формант для гласных фонем казахского языка находятся на стадии изучения.

В научной работе Ж. А. Есенбаева [2] сделана попытка анализа формантных характеристик гласных казахского языка, однако материалом исследования послужили изолированно произнесенные гласные звуки речи. Как показывает экспертная практика, при идентификации диктора по звучащей речи в фонограммах очень редко произносятся изолированные гласные звуки. В связи с этим возникла необходимость исследования формантной структуры гласных звуков казахского языка в словах, при этом исходным материалом для исследования послужили односложные казахские слова типа «гласный+согласный», «согласный+гласный+согласный». В эксперименте участвовали 10 мужчин (носители языка как родного), средний возраст которых 25–35 лет, не имеющие выраженных дефектов речи и обладающие схожим тембром голоса. Экспериментальный материал для данного исследования был собран и записан в ходе интервью с дикторами в форме «вопрос-ответ». Объем материала исследования составил 1 500 произнесенных слов, все гласные в ударных позициях. Анализ проводился с использованием программного обеспечения Praat, предназначенного для акустического анализа звуков речи, фонетического и фонологического анализа звукового материала. Результаты исследования проверялись с помощью программного обеспечения Speech Analyzer версии 3.1.

Казахский язык является государственным языком Республики Казахстан и принадлежит к тюркской семье языков. Современный казахский кириллический алфавит содержит 42 буквы, 15 из которых номинально относятся к гласным. На данный момент звуковая система казахского языка является предметом дискуссии, в связи с этим в учебниках и монографиях [3–10] можно встретить разные сведения о количестве гласных звуков (от 7 до 15).

По этой причине данное исследование основывалось на системе гласных звуков, определенных основоположником казахского языкознания А. Байтурсыновым [11]. В предложенной им системе имеется 9 гласных звуков (монофтонгов): [a], [ə], [ы], [i], [o], [ə], [ʏ], [y], [e]. Гласные звуки казахского языка от способа артикуляции классифицируются по следующим признакам:

- 1) положению языка (ряду гласного): твердые и мягкие;
- 2) положению челюсти: открытые и закрытые;
- 3) положению губ: округленные и неокругленные.

Изучение формантных значений гласных звуков языка позволяет судить об их артикуляционных характеристиках, так как имеется определенная связь между акустическими и артикуляционными характеристиками.

Зависимость акустических характеристик гласных от артикуляционных характеристик обратная: «чем ниже подъем, тем выше частота первой форманты (F1), чем более переднее положение занимает язык, тем выше вторая форманта (F2)». Таким образом, первая форманта (F1) связана со степенью подъема языка к нёбу, значение второй форманты (F2) связано с рядом гласных, что позволяет «прочитать» гласную на спектрограмме (графическом изображении спектра сигнала) по положению F1 и F2. Кроме того, более высокие форманты F3-F4 содержат информацию об индивидуальных особенностях голоса диктора.

Учитывая вышеизложенное, на основании исследования формантных характеристик всех гласных монофтонгов казахского языка были получены данные частотных значений для первых трех формант по каждому диктору. Формантная картина (F1, F2, F3) указанных гласных измерялась в точках минимального влияния консонантного окружения, то есть минимального влияния согласных, в середине гласного (результаты исследования отражены в таблицах 1, 2).

В таблице 1 представлены минимальные и максимальные пределы изменения F1-F3 для гласных звуков казахского языка, в таблице 2 – усредненные данные формантных значений для каждого гласного звука по всем дикторам.

Таблица 1 – Минимальные и максимальные пределы F1-F3 для гласных звуков казахского языка

№	Гласный звук	Обозначение в МФА – IPA [7]	F1, Гц	F2, Гц	F3, Гц
1	[a]	ɐ	600-720	1 110-1 400	2 400-2 750
2	[ə]	æ	588-680	1 750-2 000	2 400-2 800
3	[ы]	ɯ	445-510	1 100-1 300	2 430-2 700
4	[i]	i	410-490	1650-1 800	2 550-2 750
5	[o]	ɔ	430-540	860-1 050	2 300-2 600
6	[ə]	ə	380-470	1 250-1 650	2 290-2 600
7	[ʏ]	ʊ	420-490	800-1 100	2 300-2 700
8	[ʏ]	ʏ	350-440	1 690-1 850	2 470-2 790
9	[e]	e	360-420	1 900-2 200	2 800-3 100

Таблица 2 – Усредненные данные формантных значения F1-F3 для гласных звуков казахского языка

№	Гласный звук	Обозначение в МФА – IPA [7]	F1, Гц	F2, Гц	F3, Гц	Средняя длительность, мс
1	[a]	ɐ	656	1 281	2 560	90
2	[ə]	æ	634	1 850	2 743	80
3	[ы]	ɯ	478	1 264	2 565	40
4	[i]	i	458	1 710	2 650	60
5	[o]	ɔ	476	945	2 482	65
6	[ə]	ə	413	1 436	2 365	70
7	[ʏ]	ʊ	457	971	2 508	45
8	[ʏ]	ʏ	398	1 790	2 600	50
9	[e]	e	396	2 100	2 820	60

Гласный звук [a] – [ɐ] образуется при открытой челюсти, нейтральном положении губ, низком положении языка и в средней части языка. Следовательно, звук [a] по положению челюсти является открытым, по положению губ – неокругленным, по вертикальному положению языка (при среднем значении F1 = 656 Гц) – нижним, а по горизонтальному положению (при среднем значении F2 = 1 281 Гц) – средняяязычным гласным звуком. Артикуляционные признаки звука [a]: открытый, нижний, задняяязычный, неокругленный.

Гласный звук [ə] – [æ] образуется при открытой челюсти, нейтральном положении губ, нижнем положении языка и продвинутом вперед языке. Следовательно, звук [ə] по положению челюсти является открытым, по положению губ – неокругленным, по вертикальному положению языка (при среднем значении F1 = 634 Гц) – нижним, а по горизонтальному положению (при среднем значении F2 = 1 850 Гц) – передняяязычным гласным. Артикуляционные признаки звука: открытый, нижний, передняяязычный, неокругленный.

Гласный звук [e] – [ɐ] образуется при полуоткрытой челюсти, нейтральном положении губ, среднем положении языка и отодвинутом вперед языке. Следовательно, звук [e] по положению челюсти является полуоткрытым, по положению губ – неокругленным, по вертикальному положению языка (при среднем значении F1 = 396 Гц) – средним, а по горизонтальному положению (при среднем значении F2 = 2 100 Гц) – передняяязычным. Артикуляционные признаки звука [e]: полуоткрытый, средний, передняяязычный, неокругленный.

Гласный звук [o] – [ɔ] образуется при полуоткрытой челюсти, округленных губах, средненижнем положении языка и отодвинутом назад языке. Следовательно, звук [o] по положению челюсти является полуоткрытым, по положению губ – округленным, по вертикальному положению языка (при среднем значении F1 = 476 Гц) – средненижним, а по

горизонтальному положению (при среднем значении $F2 = 945$ Гц) – заднеязычным гласным. Артикуляционные признаки звука [o]: полуоткрытый, средненижний, заднеязычный, округленный.

Гласный звук [ə] – [ə] образуется при полуоткрытой челюсти, округленных губах, средневерхнем положении языка и в средней части языка. Следовательно, звук [ə] по положению челюсти является полуоткрытым, по положению губ – округленным, по вертикальному положению языка (при среднем значении $F1 = 413$ Гц) – средневерхним, а по горизонтальному положению (при среднем значении $F2 = 1\,436$ Гц) – среднеязычным гласным. Артикуляционные признаки звука [ə]: полуоткрытый, средневерхний, переднеязычный, округленный.

Гласный звук [ʊ] – [ʊ] образуется при закрытой челюсти, округленных губах, средневерхнем положении языка и отодвинутом назад языке. Следовательно, звук [ʊ] по положению челюсти является закрытым, по положению губ – округленным, по вертикальному положению языка (при среднем значении $F1 = 457$ Гц) – средневерхним, а по горизонтальному положению (при среднем значении $F2 = 971$ Гц) – заднеязычным гласным звуком. Артикуляционные признаки звука [ʊ]: закрытый, средневерхний, заднеязычный, округленный.

Гласный звук [y] – [y] образуется при закрытой челюсти, округленных губах, средневерхнем положении языка и отодвинутом вперед языке. Следовательно, звук [y] по положению челюсти является закрытым, по положению губ – округленным, по вертикальному положению языка (при среднем значении $F1 = 398$ Гц) – средневерхним, а по горизонтальному положению (при среднем значении $F2 = 1\,790$ Гц) – переднеязычным гласным звуком. Артикуляционные признаки звука [y]: закрытый, средневерхний, переднеязычный, округленный.

Гласный звук [ɤ] – [ɤ] образуется при закрытой челюсти, нейтральном положении губ, средневерхнем положении языка и отодвинутом назад языке. Следовательно, звук [ɤ] по положению челюсти является закрытым, по положению губ – неокругленным, по вертикальному положению языка (при среднем значении $F1 = 478$ Гц) – средневерхним, а по горизонтальному положению (при среднем значении $F1 = 1\,264$ Гц) – заднеязычным гласным. Артикуляционные признаки звука [ɤ]: закрытый, верхний, заднеязычный, неокругленный.

Гласный звук [i] – [i] образуется при закрытой челюсти, нейтральном положении губ, средневерхнем положении языка и в средней части языка. Следовательно, звук [i] по положению челюсти является закрытым, по положению губ – неокругленным, по вертикальному положению языка (при среднем значении $F1 = 458$ Гц) – верхним, по горизонтальному положению (при среднем значении $F1 = 1\,710$ Гц) – переднеязычным. Артикуляционные признаки звука [i]: закрытый, средневерхний, переднеязычный, неокругленный.

Таким образом, в соответствии с полученными данными классификацию гласных звуков по ряду и по степени подъема языка можно представить в следующем виде:

Ряд			Подъем
передний	средний	задний	
			верхний
ү	ө, і	ұ, ы	средневерхний
е			средний
		о	средненижний
ә	а		нижний

Проведенное исследование является одним из этапов формирования эталонных значений формант для гласных фонем казахского языка, что способствует выявлению идентифицирующих признаков при определении принадлежности голоса и речи казахоязычных дикторов. В то же время результаты итоговых измерений показывают, что символы МФА в текущем варианте фонетической транскрипции использованы правомерно.

Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при разработке методик по идентификации казахоязычных дикторов, лекционных и практических курсов по фонетике современного казахского литературного языка, для уточнения описаний артикуляции гласных монофтонгов казахского языка при составлении учебников и учебных пособий, а также при создании программного обеспечения по распознаванию речи на казахском языке.

Список использованных источников

1. Каганов, А. Ш. Криминалистическая экспертиза звукозаписей / А. Ш. Каганов. – М., 2005. – 272 с.
2. Есенбаев, Ж. А. Распознавание казахской речи по определенной словарной базе в условиях шумов : дис. на соискание ученой степени (PhD) / Ж. А. Есенбаев. – Астана, 2014. – 175 л.
3. Жұбанов, Қ. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер / Қ. Жұбанов. – Алматы, 1966. – 362 с.
4. Ерғалиев, Қ. С. І. Кеңесбаев және қазақ тілінің дыбыс жүйесі : моногр. / Қ. С. Ерғалиев. – Павлодар, 2014. – 120 с.
5. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика / Л. Р. Зиндер. – М., 1979. – 312 с.
6. Фант, Г. Акустическая теория речеобразования / Г. Фант. – М., 1964. – 284 с.
7. Международный фонетический алфавит (IPA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.phonetics.ucla.edu/course/chapter1/wells/wells.html>. – Дата доступа : 20.03.2018.
8. Шарипбай, А. Проблемы перевода казахской письменности на латинский алфавит : моногр. / А. Шарипбай. – Астана, 2017. – 138 с.
9. Исаев, С. Қазақ тілі / С. Исаев. – Алматы, 1993. – 170 с.
10. Мырзабеков, С. Қазақ тілінің фонетикасы / С. Мырзабеков. – Алматы, 1993. – 136 с.
11. Байтұрсынов, А. Тіл тағлымы / А. Байтұрсынов. – Алматы, 1992. – 446 с.

Дата поступления: 29.03.2018

A. B. Tukenova

Forensic science centre of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan

ACOUSTIC PROPERTIES OF VOWELS MONOPHTHONGS OF THE KAZAKH LANGUAGE

The study of vowels in the Kazakh literary language has been devoted to a large number of works, where focus mainly on the phonological interpretation of vowels and their distinctive features. At the same time acoustic properties of the Kazakh vowels have not been explored at large.

This article presents the result of experimental-phonetic analysis of acoustic parameters (formant structure and duration) of the vocal of the Kazakh literary language in the acoustic space and frequency of the first three formants.

Keywords: sound system of the Kazakh language, vowels, monophthongs, formants, sounding speech.

Требования к оформлению статьи

Сопроводительные документы:

Автором заполняется согласно требованиям и подписывается договор неисключительной лицензии (в двух экземплярах), а также приложение к нему. Форма договора и приложение размещены на сайте: sudexpertiza.by.

Общие требования:

Статьи представляются на бумажном и электронном (файлу присвоить фамилию автора) носителях на русском, белорусском или английском языках и публикуются на языке представления. Экземпляр на бумажном носителе должен содержать контактный телефон, e-mail и подписи авторов.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word, формат A4, поля – не менее 2,5 см, абзацный отступ – 1,25 см, полуторный междустрочный интервал, шрифт Times New Roman, кегль – 14 пт. Объем статьи не менее 14 000 печ. знаков, включая пробелы между словами, но не более 30 000 печ. знаков (в этот объем входят текст, таблицы, рисунки, список источников).

Структура статьи:

УДК.

Сведения об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, e-mail.

Название статьи.

Аннотация (авторское резюме 8–10 строк).

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты изложенных в ней исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Аннотация может публиковаться самостоятельно, в отрыве от основного текста и, следовательно, должна быть понятной без обращения к самой публикации.

Ключевые слова (5–10).

Текст статьи: введение, основная часть, заключение с четко сформулированными выводами, список использованных источников (ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте).

Иллюстрации (рисунки, фотографии, диаграммы, графики и другие графические файлы) необходимо представлять в электронном виде отдельными файлами, в следующих форматах (без сжатия!): JPEG; PDF; TIFF; EPS.

На английском языке: сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова (ответственность за достоверность перевода несет автор).

Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование поступающих рукописей статей и оставляет за собой право выбора материалов для опубликования, без письменного объяснения причины отклонения. Статьи по теме диссертационных исследований, а также представленные лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения, пользуются правом первоочередного опубликования в сборнике, с пометкой «Научные публикации».

Плата за опубликование научных статей редакцией не взимается.

Авторы несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цифр, цитат, правовых сведений, имен и иной информации; за содержание в материалах данных, не подлежащих открытой публикации; за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями; и гарантируют отсутствие в рукописи нецитированных заимствований из Интернета и других источников. Материалы проверяются системой обнаружения текстовых заимствований на сайте: antiplagiat.ru.

Адрес редакции:

ул. Филимонова, 25, г. Минск, 220114

тел. 8 017 316 63 84

sudexpertiza.by

E-mail: sbornik@sudexpertiza.by

Requirements to the author's original text of manuscript

Accompanying documents:

The author fills in (in strict accordance to the requirements) and undersigns the form of the non-exclusive license agreement, as well as the annex to it. The form of the agreement and the annex to it are presented on the website: sudexpertiza.by

General requirements:

Author's original text of manuscript should be submitted in electronic and hardcopy format in Russian, Belarusian or English languages and published in the language of submission. Filename for electronic format should be the same as the surname of the author. Hardcopy should contain author's phonenummer, e-mail and author's handwriting signature.

The text of the author's original text shall be made in subject with the following conditions: text editor Microsoft Word, the A4 papersize, margins – at least 2.5 cm, paragraph-break – 1.25 cm, 1.5 line spacing, Times New Roman font, font size – 14 pt. Manuscript should be at least 14 000 symbols including blank characters, but no more than 30 000 symbols. The limit of symbols includes text, tables, pictures bibliographic list.

The text part of the author's original text shall include:

Author's personal data: surname, name, patronymic of the author(s); title, academic degree, academic rank, place of work, position, e-mail.

Title page of the article.

Abstract (authors' summary – 8–10 lines).

Abstract to the article should be:

- informative (the abstract should not contain general statements);
- insightful (the abstract should reflect the main idea of the article and the results of the research set out in this article);
- well-structured (the abstract should follow the logic of the description of the results of the research published in the article).

Abstract can be published detached from the main text of the article and, consequently, should be clear and understandable without recourse to the article itself.

Keywords (5–10).

The main text of manuscript should consists of introduction, the main text, conclusion (author's findings), bibliographic list (all references should be numbered in order of appearance).

Illustrations (pictures, photos, diagrams, charts and other graphic data) should be submitted as separate file of JPEG, PDF, TIFF, ESP format without compression.

All incoming manuscript will be reviewed by independent reviewer. It's the Editorial board's right to choose an article for publishing without any written explanations of the reason to author. Manuscript submitted by a persons who are searching for research degree, and the last year postgraduate student will have top priority. Such a manuscript will be published marked as «Scientific publication».

The publishing of manuscript is free of charge.

Author is in charge of accuracy of all facts, numeric data, citations, legal provisions, personal data as well as disclosure of any confidential data. Manuscripts are considered with the understanding that they have not been published previously in print or electronic format and are not under consideration by another publication or electronic medium. With submission an article author guarantees the absence of any violations of intellectual property. All texts are examined on-line on the website: antiplagiat.ru.

The Editorial Board address:

Philimonova str, 25, Minsk, 220114

phone.+375 17 3166384

sudexpertiza.by

E-mail: sbornik@sudexpertiza.by

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Ананич С. В. Квалификация преступлений и основания уголовной ответственности*

Веремеенко В. М. Некоторые проблемные аспекты оценки квалифицирующих признаков получения взятки*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Климович Ю. С. Об онтологических основаниях отечественного уголовного процесса (В двух частях. Часть 1)*

Самко А. В. Система органов дознания в Республике Беларусь: необходим пересмотр?*

КРИМИНОЛОГИЯ

Клим А. М. Состояние и динамика хулиганства в Республике Беларусь*

Селятыцкий Ю. И. Детерминанты современной молодежной преступности*

Герасименко О. А. Исследование виктимности несовершеннолетних при проведении судебно-психологических экспертиз по делам об изнасиловании*

КРИМИНАЛИСТИКА

Толочко А. Н. Некоторые аспекты взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности с уголовным правом: теоретико-правовой анализ*

Пацкевич А. П. Ретроспективный и криминалистический анализ возникновения и развития института обыска*

Хлус А. М. К вопросу о построении информационной модели легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем*

Лахтиков Д. Н. Особенности взаимодействия при осуществлении профилактической деятельности криминальной милицией*

Пилюшин С. В. Источники информации, как один из элементов информационного обеспечения*

CRIMINAL LAW

Ananich S. V. Qualification of crimes and basis of criminal liability*

Veremeenko V. M. Some problematic aspects of the evaluation of qualifying signs of receiving a bribe*

CRIMINAL PROCESS

Klimovich Y. S. Ontological basis of the domestic criminal process (In two parts. Part 1)*

Samko A. V. System of organization bodies in the Republic of Belarus: a revision is required?*

CRIMINOLOGY

Klim A. M. The state and dynamics of hooliganism in the Republic of Belarus*

Selyatytskyj Y. I. Determinants of modern youth crime*

Herasymenko O. A. Investigation of victimhood of minors in the conduct of forensic psychological examinations in the cases of rape*

CRIMINALISTICS

Tolochko A. N. Some aspects of interaction between detective activity with criminal law: theoretical and legal analysis*

Patskevich A. P. Retrospective and criminalistic analysis of the origin and development of the search institute*

Khlus A. M. To the question of the building of the informational model of legalization («laundering») of means obtained by the criminal way*

Lakhtikov D. N. Peculiarities of interaction in the implementation of preventive activity by criminal police*

Pilyushin S. V. Sources of information as one of the elements of information support*

Костюкевич Д. В. Принципы взаимодействия следователей с оперативными подразделениями органов внутренних дел Республики Беларусь*

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Орехова Е. П. К вопросу об основаниях назначения повторных экспертиз*

Павловец Г. А., Лужинская Е. Л. К вопросу о становлении и развитии портретной экспертизы*

Ропот Р. М. Факторы, влияющие на качество отображения оттисков печатей и штампов, снабженных автоматической оснасткой*

Макась О. Г., Кривицкий А. М., Залужный Г. И. Технологические аспекты и современные тенденции развития реконструкции дорожно-транспортных происшествий*

Чашин С. В. Применение методов машинного обучения «с учителем» для атрибуции текста: отдельные подходы и промежуточные результаты при идентификации авторов русскоязычных текстов*

Хох А. Н., Рылова Т. Б. Доказательственное значение спорово-пыльцевого анализа при исследовании вещественных доказательств*

Светличная Т. А., Шумак Г. А. Теоретические предпосылки и тенденции развития судебной экспертизы цен и ценообразования*

Светличная Т.А., Володина Ю.Г., Шумак Г.А. Материалы цен и ценообразования субъектов хозяйствования, реализующих подрядные строительные работы, как объект исследования судебной экономической экспертизы*

Парникель О. Г. InCites для анализа результатов научно-исследовательской деятельности ученых Беларуси*

СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА

Варфоломеев Е. А. Проблемные вопросы судебно-медицинской оценки повреждений, причиненных электрошоковыми устройствами*

101 Kostyukevich D. V. Principles of interaction between investigators and operational units of internal affairs bodies of the Republic of Belarus*

FORENSIC EXAMINATION

109 Orekhova K. P. To the question of a second forensic examination*

116 Pavlovets G. A., Lyginskaya E. L. On the question of the formation and development of portrait expertise*

125 Ropot R. M. Factors affecting the quality of display of prints of seals and stamps equipped with automatic tooling*

133 Makas O. G., Krivitski A. M., Zaluzhny G. I. Technology aspects and current trends of development of reconstruction of the road accidents*

139 Chaschin S. V. Application of machine learning supervised learning methods in text attribution: distinct approaches and intermediate results in identification of the authors of russian texts*

148 Khokh A. N., Rylova T. B. The evidentiary value of spore-pollen analysis to the study of physical evidence*

156 Sviatlichnaya T. A., Shumak G. A. Theoretical prerequisites and development trends in forensic examination of prices and price formation*

164 Sviatlichnaya T.A., Volodina Y.G., Shumak G.A. Case files that deal with prices and price formation by business entities that merchandise the contractors' construction work as a research object of forensic economic examination*

173 Parnikel O. G. InCites for results analysis scientific research activity scientists of Belarus*

FORENSIC MEDICINE

183 Varfolomeiev Y. A. Problematic issues concerning the forensic medical assessment of injuries caused by electroshock devices

**СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА.
АВТОМАТИЗАЦИЯ
ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Боброва Н. Л., Чашин С. В. Применение методов машинного обучения в судебно-экспертной деятельности для целей классификации и идентификации: обзор подходов и их адаптация*

191 Bobrova N. L., Chaschin S. V. Application of machine learning methods in forensic science for the purposes of identification and classification: review and adaptation of approaches*

ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА

Маркова Л. В., Коледа В. В., Фомихина И. В., Колодинская Н. С. Использование современных металлографических методов исследования при определении причины разрушения поршня двигателя

203 Markova L. V., Koleda V. V., Fomikhina I. V., Kolodinskaya N. S. Application of advanced techniques to determine the causes of destruction

Тукенова А. Б. Акустические характеристики гласных монофтонгов казахского языка*

207 Tukenova A. B. Acoustic properties of vowels monophthongs of the Kazakh language*

Требования к оформлению статьи

212 Requirements to the author's original text of manuscript

**FORENSIC EXAMINATION.
AUTOMATION
OF EXPERT ACTIVITY**

EXPERT PRACTICE

УДК 347.77
ББК 67.404
В74

Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол. : А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2018. – Вып. 1/43. – 216 с.
ISSN 2218-5119.

УДК 347.77
ББК 67.404

Научное издание

**Вопросы криминологии,
криминалистики и судебной экспертизы**

**Сборник научных трудов
Выпуск 1/43**

Редактор

Т. К. Грекова

Верстка и дизайн

Е. М. Бершова

Адрес редакции:

220114

г. Минск ул. Филимонова, 25

Телефон:

8 017 316 63 84

Интернет-адрес:

<http://sudexpertiza.by>

E-mail:

sbornik@sudexpertiza.by

Подписано в печать 28.05.2018 Формат 60x84_{1/8} Бумага офсетная

Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 27,5 Уч.изд.л. 27,9

Тираж 100 экз. Заказ № 2668

ИООО «Право и экономика» 220072 Минск Сурганова 1, корп. 2

Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66

E-mail: pravo-v@tut.by; pravo642@gmail.com Отпечатано на издательской системе

KONICA MINOLTA в ИООО «Право и экономика»

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий, выданное

Министерством информации Республики Беларусь 17 февраля 2014 г.

в качестве издателя печатных изданий за № 1/185